

И. Бончов ЗАПИСКИ
КРАСНОГВАРДЕЙЦА

И. КРЫЛОВ

**ЗАПИСКИ
КРАСНОГВАРДЕЙЦА**

**МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1977**

Крылов И. В.

К 85 Записки красногвардейца. Изд. 2-е. М.,
«Моск. рабочий», 1977.

232 с.

Автор книги И. В. Крылов — бывший работник завода Тильманса (теперь «Пролетарский труд»), одного из бастионов большевизма на Красной Пресне, красногвардеец в дни Великого Октября, политработник и чекист в годы гражданской войны. Он просто и ярко с позиций рядового участника событий рассказывает о боевой деятельности заводской партийной организации, героических делах рабочих завода в октябрьских боях и на полях сражений гражданской войны.

К $\frac{10604-266}{M172(03)-77}$ 29-77

9(С)21

© Издательство «Московский рабочий», 1977 г.

ПРЕСНЕНСКИЙ КОТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД МЕНЯЕТ ВЫВЕСКУ

Шел второй год мировой войны. Царская Россия, с ее отсталой промышленностью, уже в начале 1915 года стала испытывать исключительные трудности в снабжении армии вооружением и боеприпасами. Правительство было вынуждено прекратить отпуск металла предприятиям, не связанным непосредственно с военным производством. В числе таких предприятий оказался и Пресненский котельный завод великобританского подданного Ричарда Смита, прекративший с июля 1915 года производство паровых котлов и отопительной арматуры.

Отступая под ударами германской армии, царские войска 5 августа оставили Варшаву, 22 августа был сдан немцам город-крепость Ковно (ныне город Каунас в Литовской ССР).

Крупнейший в царской России ковненский винтоделательный завод братьев Тильманс и К^о героическими усилиями рабочих, под артиллерийским обстрелом, был вывезен из города-крепости, и рабочие завода со своими семьями направились в длительный путь в глубь России:

в Петроград, Москву, Нижний Новгород, Киев, Харьков и Екатеринослав.

В половине сентября большая часть вывезенного из Ковно оборудования завода достигла Москвы. Один из совладельцев завода — мануфактур-советник, обрусевший немец, русский подданный Рихард Тильманс арендовал земельный участок и освободившиеся производственные помещения завода Смита.

Котельный завод, основанный в 1856 году, прекратил свое существование, и на его воротах появилась вывеска: «Торговый дом братьев Тильманс и К°. Винтоделательный завод».

Заключив контракт на поставку военному ведомству шурупов, винтов, болтов и прочих крепежных металлоизделий, Тильманс немедленно приступил к монтажу и налаживанию оборудования, набору и обучению недостающих рабочих из числа жителей Пресни.

Дни и ночи шла непрерывная работа на заводе по установке и налаживанию производственного оборудования. Администрация не считалась ни с какими расходами на сверхурочные работы. Неслыханные до того времени высокие заработки тильманских рабочих всколыхнули всю рабочую Пресню. На монтаж и наладку оборудования в первую очередь потянулись квалифицированные слесари, токари, кузнецы, электромонтеры, а вслед за ними пошли на завод в обучение новому винтоделательному производству и молодые рабочие Прохоровской «Трехгорной мануфактуры», сахарного завода, заводов Грачева, Морица Пальма и других предприятий Пресни.

К концу 1915 года завод заработал на полную мощность. Но не пришлось Тильмансу обогатиться на поставках военному ведомству. 4 ноября 1915 года завод был секвестрован правительством на все время войны с Германией.

На воротах завода появилась новая вывеска: «Секвестрованный завод братьев Тильманс и К^о». В управление заводом вступила военная администрация.

Около четырехсот польских, литовских, латышских, белорусских и русских рабочих, прибывших из Ковно, расселились преимущественно на частных квартирах прилегающих к заводу пяти улиц Тестовского поселка, Студенецкого и Смитовского проездов (ныне Красногвардейские улицы и проезды, улица Литвина-Седого, Стрельбищенский переулочек, Мантулинская улица и Шмитовский проезд), двух Черногрязских улиц и многочисленных переулочков Пресненской заставы.

Одно только слово «беженцы» вызывало у пресненских рабочих чувства глубокого сочувствия и жалости. Как братьев, приняли они ковненских беженцев. Семьи, занимавшие две небольшие комнатки, одну из них отдавали беженцам, а имевшие одну — уступали им угол или койку в своей комнатке, делились с ковненскими рабочими жильем и мебелью, домашней утварью и кухонным инвентарем, делились своими радостями и горестями. Приезжие платили новым русским товарищам глубокой признательностью за их братский прием.

Ковненская молодежь быстро подружилась со своими русскими сверстниками на заводе, а через них началось общение с молодежью и других предприятий Пресни.

Широко распространившиеся по Пресне слухи о веселых и интересных вечеринках, устраиваемых каждую субботу молодыми тильманскими рабочими, об их крепкой дружбе между собой и на редкость вежливом отношении к пресненским девушкам возбуждали большой интерес к коввенцам. Этот интерес особенно обострился после одного случая, всколыхнувшего всю молодежную Пресню.

В июле или начале августа 1916 года трое ковневских рабочих — Иосиф Киборт, Антон Рымкевич и Франц Просевич, возвращаясь домой с вечеринки, запели по-русски песню «Смело, товарищи, в ногу!». Постовой городской приказал им прекратить пение, но они не подчинились. Городовой попытался применить силу, но тильманцы избили его и отобрали пашку. На тревожные свистки городского прибежал постовой городской от сахарного завода, но и того постигла та же участь. Во время схватки Францу Просевичу был нанесен удар пашкой по голове, а у других оказались сильно порезанными руки.

В понедельник все трое явились на работу забинтованными. Вскоре на завод прибыл наряд полиции во главе с приставом 1-го Пресненского участка. «Пострадавшие» городовые опознали участников нападения, и они были тут же арестованы.

После 1905 года это был первый на Пресне случай нападения на вооруженных городских. Вся пресненская молодежь восторгалась поступком трех тильманских рабочих, все хотели знать имена и судьбу этих отважных парней. На заводе и вне его собирали деньги семьям арестованных.

Вскоре началось движение за освобождение арестованных. Полицейстер не шел ни на какие уступки и уже готовил дело к передаче в Московский окружной суд. Арестованных ожидал суровый приговор. Рабочие потребовали от управляющего заводом полковника Матюшенко освобождения арестованных, пригрозив забастовкой. Матюшенко вынужден был лично отправиться к градоначальнику Москвы с ходатайством об освобождении арестованных. Он привел в их защиту два довода: забастовка рабочих вызовет прекращение выпуска вооружения и боеприпасов на других заводах, а предание арестованных гласному суду подорвет авто-

ритет московской полиции, два вооруженных представителя которой не могли справиться с тремя безоружными рабочими. Последний довод, по-видимому, особенно подействовал на градоначальника, и через месяц арестованные были освобождены.

После этого случая я уже не мог откладывать знакомство с такими отважными ребятами. Вскоре на вечеринке мы познакомились. Под вечеринку была снята трехкомнатная квартира где-то на Средней Пресне (ныне улица Заморенова). Здесь многое оказалось новым для меня: при первом же знакомстве мужчины кроме своей фамилии называли также и свои имена, а девушки кроме имени называли и свои фамилии; приглашенные на вечеринку девушки не вносили своего взноса, равного, как у нас, половине взноса мужчины; на мужчинах преобладали добротные костюмы, крахмальные сорочки и лакированные ботинки; кроме входившего в моду баяна здесь было несколько гитар.

Сперва я чувствовал себя скованно, но участники вечеринки были настолько общительны и приветливы, что скованность быстро прошла. Мои имя и фамилия через каких-нибудь полчаса превратились в простое русское «Ваня».

Иван Вонифатьевич Крылов.

В программу вечеринки входили танцы, игры (летучая почта, фанты, шуточные игры с выкупом, жмурки, загадки) и пение.

Самая маленькая комната была отведена под буфет, куда мужчины заходили «подкрепиться» спиртным, а девушки освежиться прохладительными напитками, попить чаю с пирожными, а остальные две комнаты использовались под танцы и игры.

Танцевали под игру известного на Пресне баяниста Кости Шацкого. В репертуар входили преимущественно полька, краковяк, венгерка, чардаш, мазурка, тарантелла и вальсы. Пели мало, и только на польском.

Исполненные мною романсы «Чайка», «Костер» и «Партизанская» Дениса Давыдова вызвали большой интерес у моих новых друзей. Все пожелали выучить эти романсы, и я просидел несколько вечеров за переписыванием их. К следующей вечеринке романсы эти были выучены и распевались всеми.

Там я познакомился с Иосифом Кибортом, Антоном Рымкевичем, Францем Просевичем, Вацлавом Маковским, Адольфом Чепатом, Густавом Каплерайтисом, Ираклием Кондрацким и другими.

Меня пригласили быть постоянным участником их вечеринок. С того дня я одну субботу был у ковненцев, другую — на вечеринках пресненской молодежи. Так завязалась моя дружба с тильманскими рабочими.

НА ЗАВОДЕ БРАТЬЕВ ТИЛЬМАНС И К^о

Каждый раз при встречах на вечеринках новые друзья уговаривали меня перейти к ним на работу.

В начале февраля 1917 года, получив свидетельство о непригодности к военной службе, я пришел устраиваться на завод братьев Тильманс и К^о.

Управляющему заводом капитану Муханову и главному бухгалтеру Шмакфедеру моя внешность не могла понравиться: на мне была защитного цвета суконная гимнастерка, синие солдатские суконные шаровары и яловые сапоги, что резко отличало меня от остального конторского люда в белых сорочках, добротных костюмах и блестящих ботинках.

Мои девятнадцать лет тоже смущали капитана Муханова: он с пристрастием пытал меня о прошлой работе, внимательно рассматривал мои документы об образовании и об освобождении от военной службы.

К тому времени я имел уже за плечами четырехлетний опыт работы конторщиком на Прохоровской «Трехгорной мануфактуре», и это обстоятельство, по-видимому, возымело свое действие на Муханова: я был принят на работу в контору завода.

Кроме русских рабочих, оставшихся работать здесь после закрытия завода Смита, и вновь набранных москвичей на заводе работали люди разных национальностей, прибывшие с заводом из Ковно. Это был единственный в Москве завод с таким многонациональным составом. Его тысячный коллектив представлял собой организованный отряд рабочего класса Пресни.

Сильное влияние на рабочих завода оказывала небольшая, но хорошо организованная и законспирированная группа русских рабочих-большевиков в составе слесарей Анисимова и Ивановского, электромонтеров Воронина и Шеногина, токаря Сибирцева. Они являлись высококвалифицированными специалистами своего дела, а каждый в отдельности имел за собой несколько увольнений и арестов за активное участие в забастовках на предприятиях, где прежде работал. Всех их привела на завод братьев Тильманс одна и та же случайная возможность: завод, как эвакуированный во время войны из Ковно, испытывал острый недостаток в высококвал-

лифицированных слесарях и токарях и имел негласное разрешение московского градоначальника принимать на завод желающих, не считаясь с их политической благонадежностью.

В группу передовых рабочих входили также прибывшие с заводом из Ковно слесарь поляк Ксенжный, установщики автоматов литовцы Киборт и Варнас, находившиеся у себя на родине под влиянием Ковненской организации социал-демократической партии Польши и Литвы.

Из месяца в месяц росло влияние этой группы на рабочих, и мало кому было известно, что вся работа ее через слесаря Александра Анисимовича Анисимова направлялась Московской большевистской организацией.

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА

Вторая половина февраля... Как-то незаметно для самих себя люди становились иными: появилась тяга к политике, к более тесному общению друг с другом. Всякая новость с быстротой молнии становилась известной сотням и тысячам людей.

В эти дни по вечерам в пресненских трактирах было особенно многолюдно. За каждым столом шли оживленные беседы о начавшихся в Петрограде забастовках, о которых писали газеты.

Ночь с 27 на 28 февраля была последней спокойной ночью на Пресне.

28 февраля утром, по дороге на работу, я обратил внимание на удвоенные посты городских, вооруженных винтовками сверх обычных револьвера и шашки. Обычно добавочные посты городских появлялись на Пресне в дни больших забастовок. Было ясно, что власти ожи-

дают не обычной забастовки, а чего-то более серьезного...

В конторе распространился слух о прекращении связи с Петроградом.

Около десяти часов неожиданно раздался заводской гудок продолжительней обычного. Все конторщики покинули со своих мест и выстроились около окон.

— Забастовка, господа! — сказал кто-то.

Не прошло и пяти минут, как заводской двор начал быстро заполняться рабочими. Около бункерных весов появилась импровизированная трибуна из ящиков. Одевшись, я вышел на крыльцо конторы. Не только двор, но и водосточные трубы зданий, крыши сараев и жилых бараков, заводские ворота и крыша проходной будки сплошь были заполнены народом.

Слесарь Анисимов объявляет с трибуны о начавшемся 27 февраля в Петрограде всенародном восстании против царского самодержавия и присоединении к восставшим воинских частей гарнизона. Его слова о том, что революционным народом царское самодержавие свергнуто, покрываются криками: «Да здравствует русская революция!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует власть народа!».

Когда первые мгновения всеобщего ликования стихают, слышатся призывы оратора к поддержке восставших петроградцев, к борьбе до полной победы над самодержавием, за создание революционного правительства. И опять взрыв всеобщего одобрения. Восторженно встречаются слова сменившего на трибуне Анисимова слесаря Ивановского:

— Кончай работу, товарищи! Все на улицу! Остановим все фабрики и заводы Пресни! Да здравствует всероссийская забастовка!

На трибуне — электромонтер Шеногин. Он призывает в организованном революционном порядке остано-

вить сахарный завод, «Прохоровку», «Мамонтовку» и вместе с их рабочими направиться в городскую думу, продемонстрировать всей Москве свою готовность защищать революцию.

Гул одобрения, возгласы «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!» и крики «ура!» покрывают последние слова Шеногина.

Зычным голосом Киборт объявляет, что после демонстрации, в пять часов вечера, на заводе состоится общее собрание рабочих для обсуждения дальнейших мер по проведению забастовки.

Я стою на крыльце конторы и впервые вижу, как не в книгах, а в действительности начинается настоящая революция.

Но почему не двигается народ и не выходит за ворота? Возможно, за воротами казаки? Минута недоумения рассеивается неистовым криком забравшегося на ворота паренька:

— Товарищи! Ворота заперты!

— Ломай ворота! — раздались сотни голосов.

Возбуждение нарастает. Гневные взгляды рабочих направлены на главного инженера завода полковника Видемана, поднимающегося по ступеням крыльца конторы. Окинув быстрым взглядом огромную толпу, он крикнул:

— Военнообязанные, по своим местам шагом марш!

Но тысячеголовая толпа не шелохнулась, сотней голосов отозвалась она на команду полковника:

— Довольно, хватит! Открывай ворота!

В этот момент на крыльцо взбежал Ивановский и требовательно и гневно крикнул Видеману:

— Если не хотите быть уничтоженным, прикажите немедленно открыть ворота!

Видеман побледнел и, повернувшись в сторону заводских ворот, крикнул:

— Открыть ворота! Каждый поступает по собственному усмотрению.

Я быстро вбежал в контору, сложил в стол свои книги и бланки счетов и выскочил во двор.

Толпа двинулась за ворота и с песней «Смело, товарищи, в ногу!» направилась к сахарному заводу. В первых рядах вспыхнул красный флаг. Прорвавшись через проходную будку и в открытые ворота, толпа быстро заполнила небольшой двор завода, и через минуту низким басом загудел заводской гудок, перепутав москвичам время суток. Обычно гудок сахарного завода подавался в восемь часов утра и в восемь часов вечера, и по этим гудкам вся Пресня и Дорогомилово проверяли время.

Смешавшись с сахарщиками, колонна, пополняясь на ходу, медленно, стройно и торжественно проходит Точиловку (Студенецкий проезд — ныне Мантулинская улица), направляясь к «Прохоровке».

«Прохоровка» не заставила себя ждать. Как только наша колонна остановилась, проходная прядильной отворилась, и сотни работниц высыпали на улицу. Наши приветствуют работниц криками:

— Да здравствует забастовка! Да здравствует русская революция! Долой царское самодержавие!

В ответ слышатся разрозненные женские голоса:

— У-р-ра!

Как-то робко держатся работницы: они прячутся одна за другую, хотя и громко пересмеиваются между собой, но к нашей колонне не присоединяются и толпятся на тротуаре вдоль корпуса фабрики.

Из проходной появляются мастеровые фабрики Меркулов, Шамбуров, Шелковников, Антонов и другие рабчие.

Выйдя на улицу, Меркулов кричит:

— Привет тильманцам!

Мы дружно отвечаем криком «ура», и в свою очередь Ивановский провозглашает:

— Привет прохоровцам, продолжателям революции пятого года!

Ожидать рабочих ткацкой и отделочной фабрик, граверов и рабочих механической мастерской долго не пришлось. Вскоре появились и они, вытянувшись в огромную колонну по узкой улице Нижняя Пресня (ныне Рочдельская улица).

В колонне прохоровцев плывет несколько десятков огромных красных полотнищ собственного производства. Из уважения к прохоровцам мы пропускаем их колонну вперед, за ней — наша и сахарчиков.

Многотысячная колонна поднимается в гору к Прохоровским спальням и дальше к заставе. Поют две песни: «Отречемся от старого мира!» и «Смело, товарищи, в ногу!». Других песен пока не слышно, их мало кто знает.

Большинство идущих в колонне людей впервые в жизни слышат слова революционной песни, и мощно звучат только слова припева: «Вставай, подымайся, рабочий народ! Иди на врага, люд голодный!»

Пожилые рабочие и работницы «Прохоровки» останавливаются около своих спален, провожают колонну задумчивыми взглядами, как будто говоря: «Ну-ну! Посмотрим, что-то будет дальше!»

У заставы к демонстрации пристраиваются небольшие колонны рабочих лакокрасочного завода Мамонтовых, заводов «Союз» (ныне Пресненский машиностроительный завод), Грачева (ныне завод «Красная Пресня»), Морица Пальма (ныне машиностроительный завод «Рассвет») и других мелких предприятий. Выросшая до нескольких тысяч человек сводная колонна направляется в центр, демонстрируя готовность пресненских рабочих поддержать восстание петроградцев.

На Воскресенской площади (ныне площадь Революции), у городской думы, тьма народу. Много студентов, но мало солдат. До нашей колонны, остановившейся недалеко от Исторического музея, доносятся только отдельные слова ораторов, говорящих с балкона думы. Непрерывные крики «ура» мешают что-либо услышать, поэтому приходится довольствоваться тем, что передают из передних рядов. Здесь и требования о создании революционного правительства и демократической республики, призывы о выборах представителей в Московский Совет рабочих депутатов, страстные обращения к солдатам поддержать революцию и встать под ее знамена.

Передвигаемся в сторону Театральной площади, чтобы дать возможность побывать у думы колоннам других районов, и тем же маршрутом возвращаемся на Пресню.

От Пресненской заставы отдельные группы расходятся по своим предприятиям. По дороге обезоруживаем городского у заставы, двух — на углу Большого Предтеченского переулка (ныне Большевицкая улица) и двух — на мосту у нашего завода. Пять винтовок, пять револьверов и пять пашек — наши. Городовые не оказывают никакого сопротивления, лишь просят подтвердить в участке, что они обезоружены насильно.

На заводском дворе уже собрались сотни три рабочих из второй смены и не ходившие на демонстрацию. Еще нет и четырех часов, а народ собрался послушать новости.

Не дожидаясь назначенного часа, собрание-митинг открыл Анисимов. Каждое его слово все слушают со вниманием, речь не перебивают ни криками «ура», ни призывами.

Анисимов информирует собрание о победе революции в Петрограде, о начавшейся всеобщей забастовке в Москве, о необходимости создания революционного пра-

вительства в России и выборов Совета рабочих депутатов, который бы принял на себя управление городом, предлагает избрать трех товарищей в президиум собрания.

Киборт предлагает избрать в президиум Анисимова, Ивановского и Шеногина. Эти фамилии получают всеобщее одобрение. Все трое становятся на трибуну, и Анисимов предоставляет слово Ивановскому.

Без долгих слов Ивановский объясняет, что революционное правительство России должно будет немедленно ввести 8-часовой рабочий день, освободить всех политических заключенных, дать свободу всем политическим партиям и немедленно созвать Учредительное собрание для определения судьбы России.

Эти требования единогласно одобряются.

Анисимов предлагает приступить к выборам двух представителей в Московский Совет рабочих депутатов. Тут поднялось такое, что в течение нескольких минут трудно было понять, что же здесь происходит.

Со всех сторон выкрикивали фамилии кандидатов. Потребовалось минут десять, чтобы утихомирить страсти. Наконец звонкий голос Ивановского вносит успокоение. Первым голосуется Шеногин. Общий гул одобрения. Против — единицы.

Вторым — Киборт. Против несколько больше, чем у Шеногина. Третьим голосуется токарь Макаров — голоса раскололись поровну. Голосуются еще четыре-пять кандидатов, но они получают незначительное число голосов. Ивановский предлагает считать избранными в Московский Совет рабочих депутатов Шеногина и Киборта. Предложение Ивановского встречают гулом одобрения и согнями поднятых рук.

Шеногин заявляет, что забастовка будет продолжаться до тех пор, пока не удовлетворят требования восставшего народа. Он объявляет также, что с 1 мар-

та два раза в день, в десять часов утра и в четыре часа дня, на заводе будут проходить собрания-митинги с обсуждением всех насущных вопросов революции.

На этом первое собрание-митинг рабочих-тильманцев закрывается, и с песней «Смело, товарищи, в ногу!» все расходится по домам.

ДОЛОЙ ЦАРЯ!

1 марта... На улицах много народу. У заставы толпы людей, обсуждающих новости. Ни одной газеты в продаже нет, трамваи не ходят, не видать и извозчиков, не работают пекарни и парикмахерские: все бастуют. Магазины и лавки открыты, но с двенадцати часов закроются — забастуют и приказчики.

Скоро десять часов — спешу на завод...

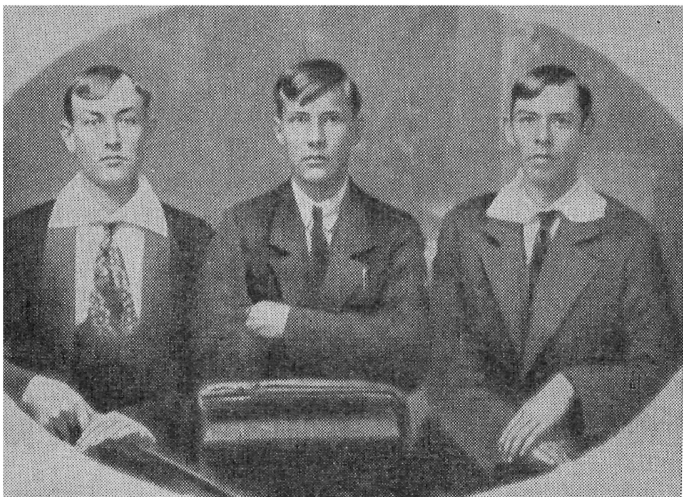
Собрание-митинг начался ровно в десять. Обсуждался наказ нашим депутатам в Московском Совете. Наказ короткий, но внушительный: немедленное освобождение из тюрем всех политических заключенных и свобода действий всех политических партий; свобода организации и деятельности профессиональных союзов, собраний и забастовок; немедленное прекращение войны; повсеместное введение 8-часового рабочего дня; конфискация земель помещиков; равноправие для женщин; немедленный созыв Учредительного собрания.

Наказ был принят почти без обсуждения.

Шеногин информирует, что в двенадцать часов состоится первое заседание Московского Совета и в четыре часа будет доложено собранию о его решениях. На этом разошлись...

Присоединяюсь к группе знакомых рабочих, узнаю, что они собираются разоружать полицейских.

Проходя Точилковкой, я показал Киборту на одетого

Рабочие завода Тильманса. В центре — Иосиф Киборт.
Снимок 1916 г.

в штатское пальто и шапку городского, постоянный пост которого был у ворот спальни холостых рабочих, против Щетиновки, и поэтому он был мне хорошо знаком. Обыскиваем. Под пальто полная форма городского с наганом на ремне и свистком на красном шейном шнуре. Киборт передает мне револьвер со словами:

— Возьми, а учиться стрелять будем вместе.

Дошли до 1-го Пресненского участка. Там уже хозяйничали прохоровцы Малинкин, Румянцев, Сергей Перевезенцев, разбивавшие какие-то бумаги.

Пройдя всю Пресню, не встретили ни одного полицейского. Они попрятались, не решаясь сопротивляться восставшему народу.

Вся Пресня заполнена народом, повсюду идет оживленное обсуждение новостей: воинские части в полном составе переходят на сторону революции, даже казачья сотня, где-то в центре, отказалась стрелять в народ.

Интересно, какие новости будут сегодня объявляться в четыре часа на заводе? Эти собрания-митинги в те дни были единственным источником достоверных сведений о происходящих в Москве и по всей стране событиях.

О работе Московского Совета собрание информировал Шеногин. Он объявил, что на первом своем заседании Моссовет избрал Исполнительный комитет. Названные им фамилии председателя и членов Исполнительного комитета — Никитина, Хинчука, Смидовича, Ногина и других большинству присутствовавших были неизвестны, и никаких суждений эти фамилии не вызвали.

Затем приступили к выборам заводского комитета.

Ивановский предложил избрать в завком пятнадцать человек, по одному от каждого производственного отделения (цеха) завода. Долго шумели, но в конце концов выбрали в заводской комитет Анисимова, Ивановского, Шеногина, Киборта, Александрова, Сибирцева, Томила, Макарова, Кузнецова, Рымкевича, Варнаса, Павлова, Лучко, Наркевича, Зудова.

Из характеристик, данных каждому при обсуждении его кандидатуры, узнаю, что Анисимов, Ивановский, Александров и Сибирцев хорошо известны на заводе как старые забастовщики, сидевшие неоднократно в тюрьмах. Остальным избранным оказано доверие, как активно проявившим себя в забастовках 1915—1916 годов на заводе.

Председателем заводского комитета был избран слесарь Александр Иванович Ивановский, а секретарем комитета — Петр Захарович Кузнецов, упаковщик шуру-

пов. Он много лет работал на заводе в Ковно, а в Москве был постоянным ходатаем перед администрацией по делам ковненских рабочих.

2 марта... Собрание открыл Ивановский уже как председатель заводского комитета. Он громко провозглашает:

— Слово для информации по текущему моменту предоставляется представителю Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии большевиков товарищу Слесареву!

Раздались аплодисменты, и на трибуну поднялся человек в форменной фуражке¹.

Эта речь стала событием на заводе. Слесарев был первым большевиком, выступившим на заводе от имени Московской партийной организации.

Начал он с того, что восставший народ сверг самодержавие, но власть в России захватила буржуазия. Характеризуя состав Временного правительства, Слесарев насчитал в нем двух князей, пять фабрикантов и помещиков, трех профессоров и бывших царских чиновников, от которых ждать улучшения положения рабочих и крестьян не приходится. Задачей рабочих в революции, сказал оратор, должна быть борьба за передачу власти Совету рабочих депутатов, немедленный созыв Учредительного собрания, вооружение рабочих, конфискацию помещичьих земель, 8-часовой рабочий день и прекращение войны.

Последние слова Слесарева покрываются гулом всеобщего одобрения и криками «ура». В этом духе была принята и резолюция собрания. Своим первым выступлением на заводе Слесарев завоевал сердца тильманцев, и с этого дня он стал у нас любимым оратором.

¹ Слесарев носил форменную фуражку Всероссийского земского союза, но народ считал его студентом.

Ивановский заявил, что поступили последние сведения из Петрограда: Николай II отрекся от престола за себя и за своего сына Алексея в пользу своего брата Михаила, а последний также отрекся от прав на престол.

Всеобщее ликование, овадии... Ивановский объявил, что на два часа назначена общерайонная демонстрация, и под смех присутствующих шутливо назвал ее «похороны царского самодержавия».

После собрания я зашел на шестидесятую спальню навестить сестру Марину и поделиться с ней последними известиями. Выслушав меня, она выбежала в коридор и закричала:

— Бабы, бабы! Царя-то нет больше!

Я вышел в коридор, где собрался десяток работников, и на вопрос: «Как же теперь будет?» — ответил:

— Будем жить без царя, и хуже не будет.

Мое сообщение не вызвало особого энтузиазма у работников. На лицах их можно было прочесть настороженность и озабоченность. И это понятно: мужья на фронте, дети у них на руках, а память о 1905 годе и расстрелах рабочих так еще свежа у этих забитых, измученных тяжелыми думами матерей...

Около ворот спален я стою в ожидании подхода колонны своего завода. Передо мной широкой лентой двигаются к заставе трехгорцы.

На возбужденных лицах рабочих отражается величие момента, гордость и чувство собственного достоинства, пробужденное революцией впервые за многие века.

Вот и наша заводская колонна, расцвеченная красными флагами и полотнищами с надписями: «Свобода, равенство и братство», «Да здравствует свобода!», «Смерть беспощадная всем паразитам трудового народа!»

Поздравления, объятия, слезы радости, восторженные крики толпы, взаимные приветствия... Эти два вол-

нующих миллионы слѳва: «Нет царя» — делали людей в тот день счастливейшими на земле.

Никогда до того я не видел столько радости и всеобщего ликования, высочайших чувств товарищества, взаимного уважения, как в тот весенний мартовский день.

Фабрично-заводские колонны, слившись в единую районную колонну, бойко прошли с революционными песнями всю Пресню до зоологического сада, проследовали на Горбатый мост и мимо Прохоровской «Трехгорной мануфактуры» к Большой кухне, где и разошлись по своим предприятиям.

НОВАЯ ВЛАСТЬ НА ПРЕСНЕ

Время как бы раскололось на два периода: на старый режим и новый режим. В обращении друг с другом исчезло слово «земляк». Взамен него как-то сразу укоренилось слово «товарищ», и оно стало господствующим на Пресне.

3 марта на Пресне большой день: утром на всех заводах и фабриках прошли выборы в районный Совет рабочих депутатов. От имени заводского комитета Ивановский назвал четырех достойных, как он выразился, кандидатов в районный Совет: установщиков автоматов Киборта и Варнаса, токаря Сибирцева и каменщика Томилина. Выдвинуты были и другие кандидаты.

Первым голосуется Киборт. Он стоит на трибуне сосредоточенный и гордый от оказанного ему доверия. Ивановский пытается что-то говорить о нем, но крики «Знаем!» не дают ему продолжить выступление. Против Киборта поднимается лишь десяток рук.

Появление на трибуне Сибирцева встречается возгласами:

— Давай Федю! Голосуй за Федю!

Сибирцева характеризует слесарь Александров, работавший с ним на «Прохоровке». Оказывается, Федор Сибирцев в 1915 году избирался в военно-промышленный комитет и три месяца отбывал тюремное заключение за организацию забастовки на «Прохоровке». Против него никто не голосует.

Голосуется Варнас. Ивановский характеризует его как одного из старейших рабочих завода, принимавшего еще в Ковно участие в рабочем движении, члена социал-демократической партии Польши и Литвы. Варнас, скромный и даже робкий на вид человек, лет 35—37, многим на заводе незнаком. Видимо, поэтому голоса раскалываются только с небольшим перевесом в пользу Варнаса.

На трибуне каменщик Томилин. Его широкая улыбка сразу покоряет собрание, и возгласами «Голосуй за Матвея!» рабочие выражают ему свое доверие. Против поднимается несколько рук.

На трибуне токарь Макаров — высокий, с рыжеватой бородой и усами человек, лет 40—45, в полупальто на овечьем меху и в барашковой шапке. Выступает модельщик Виктор Федугинов. Виктора я знаю как сына владельца двухэтажного в четыре квартиры дома на 3-й Тестовской улице. Он характеризует Макарова как старого члена партии социалистов-революционеров. За Макарова голосует большинство.

Другие кандидаты получают незначительное число голосов.

В районный Совет избраны социал-демократы большевики Федор Сибирцев, Иосиф Киборт, Матвей Томилин и эсер Николай Макаров.

В этот день я впервые услышал, что на заводе есть социал-демократы большевики. А вечером уже было известно, что преобладающее большинство в районном Со-

Один из организаторов большевистской ячейки на заводе, первый председатель заводского комитета Александр Иванович Ивановский.
Снимок 1918 г.

вете рабочих депутатов составляют меньшевики и эсеры, а большевики — одну треть. В президиум Совета не избрано ни одного большевика.

На вечернем заводском митинге обсуждался один только вопрос: о забастовке. Все выступавшие ораторы высказались за продолжение забастовки до тех пор, пока не будут выполнены правительством и Моссоветом требования наказа. Лишь эсер Макаров выступил с предложением прекратить забастовку, подчиниться призыву Временного правительства, встать на работу и выполнять все постановления правительства.

— Революция закончилась, царя нет, пора и за работу, товарищи! — закончил свою речь Макаров.

После собрания Киборт сказал мне о Макарове:

— Член московского комитета эсеров, самый опасный для нас человек на заводе...

От Киборта узнаю, что райсовет предложил завод-

скому комитету сдать в милицию все отобранное у полицейских оружие. Завком отказался выполнить это требование и взял на себя охрану всего района от Окружной железной дороги до Прохоровских спален и заставы. По его словам, каждый день наши ребята приносят оружие, отобранное у полицейских, и все оно остается на заводе на всякий случай. «Мало ли что может еще произойти!» — заключил Киборт.

На вечернем собрании-митинге Ивановский объявил, что Московский Совет постановил прекратить забастовку и приступить к работе с понедельника 6 марта. Далее он сообщил, что заводской комитет обсуждал это постановление и решил подчиниться ему лишь в том случае, если администрация завода: оплатит полностью всем рабочим и служащим завода за время забастовки, с 28 февраля по 5 марта включительно; немедленно уволит табельщика завода Яковлева, как не пользующегося доверием рабочих, и заведующего производством инженера Людвига за грубое отношение к рабочим; рассмотрит в десятидневный срок предложения заводского комитета о введении на заводе 8-часового рабочего дня, об оплате сверхурочных работ, о пересмотре расценок и общем повышении заработка в связи с удорожанием жизни.

— Все эти требования администрацией завода приняты, и заводской комитет решил призвать вас, товарищи, к работе с понедельника 6 марта, — под одобрительные возгласы закончил Ивановский.

Буйно вспыхнув и с быстротой молнии распространившись по всей стране, долгожданная свобода через неделю начала угасать, не дав народу ни земли, ни мира, ни 8-часового рабочего дня.

Утром 6 марта я был вызван к управляющему.

Капитан Муханов, не ответив на мое приветствие, сказал:

— Молодой человек, согласно указаниям Главного артиллерийского управления, служащие завода, принимавшие участие в забастовке и не работавшие неделю, подлежат увольнению.

Я вышел из кабинета и направился к Киборту, а он повел меня в заводской комитет. Киборт представил меня Ивановскому как своего хорошего товарища, коротко рассказал ему о случившемся, прося защитить меня.

— Иди, Крылов, на свое место и жди меня, я скоро приду в контору! — сказал председатель завкома.

Ивановского долго ждать не пришлось, вскоре он появился, и мы вместе зашли к управляющему.

Поздоровавшись, Ивановский заявил:

— Господин управляющий, заводской комитет считает полученное вами указание об увольнении служащих за участие во всеобщей забастовке контрреволюционным, и я надеюсь, господин капитан, что никакого конфликта у нас с вами по этому поводу не будет!

Сказано это было так спокойно и внушительно, с такой внутренней силой и уверенностью в своей правоте, что управляющему ничего не оставалось, как отменить свое решение.

Я долго пожимал руку Ивановскому за его участие, а он, как будто не замечая моего волнения, улыбаясь, сказал:

— Держись за рабочий народ! — и быстро зашагал из конторы. Так я впервые испытал на себе силу пролетарской организации. Меня не только оставили на работе, но на другой день по рекомендации завкома назначили старшим табельщиком завода взамен уволенного по требованию завкома Яковлева, подозреваемого рабочими в связи с царской охранкой.

Для меня, девятнадцатилетнего парня, это была большая и ответственная работа.

Через меня, как табельщика, работа расчетной части конторы тесно увязывалась с работой заводского комитета. С каждым днем эта связь укреплялась, и скоро я был в курсе всей работы заводского комитета...

В первые дни марта Пресня имела необычный вид. Афишные будки, стены домов и заборы были залеплены всевозможными обращениями к народу.

Как-то раз, проходя от заставы к зоологическому саду правой стороной Большой Пресни, я на стенах домов и заборах насчитал свыше сорока различных воззваний и обращений к гражданам свободной России. Среди них два небольших обращения Московского комитета большевиков к рабочим Москвы с призывом вступать в ряды партии и в профессиональные союзы. Краткие по объему, но боевые и ясные по содержанию, эти обращения нашли глубокий отклик среди рабочих нашего завода.

9 марта на очередном собрании выступил Ивановский. Он зачитал обращение Московского комитета об организации профсоюзов и объявил, что заводской комитет решил всем своим составом вступить в члены профессионального союза металлистов, и поручил всем членам завкома приступить к записи в союз металлистов всех желающих.

С призывом о сборе средств на рабочую печать выступил Анисимов. Зачитав обращение Московского комитета партии, призывающее рабочих вступать в ее ряды, он объявил, что известные всем и пользующиеся всеобщим доверием избранные в заводской комитет товарищи Анисимов, Ивановский, Шеногин, Киборт, Сибирцев, Томилин, Варнас и мастер Воронин разделяют взгляды социал-демократов большевиков и призывают всех товарищей вступить в эту партию.

Объяснив также, что партия большевиков является партией рабочего класса, содержит своих руководителей и издает газеты на партийные деньги, Анисимов призвал всех рабочих поддержать эту партию денежными средствами путем сбора денег по подписным листам. Были названы фамилии товарищей, которым поручили собирать деньги.

Так открыто заявила о себе маленькая большевистская ячейка, ставшая вскоре боевым руководителем рабочего коллектива тильманцев.

После собрания стало ясно, кто направляет и организует революционное движение на заводе. Это она, небольшая, но крепко сплоченная группа людей, доказавшая преданность рабочему делу еще в подпольной борьбе, нашла в своей среде достойных представителей в Московском и районном Советах рабочих депутатов и в заводском комитете.

Это она, связанная тысячами нитей с жизнью рабочих, с их повседневными нуждами и чаяниями, опираясь на свой возросший среди рабочих авторитет и на их доверие, начала напряженную работу по политическому просвещению и революционному воспитанию заводского коллектива...

Исторические события революции, первые шаги партийной ячейки большевиков и заводского комитета, доходчивое и ясное разъяснение Московским комитетом целей своей партии, страстные призывы газеты «Социал-демократ» о вступлении в большевистскую партию, доверие, оказываемое мне руководителями заводских организаций,— все это требовало ответа на вопрос: «С кем быть?»

Партию эсеров я считал исключительно крестьянской, лозунги ее меня не увлекали, я не понимал их, ибо не знал крестьянской жизни, не знал ни нужд, ни чаяний крестьян. Единственно понятным мне лозунгом

эсеров был: «В борьбе обретешь ты право свое!» Но он в то же время казался мне приемлемым для всех партий, если они за что-нибудь борются.

Меньшевики как-то не привились у нас на заводе. Мне не нравилась у меньшевиков их робость в отношении к буржуазии, какая-то боязнь поссориться с ней.

Анархисты вообще не нашли для себя почвы на Пресне. А меня, с детства воспитанного на строгой дисциплине, они просто пугали своим лозунгом: «Анархия — мать порядка!» Хотя он и привлекал к себе таинственностью, но понятен мне не был.

Наблюдая действия первых большевиков завода, их бесстрашие, организованность и отсутствие всякой рессовки перед рабочими и находясь под влиянием своего хорошего товарища Киборта, я чувствовал, что мое место среди них — среди большевиков. Помня о совете Александра Ивановича Ивановского: «Держись за рабочий народ», — я решил вступить в партию большевиков.

Киборт, с которым я поделился своими мыслями, не удивился и принял их как должное. Ивановский тоже одобрил мое решение, и на очередном собрании ячейки я был принят в партию. Это произошло в первых числах апреля, вскоре после приезда В. И. Ленина в Петроград. К тому времени ячейка насчитывала двадцать человек. Полученная вскоре мною членская карточка имела № 120.

ВЕСНА 1917-го

В вихре событий того года люди и не заметили, как пришла весна. Поняли они это только в начале апреля, когда дворники начали дружно скалывать с мостовых

снег, утрамбованный за зиму лошадьми и санями до крепости льда. Ледоход на Москве-реке прошел дружно. Большого наводнения не было, но все равно, как и в большие половодья, берег реки от корпусов прохоровских фабрик до моста Окружной железной дороги с утра до вечера был заполнен народом.

С весной ожили и кинотеатры, освободившиеся от строгой царской цензуры. Перед началом сеанса эстрадные артисты распевали новые веселые песенки, посвященные революции. Они пользовались огромной популярностью. Вот, к примеру, песенка о царе Николае II:

Что я вижу, что я слышу?
Николай залез на крышу!
И кричит всему народу:
«Вот вам фиг, а не свободу!»

Хоть и глупенькая, но веселая песенка.

Распевалось также много песенок и частушек местного сочинения. Все они, вместе взятые, хоронили на веки вечные в памяти людей бывшее уважение к царю и ко всему старому режиму.

Самогонщики, пользуясь слабостью милиции, повсеместно развернули свою пагубную работу. Самогон полился рекой, и с весной пьянство на Пресне приняло угрожающие размеры.

Городские и районные власти оказались не в силах бороться с этим злом. Молодежь потянулась к самогону, и нужны были срочные меры, чтобы уберечь ее от разложения.

Большевистская ячейка тильманцев горячо взялась за ликвидацию этого позорного явления среди молодых рабочих завода.

Для проведения культурно-просветительных мероприятий среди рабочих своего и окрестных заводов — сахарного, Осовецкого, «Союз» и «Лакокраска» — было

решено занять самовольно дачу «Студенец», с парком и двухэтажным каменным зданием.

Сказано — сделано, и дача «Студенец» перешла в распоряжение нашего заводского комитета.

При помощи районного комитета партии в «Студенце» были организованы библиотека, любительский театральный кружок, читались лекции просветительного характера. Каждую субботу проводились вечера молодежи с участием духового оркестра от воинских частей Ходынки.

Душой и организатором этих вечеров был наш Киборт. Организаторами, постановщиками, режиссерами и исполнителями главных ролей в спектаклях были рабочие нашего завода Николай Иванович Федутинов, выступавший под именем Оболенского, и рабочий «Прохоровки» Иван Андреевич Иванов. Артистами этого самодеятельного театра были рабочие и работницы предприятий района.

Пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп» и А. М. Горького «На дне» я впервые увидел в исполнении наших самодеятельных артистов.

Бурными овациями благодарные зрители сопровождали спектакли. С тех пор прекратились наши субботние частные молодежные вечеринки, и я стал постоянным посетителем этого нового общественно-культурно-просветительного центра, именуемого кратко — «Студенец».

Я вспоминаю здесь имена первых на Пресне энтузиастов культурно-просветительной работы для того, чтобы отдать им должное за их благородное дело. Они пробудили во многих молодых людях Пресни тягу к искусству и многих из них спасли от пьянства и морального разложения.

ПЕРВАЯ ПРОБА СИЛ

Первым смотром организованности рабочих и пробой сил заводской партийной организации явился праздник 1 Мая. День 18 апреля по старому стилю был объявлен на заводе нерабочим. Накануне партийцы оповестили рабочих по всем цехам о месте сбора демонстрантов. Это была первая демонстрация без казаков, полиции и жандармов.

Было решено пройти с большевистскими лозунгами по маршруту: завод — Прохоровские спальни — застава — Ваганьковский мост — Ходынка. В этих пунктах предусматривались непродолжительные остановки для привлечения в колонну всех желающих.

С утра погода не благоприятствовала демонстрации: было пасмурно. Весеннее солнце еле-еле просвечивало через пелену бледно-серых туч, подгоняемых с северо-запада довольно холодным, пронизывающим ветром.

Токарь Баринов, наш самодеятельный художник, приготовил два красных полотнища на древках с надписями: на одном — «Вся власть Советам!», на другом — «Долой войну!». Вот и все оформление нашей колонны. Бедновато, но весомо.

К десяти часам утра собралось сотни полторы наших рабочих, преимущественно из числа проживающих в непосредственной близости к заводу. Подошли небольшие группы молодых рабочих заводов сахарного и Осовецкого.

С песней «Смело, товарищи, в ногу!» колонна по шесть — восемь человек в ряд начала свое шествие.

Около Прохоровских спален в колонну влилась молодежь прохоровцев. От них узнали, что основная колонна «Прохоровки» еще не проходила и будет двигаться с Пресни в центр, к Московскому Совету.

У заставы подошли наши заводские, проживающие в районе Большой Пресни (ныне Красная Пресня), Трехгорных переулков, Звенигородской, Воскресенской (ныне улица 1905 года), Ваганьковской (ныне Декабрьская) улиц и по валу.

На тротуарах толпится много любопытных. Мы зовем их в свои ряды, но мало успеваем в этом. Вскоре к колонне присоединилась большая группа рабочих «Мамонтовки», заводов «Союз» и Грачева. Подходя к Ваганьковскому мосту, колонна выросла до 400—500 человек. Это уже была победа.

Одна революционная песня сменяется другой, но репертуар песен еще не широк. Кроме «Смело, товарищи, в ногу!» поем «Отречемся от старого мира!», «Вы жертвою пали в борьбе роковой». «Варшавянку» знают еще немногие и поют ее только в первых рядах: там народ постарше.

Ходынка... Здесь расположены запасная артиллерийская бригада и несколько запасных пехотных полков.

Недалеко от полковой церкви невысокая трибуна, с которой обычно зачитываются приказы начальника гарнизона Ходынки. Незнакомый военный в чине унтер-офицера объявляет митинг открытым и предоставляет слово Слесареву.

Громовой бас оратора шерекатывается по площади. Слесарев от имени рабочих Пресни поздравляет солдат с днем пролетарского праздника 1 Мая, разъясняет значение этого праздника для трудящихся, призывает солдат слиться с рабочими в единую братскую семью и потребовать от Временного правительства немедленного прекращения войны, передачи земли крестьянам, а фабрик и заводов — рабочим.

Слесарева сменяет какой-то прапорщик. Он призывает солдат быть верными присяге Временному прави-

тельству, подчиниться приказам верховного главнокомандующего, продолжать войну до победного конца...

Наконец выступает наш Ивановский. Его речь сопровождается возгласами одобрения, когда он говорит о прекращении грабительской войны, конфискации помещичьей земли и передаче власти Советам. Возгласы: «Правильно!», «Долой войну!», «Мир без аннексий и контрибуций!», «Вся власть Советам!» — дружно подхватываются солдатами.

Митинг заканчивается... Человек 100—150 солдат от всех частей Ходынки вместе с оркестром провожают нас до Пресненской заставы.

Звуки военного оркестра и участие в демонстрации солдат делают свое дело: к колонне демонстрантов пристраивается все больше и больше людей.

Демонстрация удалась на славу! Труды партийной ячейки не пропали даром.

Так прошел первый свободный первомайский праздник в коллективе завода.

Если до этой демонстрации эсер Макаров еще имел влияние на некоторую часть рабочих, то после нее он сник перед правдивой агитацией большевиков. Тильманцы уверенно и твердо пошли за своей большевистской ячейкой.

Приподнятое настроение, царившее на заводе после первомайской демонстрации, было омрачено большим горем: руководитель заводских большевиков Александр Анисимович Анисимов доживал свои последние дни. Обострившаяся с весной чахотка приковала его к постели. Ему не пришлось увидеть плоды своих трудов. Он умер в конце мая. Хоронили его всем заводом на Ваганьковском кладбище. На похоронах присутствовали делегации от рабочих окрестных предприятий. В речах у могилы отмечалась беззаветная преданность умер-

его делу рабочего класса, которому он отдал всю свою сознательную жизнь, с юношеских лет работая в партии большевиков. Это был кристально чистый человек: революционер. Мы мало знали о прошлом А. А. Анисимова. Скупые записи расчетной части завода говорят о нем: уроженец г. Медыни Калужской губернии, од рождения 1886-й. Но то, что сделал этот человек для рабочих завода, до настоящего времени остается в памяти ветеранов-тильманцев. Вечная слава ему, первому руководителю и наставнику большевиков завода!

Со смертью Александра Анисимовича Анисимова руководство партийной организацией перешло к Александру Ивановичу Ивановскому.

ТИЛЬМАНЦЫ — НА «ПРОХОРОВКЕ»

После первомайской демонстрации завод и его большевистская организация стали твердой опорой райкома партии и большевистской крепостью на Пресне. Представителям эсеров, меньшевиков, анархистов, не говоря уже о буржуазных партиях, был прочно закрыт доступ на заводские митинги.

Если кто желал послушать эсеров, меньшевиков и анархистов, шел на Большую кухню «Прохоровки»: там шла напряженная борьба небольшой группы большевиков за завоевание большинства рабочих на свою сторону.

Вот имена первых славных борцов — большевиков «Прохоровки»: Никита Трофимович Меркулов, Владимир и Василий Алексеевичи Горшковы, Федор Григорьевич Румянцев, Степан Андреевич Малинкин, Василий Антонович Емельянов, Андрей Иванович Селезнев, Латвей Волков, Петр Васильевич Васильев и другие.

Некоторых из них я знал по работе на «Прохоров-

ке». Эти полтора десятка большевиков вели героическую борьбу с эсерами, имевшими в ту пору глубокие корни на фабриках «Прохоровки».

Характерной фигурой был их лидер — член МК эсеров — ткач Николай Нестерович Иванов. Его энергия и умение использовать в интересах своей партии настроения политически еще мало развитых рабочих, умение «пускать» демагогию причиняли много хлопот и неприятностей большевикам «Прохоровки».

Не раз по заданию райкома мы, тильманцы, приходили на помощь прохоровцам при выступлении у них на Большой кухне лидеров московских меньшевиков эсеров и анархистов. Бывали там и представители кадетов.

Однажды по просьбе прохоровцев мне, как бывшему воспитаннику Прохоровского детского приюта, пришлось выступить у них с разоблачением «доброты» владельцев «Трехгорной мануфактуры». Мне удалось доказать, что содержание детского приюта хозяевам проводилось за счет штрафов рабочих, а не за свои деньги. Друзья горячо поздравляли меня с успешным выступлением.

После первомайской демонстрации я стал чаще навещать старшую сестру — ватерщицу «Прохоровки» — Марину. Она — солдатка и жила с сыном на шестидесятой спальне. С ней в каморке помещалась ткачиха Наталья с дочкой, у Натальи, как и у Марины, муж на фронте.

Для меня здесь открылось большое поле деятельности. Стоило мне появиться у сестры, как солдатки спальни выстраивались в очередь писать письма мужьям.

Если раньше письма солдаток содержали в себе преимущественно одни поклоны от жены, детей, родных и знакомых и краткие семейные новости, то теперь

моей помощью в письма вкладывалось иное содержание.

В письмах были жалобы на дороговизну, на нужду; сообщения имен убитых и раненых рабочих фабрики; советы и просьбы кончать эту проклятую войну и скорее возвращаться домой; примеры, показывающие, что власть-то хоть и новая, а порядки остались старые. Простыми словами рассказывалось о Ленине и большевиках, которые стоят за немедленное прекращение войны, за передачу земли крестьянам, назывались в письмах фамилии фабричных большевиков, известных солдатам еще по работе на фабрике.

И солдатики и я оставались довольны этими письмами. По 10—15 писем с подобным содержанием каждое воскресенье расходились по всем фронтам и, надеюсь, способствовали подтачиванию веры солдат во Временное правительство.

Борьба с эсеровским влиянием на рабочих «Прохоровки» была очень тяжелой, и только после решающей победы большевиков мануфактуры в сентябрьских пере выборах депутатов в Московский и районный Советы и при выборах нового фабричного комитета многотысячный коллектив сумел освободиться от эсеровского влияния и занял подобающее ему место в борьбе за победу Советской власти в Москве.

ПОРА МИТИНГОВ

В мае началась ожесточенная борьба к предстоящим в июне выборам в городскую думу. К тому времени уже прошли всероссийские конференции большевиков и меньшевиков и съезд партии социал-революционеров. Все три партии определили свое отношение к войне и к думу, к Временному правительству, к буржуазии, ко

всем насущным вопросам революции. Стали ясными цели всех партий в революции.

В те дни все улицы и переулки Пресни, как и в первые дни революции, оклеились призывами многочисленных партий голосовать за их списки.

Каких только не было партий на Руси в те годы! Чего только они не обещали народу в своих призывах!

Вместе с призывами кое-где видны и строгие приказы нового командующего войсками Московского военного округа генерала Верховского, возвещавшего о подавлении восстания рабочих в Нижнем Новгороде: «Я пушками и пулеметами беспощадно подавил восстание и так же поступлю со всеми, кто пойдет против свободы, против решений всего народа!» Так расправлялся будущий военный министр России эсер Верховский с противниками буржуазного Временного правительства.

На выборах большевики идут под № 5, меньшевики — под № 4, эсеры — под № 3. Вокруг этих трех партий и развернулась ожесточенная борьба на рабочей Пресне. Анархисты не в счет: они не прижились на Пресне. Остальные партии нас не интересуют. Они наши классовые враги, и об этом знает каждый рабочий.

Наступила горячая митинговая пора; от зари до зари — митинги на каждой лавочке бульвара, на каждой тумбе тротуара. За свой завод мы спокойны: здесь победа пятого номера обеспечена. Другое дело — сама Пресня с переулками. Уйма неорганизованного населения: рабочие и служащие мелких предприятий, торговых заведений, прачечных, пекарен, парикмахерских, приказчики, солдаты в лазаретах и госпиталях, кухарки, горничные, дворники... Это тысячи голосов, тысячи голосующих, их нельзя без боя отдавать эсерам и меньшевикам.

По заданию райкома мы с моим приютским другом Николаем Никитиным расклеиваем по стенам домов, фишным будкам и на воротах призывы нашей партии населению.

Однажды райком партии поручил нам распространять большевистские листовки к солдатам против войны в военном госпитале на Кудринской (ныне Барриадная) улице.

В ближайшее воскресенье перед дежурным мы обвильсь родственниками раненого солдата Матвея Калашникова, знакомого нам еще по работе на «Прохоовке». Он оказался лежачим больным. Санитар приосит только один халат. Я иду в палату на второй этаж, Николай остается на лестнице.

Огромная палата сплошь заставлена кроватями. Наожу Калашникова, передаю ему привет от жены Матены и детей и пачку папирос.

К длительному разговору с ним я не подготовлен и ерехожу прямо к делу.

— Мотя! Я принес солдатам правду о войне! На, очитай сам и отдай товарищам, — и сую ему пачку лтовок.

Как вскрикнет Матвей:

— Ты что, чертов сын, бунтовать солдат пришел! [ноги на войне потерял, а ты воевать не хочешь, сукин ын! — и понес, и понес.

Вижу — дело плохо, успокаиваю его, а он слушать е хочет.

— Бей его! — кричит Мотя и сам берется за котыли.

Я бросился к выходу и на ходу рассыпал листовки. Субарем скатились с Николаем с лестницы и без глядки бежали до зоологического сада.

Лет через пятнадцать я встретил Матвея Калашниова на стадионе «Трехгорки». Он оказался тоже люби-

телем футбола. Разговорились. Напомнил я ему о нашей встрече в госпитале.

— Темный был я, Ваня! Ничего не понимал тогда! — с горечью и виновато сказал Матвей.

Я не винил его: в те дни большевистские идеи еще не проникли глубоко в душу солдата...

Июнь был насыщен событиями огромной политической важности. Народ начал терять веру во Временное правительство. Ни один из насущных вопросов революции решен не был.

Московский комитет большевиков призвал провести 18 июня массовые районные демонстрации протеста против действий Временного правительства.

К тому времени заводская ячейка увеличилась до сорока человек. Вступили в партию большевиков Александров, Гришин, Семин, Чечет, Романов, Кривов, Матвей Рыков, Кулешов и другие. С электростанции «Свет — лампа» на завод пришли активные большевики: лекальщик Фадеев, слесари Виктор и Никодоров и токари Терентьев. В лице Ивана Васильевича Фадеева ячейка приобрела прекрасного оратора.

18 июня — воскресенье. К десяти часам утра у завода выстроилось человек триста рабочих. У заставы колонна выросла до пятисот человек. В нашей колонне лозунги: «Война войне!», «Вся власть Советам!». Они говорят о том, что тильманцы полностью принимают лозунги большевиков. Наконец появляется колонна прохоровцев. Она не велика собой, но по тому, что в ее рядах только большевистские лозунги, можно заключить, что эсеры в демонстрации не участвуют. Они, как и меньшевики, предлагали ограничиться в этот день проведением митингов. Поэтому нет и оркестра. Однако и небольшим, но стройным оркестром подошли сахарщики. С вала показалась небольшая колонна грачевских металлистов. Густыми рядами подошли рабочие заводи

Союз» и мамонтовцы, тоже с небольшим оркестром.

Под бурные звуки оркестра многотысячная колонна пресненцев начинает свое движение к зоологическому саду. Раздаются боевые песни, и среди них уже слышен боевой призыв «Варшавянки»: «На бой кровавый, святой и правый, марш, марш вперед, рабочий народ!»

В поступи колонны чувствуется сила и мощь организованного большевиками отряда рабочих Пресни.

Чуть ли не на всю Большую Пресню вытянулась колонна. Около кинотеатра «Гранд Плезир» (теперь Баррикады) небольшая трибуна, и на ней районные руководители большевиков: Слесарев, Михаил Рыкунов и другие. Краткие речи ораторов сопровождаются громкими аплодисментами, а их призывы «Долой войну!», «Вся власть Советам!» покрываются всеобщим гулом одобрения.

Выступали и раненые солдаты из военного госпиталя с протестами против начавшегося наступления на фронте и с требованиями немедленного мира без аннексий и контрибуций, передачи всей земли крестьянам.

Около часа продолжался этот большевистский митинг у зоологического сада. Он показал, что рабочая Пресня выражает Временному правительству свое полное недоверие.

Июльский расстрел демонстрации на Литейном проспекте в Петрограде всколыхнул всю рабочую Пресню. На первом же заводском митинге-протесте наиболее горячие головы призывали к немедленному восстанию и свержению Временного правительства. Твердые, но спокойные речи большевистских руководителей воспринимались с некоторым недоверием: слишком велики были недовольство и возмущение рабочих петроградским кровопролитием.

В июльских событиях в Петрограде все пресненские

хозяйчики увидели не слабость Временного правительства, а его силу, укрепление власти буржуазии. Вскоре за этим последовали и черные дела...

Страшна бывает в самосуде озверевшая банда торгашей. Первый удар она нанесла по одному из руководителей пресненских большевиков, Слесареву. Он был выброшен на ходу из трамвая. Несколько позднее его видели с перевязанной головой. Он обещал скоро вернуться на Пресню, но я не видел его вплоть до Октября, когда он в самую ответственную пору прибыл к нам таким же бесстрашным и надежным вожаком оставших рабочих, как прежде. После случая со Слесаревым расправы с большевистскими активистами участились. О них шли разговоры и на заводе, и на улицах, и в трактирах.

В наших Трехгорных и Предтеченских переулках, на Тестовке, в Точилровке и вокруг заставы спокойно. Здесь трудно замахиваться на большевиков — в порошок сотрут любого! Но совсем иной мир у зоологического сада, на Кудринской площади (площадь Восстания), Поварской (улица Воровского), Большой Никитской (улица Герцена) и Садовой улицах, на Новинском бульваре (улица Чайковского). Здесь в одиночку обнаруживать себя нельзя: сомнут насмерть и тебя же обвинят чуть ли не в бандитизме!

Как ни осторожны мы были, но вскоре и мне пришлось испытать горечь собственного бессилия. Возвращаемся как-то мы с другом Николаем Никитиным вечером из кинотеатра «Унион» от Никитских ворот и видим на сквере Кудринской площади 20—30 человек митингующих.

Подходим. Уговариваемся молчать, в споры не вступать, а только слушать.

Идет словесная перепалка кадетского и эсеровского толка, в основном о земле. Эти мирные словопрения нас,

пожалуй, и не задела бы, если бы один толстяк не сказал, что прибывший в Россию в plombированном вагоне немецкий шпион Ленин замутил рабочих и мужиков и теперь, боясь суда, скрылся из Петрограда, а все большевистские главари в Петрограде арестованы и посажены в «Кресты» (тюрьма) и теперь большевикам скоро крышка. Сердце мое сжалось словно от боли. Я чувствую, как бледнею, и в этот момент слышу шепот Никитина: «Давай, начинай!»

Я не задумываясь стал пробираться к лавочке, на которой стоял этот самый толстяк. Никитин за мной.

Никитин кричит ему: «Слезай, наговорился, хватит!» — и за полу пиджака тянет его с лавочки (тогда так было принято воздействовать на оратора). Тот сошел. Я быстро поднялся на лавку и сказал примерно следующее:

— Говоривший сейчас господин сказал вам, что Ленин приехал в Россию в plombированном вагоне, что он немецкий шпион и что ныне Ленин скрылся из Петрограда. Он клялся вам, что эти слова о Ленине суцья правда. Но он и сам не верит в свою «правду» о Ленине. Он повторяет эту клевету везде и всюду в дикой злобе на Ленина и большевиков. Ему мало того, что он нажил на войне, он хочет большего. Он требует крови Ленина и большевиков. Но из этого ничего не выйдет. Не Ленин и большевики будут уничтожены, а они уничтожат буржуазию, как уничтожили царское самодержавие.

Никитин все время поддерживает меня криками «правильно». Но мне уже нечего больше сказать, я весь выдохся и со злостью кричу:

— А вы, господин, первым будете повешены на этом фонаре!

Как заревела толпа!

— Бей его, провокатора и шпиона!

Я вижу только протянутые ко мне кулаки и падаю от толчка в спину. В этот же момент Никитин неистово кричит:

— Товарищи! Спасай, наших бьют!

Толпа рассыпается в разные стороны. Никитин вовремя увидел проходивших мимо матросов, и те бросились на его призыв к нам на помощь. В то время Центробалт рассылал по крупным городам своих представителей для связи с Советами этих городов.

Мы поблагодарили матросов и пошли восвояси.

— Осторожней, братишки! Попадете им одни — убьют, — напутствуют нас матросы.

«Да, страшновато!» — думаем мы оба.

Обострившаяся после июльских событий партийная борьба по-разному отразилась на рабочих Пресни. На одних предприятиях («Прохоровка», заводы «Союз», Грачева и Мамонтовых) под влиянием эсеров и меньшевиков снизилась активность большевистских организаций и даже несколько уменьшилось число членов партии. На других (заводы Гильманса, сахарный, «Свет — лампа», Морица Пальма, фабрика «Дукат») активность большевистских ячеек возросла, возросла и численность их. Так, на нашем заводе количество членов партии большевиков выросло до восьмидесяти человек.

НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

Наступили тревожные дни августа. Все меньше и меньше доверяют рабочие меньшевистско-эсеровскому ВЦИК, а Керенский стал уже притчей во языцех.

Цены на продукты растут каждую неделю, по копейкам, но растут. Прибавки на дороговизну жизни не успевают за движением цен вверх.

Часто задерживаются пособия солдаткам на детей. Каждую неделю появляются все новые и новые денежные знаки: красненькие и коричневые керенки достоинством в 20 и 40 рублей, без подписей управляющего и казначеев банка, без номеров и года выпуска, но все с тем же грозным царским двуглавым орлом. Исчезла разменная монета, и вместо нее ходят почтовые марки достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 15 и 20 копеек. Они так грязны, засалены, что трудно прочесть на их обратной стороне жирно отпечатанные слова: «Имеет хождение наравне с разменной монетой».

Уже введены карточки на хлеб. Очереди за хлебом изо дня в день удлиняются. Они вытягиваются в длинные ленты, обвивающие булочные в три-четыре витка.

О неудаче июньского наступления на фронте открыто говорят всюду: в «Студенце», в кино, в трамваях, на улицах, в скверах, на митингах и собраниях.

В начале августа в пресненские госпитали прибыло много раненых. Заняты несколько палат и в Прохоровской фабричной больнице, школа имени Гоголя, бараки на Ходынке, ранеными забита Солдатенковская (теперь Боткинская) больница.

На нашем заводе каждую неделю проходят митинги, принимаются боевые резолюции против Временного правительства, одна другой резче и грозней.

Чтобы успокоить общественное мнение, Временное правительство придумало созвать в Москве Всероссийское государственное совещание для обсуждения положения в России. Большевики на это совещание не пошли.

По призыву Московского комитета большевиков мы в день открытия совещания заявили протест Временному правительству и не работали. Не работали также заводы «Союз», Грачева, «Свет — лампа» и, конечно, наш «маленький сосед» — завод Осовецкого.

Совещание решило продолжать войну до победного конца, подтвердило введение смертной казни на фронте и объявило верховного главнокомандующего Корнилова «спасителем России».

Нашего «москвича» — усмирителя нижегородских рабочих волнений, командующего Московским военным округом эсера Верховского назначили военным министром.

Верховный главнокомандующий Корнилов — «спаситель России» — не заставил себя долго ждать. С быстротой молнии распространилось на Пресне известие о разгоне его молодчиками по пути в ставку Малоярославского и Калужского Советов. Было ясно, что Корнилов и Керенский серьезно замахнулись на революцию.

Темпы размежевания сил убыстряются: даже не испушенным в политике людям становится яснее ясного, на какую сторону вставать. Возмущение Временным правительством растет среди рабочих масс не по дням, а по часам. По всему видно, что скоро грянет гром и разразится новая гроза!

И хотя о подготовке нашей партией вооруженного восстания в Петрограде до нас доходят только отрывочные сведения, нам известно одно, что большинство ЦК партии с Лениным крепко стоят за вооруженное восстание, а отсюда заводские руководители Александр Иванович Ивановский и Федор Михайлович Шеногин настойчиво поторапливают нас добывать как можно больше оружия.

Еще после июльских дней заводской митинг тильманцев принял резкую резолюцию против Временного правительства с требованием его свержения и призвал организовать Красную гвардию для защиты революции. Партийная ячейка вынесла решение: всем членам партии вступить в отряд Красной гвардии. Руководство

созданием отряда было возложено на электромонтера, депутата Моссовета Федора Михайловича Шеногина, а в помощь ему в каждом цехе назначили авторитетных товарищей-большевиков.

Все оставшееся на заводе после Февральской революции оружие — берданки, винтовки, «смит-вессоны» — было сдано под наблюдение и заведование болтовщику Василию Владимировичу Павлову и мастеру электриков Анатолию Федотовичу Воронину — старшим по возрасту среди бойцов.

В каменоломнях около насыпи железной дороги нашли укромное местечко для обучения красногвардейцев стрельбе. Выбрали руководителей обучения — бывших солдат-фронтовиков Антона Пржевоцкого, Александра Манцевича, Марьяна Секлицкого. А для поддержания порядка и дисциплины в отряде создали товарищеский суд.

Оружие — вещь опасная. Случалось, что бойцы, посорившись, грозили друг другу оружием. Таких наказы-

Организатор красногвардейского отряда завода, член ВРК и начальник Красной гвардии Пресни в октябрьские дни 1917 г. Федор Михайлович Шеногин. Снимок 1918 г.

вали, выносили порицания, выговоры, делали предупреждения. Однако самым большим наказанием считалось исключение из отряда. Лишившийся доверия товарищей подвергался всеобщему презрению.

Председателя товарищеского суда формально не было, но последнее слово всегда было за Иосифом Кибортом. Его мнение было решающим. Все знали: его не подкушить ни разговорами, ни угрозами.

В товарищеский суд выбрали и меня, и я очень гордился этим, стараясь быть всегда справедливым.

Так родился первый на Пресне боевой отряд Красной гвардии, сыгравший большую роль в последующих революционных событиях на Пресне...

Карманным оружием запасаются все, кто хочет. В большинстве случаев его приобретают у солдат Ходынки, на рынках, у раненых и отпускников с фронта, а иногда и у всякой вольношатающейся братии — ее на Пресне и в Грузинах ох как много!

Бить буржуев изъявляют желание многие, но посмотрим, многие ли пойдут, когда потребуется...

Теперь даже трудно вспомнить, как переживались последние дни перед восстанием. Память сохранила всеобщую лихорадочную обстановку с длительными и беспрерывными митингами, спорами до хрипоты, подсчетами людей и оружия.

У нас на заводе ожидают выступления 250—300 человек, на «Прохоровке» — до сотни, на «Мамонтовке» — 20, на сахарном — 25, от «Союза» — 15, от «Дуката» — 10—15, от Грачева — 20 человек. Так, по крайней мере, нам было известно из разговоров со знакомыми ребятами этих предприятий.

Беда вся в том, что весь наш заводской арсенал насчитывал два десятка винтовок и берданок, а патронов не больше обоймы на каждую. Ручное оружие не в счет: почти у каждого по одному, а то и по два револь-

вера. Только недавно к браунингу я прибавил паган с патронами, кушленный у артиллериста с Ходынки всего за керенку в 40 рублей.

От матери и сестер наши приготовления скрываю. На вопросы: «Что будет?» — отвечаю: «Власть народа». Сестры с недоверием относятся к моим словам, а мать недоуменно разводит руками и приговаривает: «Где это было видано, чтобы народ управлялся без царя и без хозяев!» Я думаю: «Да, не было, но будет так!»

Должен сказать, что ни у одного из моих товарищей во все дни подготовки и проведения восстания не было ни малейшего сомнения в его успехе. Не знаю, почему была у нас такая уверенность, но каждый из нас ощущал победу нутром.

ПЕРВЫЙ УСПЕХ ВОССТАНИЯ

26 октября, незадолго до окончания работы, районный комитет партии потребовал от нашей ячейки прислать двадцать вооруженных красногвардейцев. Я попал в их число.

По пути в райком Киборт сказал, что вызвали нас, наверное, для охраны райкома.

По пути на Новом Гулянье (теперь Пресненский сквер) около будки оркестра заметили компанию азартных картежников. Разогнали — на всякий случай. Не надежная братия: в такое суровое время сомнительных сборищ не следует допускать.

Райком... Небольшой домик близ собора Иоанна Предтечи в Большом Предтеченском переулке (теперь Большевицкая улица). Здесь уже собрались партийцы-прохоровцы, подошли представители и от других предприятий. Становится тесно, кое-кто спускается вниз подкрепиться бутербродами и чаем.

Еще толком никто ничего не знает. Говорят, что в Петрограде власть в руках Петроградского Совета.

Наконец появляются руководители райкома: Беленький, Слесарев (Кульман), Александров, Михаил Рыкунов, наши — Ивановский и Шеногин, Никита Трофимович Меркулов. Лица у них серьезные, сосредоточенные.

Говорит Иван Слесарев. Речь его коротка, решительна и очень проста.

— Товарищи, ждать больше не будем. Вчера, 25 октября, ночью Временное правительство свергнуто и вся власть в Петрограде перешла к Военно-революционному комитету.

Он говорил, что в Москве тоже создан Военно-революционный комитет, и объявил о переходе к ВРК всей власти в районе.

Наш любимый оратор весь в напряжении, сила его убежденности передается и мне. Я весь в плену его мыслей, что скажет он, то считаю законом.

— Ближайшая наша задача, — говорит Слесарев, — занять милицейские участки, разоружить милицию, захватить у нее оружие, вооружить красногвардейцев, обезоружить всех, кто будет сопротивляться приказам Военно-революционного комитета.

Он предлагает на каждый участок направить по три — пять красногвардейцев.

— Кто пойдет на первый участок? — спрашивает Слесарев и смотрит на Киборта.

— Мы пойдём! — отвечает Киборт и смотрит на меня и Владимира Маковского.

Мы с Кибортом понимаем друг друга с одного взгляда. Маковский произносит только:

— Добже.

Слесарев вызывает охотников на другие участки. Мы трое — литовец, поляк и русский — отправляемся

на Нижнюю Пресню, к Горбатову мосту. Слесарев и Александров напутствуют нас:

— Действуйте организованно и решительно!

Энтузиазма у нас хоть отбавляй, а вот опыта мало. Нам вместе шестьдесят три года: мне девятнадцать, Маковскому двадцать один, Киборту двадцать три.

По пути решаем действовать дерзко, смело, не давая никому опомниться, демонстрируя силу. Оружие пускать в ход только в том случае, если будет оказано вооруженное сопротивление. В остальном — как покажет обстановка. За старшего, конечно, Киборт.

Коротки осенние денечки: из райкома вышли в сумерки, подходим к участку в темноте. Дневную слякоть подбирает маленький морозец. Кругом настороженная тишина. В переулках — ни души, время тревожное.

Про комиссара милиции 1-го участка Плевако говорили, что он студент и эсер, но нигде на митингах я его не слышал. Входим в участок и, минуя дежурного, распахиваем дверь в кабинет комиссара. Он в расстегнутом кителе прилег на диване. Вид у него усталый, взгляд рассеянный. Здравуемся, он встает. Киборт спрашивает официально, он ли комиссар милиции, и, получив утвердительный ответ, продолжает:

— От имени Московского военно-революционного комитета объявляем вам, что вчера, 25 октября, Временное правительство свергнуто и вся власть в России перешла к Всероссийскому съезду Советов. Пресненским военно-революционным комитетом нам поручено объявить вам о переходе всей власти в районе к Военно-революционному комитету и лишить вас права делать какие-либо распоряжения по милиции. Всякое сопротивление бесполезно и будет беспощадно подавляться. В районе идет разоружение милиционеров. Прикажете немедленно сдать нам имеющееся в участке оружие!

Без единой заминки произнес эту короткую речь

Киборт. Бледный от внутреннего волнения, с направленными на Плевако горящими глазами, он был великолепен в эту торжественную минуту.

Тон речи Киборта, внешнее его спокойствие и наша готовность драться ошеломили Плевако.

— Товарищи! — начал он, стараясь казаться спокойным. — Я знаю, что Временное правительство парализовано, но чтобы оно было свергнуто, этого я еще не слышал. Сейчас я свяжусь с начальством, получу указания, и тогда решим, что нам делать.

Он потянулся к телефону.

Я вежливо отвожу его руку и смотрю на Киборта и Маковского. Оба быстро подходят к Плевако. Киборт спокойно просит его перейти на диван и выполнить наше требование о сдаче оружия.

— Поймите, — укоризненно говорит ему Киборт, — вы отстранены от должности ревкомом!

— Это значит, что я арестован? — недоуменно спрашивает Плевако.

Что делать с комиссаром, мы не знаем, о нем нам ничего сказано не было, и Киборт импровизирует, что бывший комиссар не арестован, а находится в участке без исполнения своих обязанностей. Все вместе с Плевако рассмеялись.

Плевако вызывает к себе дежурного по участку и отдает ему распоряжение: все имеющееся в участке резервное оружие предъявить представителям Пресненского ревкома и поступить с ним по их указанию.

— Я больше не комиссар милиции, — добавил Плевако, глубоко вздохнул и растянулся на диване.

Киборт позвонил в райком, доложил Слесареву о наших делах и получил распоряжение: всем троим оставаться в участке. Плевако никуда не отпускать, оружие держать при себе и ждать дополнительных указаний.

А время уже подошло к одиннадцати. Дежурный

хлопотал о чае, но в это время послышался топот многих ног. Молодой унтер-офицер в сопровождении нескольких солдат доставил Киборту записку Слесарева с предписанием участок сдать солдатам, а самим прибыть в ревком.

Ночь темная-претемная. С трудом пробираемся в помещение ревкома — так много там красногвардейцев. Они толпятся в садике. Узнаем, что на Садовой наши будут рыть окопы. Незнакомый унтер-офицер заявляет, что будет руководить, как он выразился, «всеми инженерными работами», но тут же добавил, что у него нет ни лопат, ни какого-либо другого инструмента. Раздались голоса: «Студенец!», «Студенец!». Мы объясняем ему, что в Точилровке, на Студенецкой даче, есть агрономическая школа и в ней всякого инструмента завались.

С унтером уходит партия красногвардейцев.

От нервного напряжения, за день пережитого, чувствую усталость... Решаем никуда до утра не уходить, спускаемся вниз, вышиваем по стакану чая и, довольные своим первым успехом, ложимся спать вповалку, на полу...

ПЕРЕД РЕШАЮЩИМИ БОЯМИ

Утром 27 октября ревком переехал из Большого Предтеченского переулка на Кудринскую улицу, в здание Пресненской части и 2-го милицейского участка. На втором этаже в большом зале (то ли в бывшей казарме городских, то ли в канцелярии), разделенном деревянными столбами на две равные части, расположилось с полсотни красногвардейцев. Толпятся четыре круглые, обшитые железом печки.

Подсаживаюсь к нашим ребятам и помогаю им топить печку. Узнаю, что они всю ночь копали окопы на Садовой-Кудринской, Бронной, где-то на Триумфаль-

ной и только недавно пришли сюда. У них нет никакого оружия.

Киборт назначает дежурным какого-то солдата-отпущника, а мне поручает составить для него список всех людей. Тут — сахарщики, прохоровцы и человек тридцать наших тильманцев. Киборт назначает старших по отрядам. Тильманцев оставляет за собой. Потом он собирает к себе старших и пробирает их на чем свет стоит за анархию. Авторитет его для всех непоколебим. Появившийся Слесарев объясняет, что ревком решил начать патрулирование всего района и задерживать всех подозрительных.

Я попадаю в патруль на Малую Грузинскую улицу. Задерживаем и обыскиваем всех офицеров, студентов и вообще всех, кто носит какую-либо форму с кокардой. Редко у кого из них обнаруживается оружие. К вечеру нас сменяют.

Во дворе ревкома встречаю Слесарева, Рыкунова. Они сильно встревожены. Оказывается, белые стараются отрезать Пресню от центра города и уже заняли своими патрулями Садовую, Кудринскую площадь и Новинский бульвар. Памятен белым 1905 год!

Ревком решил усилить на ночь патрули по всей Пресне и к утру поднять по тревоге всех красногвардейцев района. наших сил явно не хватает, территория огромная, а главное — мало оружия. Для безопасности ревком решил перейти ночью на Трехгорный вал, в музыкальный класс Прохоровского училища.

28 октября... Новое помещение штаба Красной гвардии хорошо знакомо мне. Расположенное на заднем дворе Прохоровского мануфактурно-технического училища, оно служило раньше для занятий духового и струнного оркестров училища, хоровых спевков и гимнастических упражнений. Уже у входа можно было понять, что новые обитатели его собрались здесь не для

мирного времяпровождения: возле двери стояли часовые, сновали вооруженные и невооруженные красногвардейцы, все куда-то спешили, громко окликали друг друга...

Узнаю от своих, что накануне, по окончании работы, около сотни тильманцев под командой Шеногина ушли охранять Моссовет. Ивановский сегодня утром поднял рабочих, живущих на Тестовке, Черногрязских улицах, в Точиловке, и привел их в штаб. Значительно пополнились отряды и других предприятий, вот только оружия нет.

Мелкими партиями и в одиночку из центра подходят солдаты-двинцы. Все вооружены, их считают самым боееспособным подразделением.

Входит Шеногин, он командовал нашими в Моссовете, с ним незнакомый вольноопределяющийся, Киборт и несколько наших заводских ребят. Я приветствую Федю Шеногина взмахом руки, он подходит и крепко жмет мне руку, широко улыбается, обнажая крупные белые зубы.

Шеногин объявляет, что ревком объединил все отряды и его назначил начальником Красной гвардии района. Начальником штаба — нашего нового товарища Михаила Златоверова, вольноопределяющегося. Небольшого роста, очень подвижный, лет 23—25, «вольношер» первой же улыбкой завоевал симпатии своих «вооруженных сил», как любил он впоследствии называть наши отряды.

Начальником нашего заводского отряда вместо Шеногина назначен Киборт, помощники у него — бывшие солдаты Пржевоцкий и Манцевич.

Наш отряд самый большой — триста человек. В нем много бывших солдат, отпущенных из армии для работы «на оборону». Подавляющее большинство — молодежь.

Я состою в десятке Марьяна Секлицкого — волочилица проволоки, поляка из Варшавы, отчаянной головы.

На собрании отряда Шеногин объяснил обязанности десятника: тот отвечает за оружие, выданное бойцам, за порядок и дисциплину в десятке, за выделение людей в наряды, за получение и раздачу продуктов. Оперативных функций десятки не имеют: в бою все подчиняются только начальнику отряда, слушают и выполняют его команду. Чувствуется, что за дело взялась чья-то твердая рука, в отряде появляется порядок и некоторая стройность.

Меркулов привез из Хамовнических казарм двести винтовок — теперь есть чем вооружить прибывшее пополнение. Ведает оружием Иван Зубков. Шеногин поручает мне проверить списки красногвардейцев. Если в них окажется шпана, немедленно выгнать из отряда.

Вокруг Зубкова — толпа, требующая оружия. Он успел уже надорвать голос, отгоняя от винтовок людей, не значащихся в списках отрядов.

Раздача винтовок с самого начала была неправильной: вместо того чтобы давать их по спискам заводов в присутствии начальника отряда, Зубков, не зная людей, начал выдачу винтовок без начальников отрядов, под личную расписку получающего. Вокруг него собралась толпа людей, требующих винтовок.

Я знал многих из пресненской шпаны и думал, что мне легко будет выполнить поручение. Но беда оказалась в том, что в списках люди были записаны по фамилиям, а знал-то я их по именам, а то и просто по прозвищам. Позвали начальников отрядов и тех, кого лично знали в отрядах, проверили с ними списки и отвели из вновь прибывших некоторых ненадежных — Медведя, Шмагу, Чеграша-младшего, Ваську Рыжего и других.

С пополнением наш отряд несколько «состарился». Некоторым за сорок, и теперь в отряде оказались свои

«отцы и дети»: Матвей Белявский и Александр Вильчинский с сыновьями. У Петра Квевинского и Семена Рымаса по два сына, а братьев Потаповых — трое. К ним все наши относятся с большим уважением, а ребята из других отрядов — с удивлением.

Они молчаливы, эти «старички», держатся спокойно, не суетятся, не кричат, сосредоточены каждый на своей думе. Дома оставлены жены с маленькими ребятами. Это не пустяк! Как прекрасны были в своей обычной рабочей одежде, со строгими лицами эти революционеры — старшее поколение токарей, слесарей, плотников, кузнецов и автоматчиков славного отряда тильманцев!

Шеногин и Златоверов объясняют начальникам отрядов задачу: не дать белым продвинуться в глубь Пресни от Садового кольца и продержаться до подхода артиллерии. Перед всеобщим наступлением еще раз прочистить весь район, обезвредить всех, кто может чем-либо помешать нам.

Прохоровский отряд получил задание: предупредить всякую возможность провокаций в нашем тылу со стороны эсеров «Прохоровки», которые группируются в своем большом клубе в начале Большого Трехгорного переулка, имеют оружие и выказывают враждебность ко всем нашим действиям.

Красногвардейцы-прохоровцы, руководимые А. Малинкиным, будут непрерывно патрулировать все Трехгорные и Предтеченские переулки, Среднюю и Нижнюю Пресню до своей фабрики.

Вслед за прохоровцами уходят сахарщики. Их небольшой отряд — сплошь молодежь. Они хорошо организованы, дружны, дисциплинированы, уважают своего молодого, высокого и сильного начальника Василия Ракова и его помощника Клима Бурачева. Их присоединили к отряду солдат-двинцев с задачей не допустить продвижения белых по набережной Москвы-

реки от Проточного переулка к Горбатовому мосту. В общей сложности их человек семьдесят, командует ими унтер-офицер с Георгиевским крестом на груди.

Красногвардейцы с заводов «Союз», Мамонтовых, Грачева, Морица Пальма и «Свет — лампа» сведены в один отряд и под командованием слесаря Хачкова, расторопного и шумливого, направлены в сторону Александровского вокзала и Тишинских переулков.

Ушли отряды и унесли с собою часть шума и терпкий запах махорки...

Наш отряд вместе с полсотней солдат-двинцев представляет главные силы. Ему поручается охрана Большой Грузинской улицы до Сенной площади, Кудринской, Конюшковской, Нижней Прудовой (сейчас Дружинниковская) улиц до Горбатого моста (мост имени 1905 года) и Большой Пресни.

Я — в группе Киборта. Разделившись на две части, мы идем по обоим тротуарам Пресни в направлении зоологического сада. По дороге обыскиваем всех встречаемых прохожих. Это признано необходимым, так как стало известно, что под видом красногвардейцев где-то в Дорогомилове бандиты ограбили несколько магазинов. Надо смотреть в оба. Любопытные пресненские обыватели посматривают из окон, не рискуя выйти на улицу.

У зоологического сада сменившаяся группа наших рассказывает, как они застали Мотьку, владельца игры лото (шулера и вора), когда он с двумя вооруженными подручными, тоже под видом красногвардейцев, грабил какой-то магазин на Сенной. Мотьку на месте расстреляли, а двух других сдали в 3-й участок милиции. Вспоминаем предусмотрительность Шеногина. Киборт посылает в штаб доложить об этом случае, чтобы весть распространилась по району.

Наша смена идет в трактир Затулкина, что на углу Пресни и Малой Грузинской улиц. Сегодня обедаем

по талонам, выданным ревкомом. Это первые хозяйственные документы новой власти. На талоне обозначено:

«Трактир Затулкина.

Обед 2 блюда.

28 октября 1917 г. Пресненский военно-революционный комитет». Печать Совета рабочих депутатов Пресненского района г. Москвы.

Вскоре узнаем радостную новость: в штаб прибыл грузовик с пулеметами и солдатами какого-то полка. Киборт посылает нашего пулеметчика Манцевича в штаб проверить эти сведения и получить указания на дальнейшее.

...Темнеет, на улицах никакого освещения, кроме редких керосиновых фонарей. В эту пору все активные действия с обеих сторон прекращаются.

Была уже полночь, когда мы устроились сидя подремать возле теплой печки. Прилечь где-либо нет возможности, так плотно был «услан» пол штаба спящими красногвардейцами. Это был последний относительно спокойный день на Пресне.

Не прошло и двух часов, как Киборт разбудил меня и поручил охрану задержанных офицеров. Утром их собирались отправить на Ходынку. Там есть кому охранять их: солдаты Ходынки перешли на сторону восставших.

Двадцать два офицера, от прапорщика до капитана, сидят на полу в комнате, где держали музыкальные инструменты и гимнастические снаряды. Их интересует: где они находятся, что с ними будут делать большевики, кто у нас старший?

Я подробно рассказываю о Шеногине и Златоверове, а что будет с ними, я и сам не знаю.

Когда же офицеры узнали, что я учился здесь и даже занимался в этом музыкальном классе, они очень удивились.

Последовали новые вопросы: что заставило меня примкнуть к восставшим рабочим, не буду ли я раскаиваться и как буду объяснять свое поведение военнополовому суду? Так они были уверены в нашем поражении!

Я тогда еще не знал, что часовой — лицо неприкосновенное и разговаривать ему не разрешается.

Облокотившись на ствол винтовки, я смотрю из комнаты в зал на распластавшихся на полу бойцов, на сизый махорочный дым над ними, на мирно беседующих пожилых красногвардейцев. Им не до сна: семейные заботы дают себя чувствовать и здесь.

Вот появляется Манцевич с пулеметной лентой через плечо, с карабином и двумя бутылочными бомбами за поясом. Он уже пулеметчик. Манцевич сегодня дежурный по штабу. Думаю про себя: «Когда только он успел так разрядиться? Ох, уж этот Манцевич! До чего ловок парень! Смелый, находчивый и сильный духом человек».

Не прошло и пяти минут, как Манцевич пулей влетает в класс и кричит:

— Часового убили!

Все, кто бодрствовал и кто проснулся от его крика, кинулись на улицу.

Вскоре вносят в класс богатырского роста человека, рабочего лакокрасочного завода Мамонтовых. У него пятеро детей. Тело убитого уложили посередине зала, у винтовочной пирамиды, поставили двух часовых.

Рабочий стоял на посту около дома Новожилова на углу Большой Пресни и вала и был убит предательски, из-за угла.

Белые наглеют, они появляются там, где их никак не ждут, — в нашем глубоком тылу. Такой была первая расплата за нерешительность и медлительность наших действий.

Шеногин и Златоверов тут же разослали по всем направлениям связанных с требованием быть бдительными. А на улице не видно ни зги, ветер, грязь, холод...

Некоторые бойцы подходят ко мне, заглядывают в комнату, где находятся арестованные. Говорят:

— Чего охранять-то сволочей! К стенке их!

Меня сменяют, и я умащиваюсь спать около солдат на их широко раскинутых шинелях. Но не успеваю уснуть, как приходит еще одна новость: Ивановский требует немедленно прислать на наш завод не менее двадцати бойцов для усиления охраны. Там подобрали несколько листовок с угрозами взорвать завод, ночью завод уже дважды обстреливался со стороны Тестовского поселка. Полагают, что это провокации местных эсеров, а возможно — огородников Шелепихи.

Шеногин поднимает наших «старичков» и вместе с ними уходит на завод. «Ну и ночка выдалась!» — думаю я, инстинктивно сжимая винтовку.

29 октября... Просыпаюсь от толчка. Вставая, солдат вытянул из-под меня свою шинель, встряхнул ее, надел и бегом побежал догонять товарищей.

Составляются смены на посты и патрули. У бойцов сонные лица, красные, опухшие веки, углубившиеся от бессонных ночей морщины. Никто из них не представляет себе, что сегодня им предстоит совершить подвиг. Они спокойно, на ходу протирают глаза, потягиваются, выходят на улицу.

К штабу подъехала грузовая автомашина. Член ревкома Василий Емельянов с бойцами вносит в класс высокие буханки свежесдобитого белого хлеба.

Я подхожу к Емельянову и советую ему дать офицерам хлеба. Он согласен и складывает на табуретку возле двери четыре большие буханки. Офицеры повеселели, благодарят за великодушие, признаются, что не ожидали с нашей стороны такого жеста.

— Не волки мы! — отвечаю им.

Вернувшись с завода, Шеногин и Златоверов поднимают еще не вставших, выстраивают всех, и небольшая колонна направляется по Пресне на Кудринскую улицу, в дом № 4, которому суждено стать центром боевых действий.

БОЙ НА КУДРИНСКОЙ

В штабе собрались почти одни тильманцы. Вместе с Шеногиным появился Ивановский. Бойцы-тильманцы засыпают его вопросами: почему мы медлим, когда белогвардейцы бьют наших в Кремле, убивают из-за угла, чувствуют себя господами положения на Садовом кольце? почему нет артиллерии? когда же начнем бой? Ивановский и Шеногин успокаивают бойцов.

Уясняем нашу задачу: очистить от белых огромный район — Кудринскую площадь, Садовую-Кудринскую, Большую и Малую Никитские, Поварскую, Новинский бульвар, Смоленский рынок, Горбатый мост, набережную, Грузины и Камер-Коллежский вал.

Отныне Ивановский будет неотлучно находиться в штабе Красной гвардии: рядовые бойцы мало знают членов ревкома, а Ивановский для них признанный авторитет и главный опекун тильманского отряда.

Обращаясь ко всем тильманцам, Ивановский был краток:

— Теперь, когда задача наша ясна, когда мы подняли на ее выполнение всех, кого только могли, вступая ныне в решительный бой с контрреволюцией, партийцы-большевики завода должны доказать на деле свою преданность идеям партии большевиков и служить примером для всех, идущих за нами и вместе с нами. Тех же, которых мы не видим среди нас, мы больше не будем считать членами нашей партии!

Мне вместе с товарищами поручено охранять Пресню от белых, которые могут наступать со стороны Тверской по Большой Грузинской улице.

Впереди, до Сенной площади, ведут разведку наши юные герои — заводские ученики Боря Нилов и Шура Книга. Их отцы — наши же рабочие, один — болтовщик, другой — плотник.

Удивительные это ребята! Оба маленькие, щупленькие — им никак не дашь их четырнадцать-пятнадцать лет, оба храбрости необыкновенной, сноровки удивительной, находчивости поразительной! Они общие любимцы всех отрядов. Сейчас их задача — разведать, где и сколько есть белых в районе Сенной площади, на «Живодерке» (улица Красина), в Тишинских переулках, на Брестских улицах, короче — от Александровского вокзала до Садового кольца, северной границы Пресненского района.

Они никого не останавливают, у них нет никакого оружия, они просто мальчишки и идут к знакомым спрятаться от боя. Вот и все.

Сведения их всегда были верны, подробны, без преувеличений и без преуменьшений. Им верили больше, чем многим взрослым разведчикам. Умение держать себя в трудную минуту перед офицерами, и даже когда надо пустить слезу, они за короткое время боев постигли в совершенстве. Когда же они разыгрывали нам сцены своих разговоров с офицерами — сколько бывало смеху! Словом, герои!

Вот вернулись они и говорят, что, кроме слабо вооруженных членов добровольной домовой охраны, никого нигде не видно. Причем добровольцы охранники заявляют, что они не допустят боев на своей территории и будут обстреливать белых, если те попробуют сунуться на их улицы. Подслушанные Борькой и Шуркой разговоры охранников для нас очень ценны; белых немно-

го, значит, мы можем оставить здесь лишь небольшой заслон и ждать перестрелки между белыми и домовою охраной, а по этому «сигналу» своевременно вызвать помощь.

Район проверен разведчиками, им больше делать здесь нечего, и я отправляю их в штаб с донесением. Нас здесь мало, а нам нужно, чтобы казалось, будто нас много. Поступаем так: по правой стороне Большой Грузинской с интервалом в 100—150 шагов бойцы не спеша шагают до Сенной площади или до Брестских улиц, там переходят на левую сторону Грузинской и возвращаются к Георгиевскому скверу.

Так и крутим эту карусель из восьми — десяти человек, а видимость создаем, словно нас чуть ли не полсотни. Ведь мы тоже не лыком шиты — хитрить умеем!

Обыскиваем всех без исключения офицеров, студентов, гимназистов. У кого находим оружие, задерживаем и направляем в штаб. Проходит часа три. Никаких осложнений нет.

Но вот в стороне зоологического сада вспыхивает ружейная и пулеметная стрельба. Она то стихает, то начинается вновь. Решаем, что наши пошли в наступление на Кудринскую площадь. Наконец-то! Давно пора!

Вскоре к нам, запыхавшись, подбегают девушка и два паренька. Это Аня Литвейко, работница завода «Свет — лампа», с товарищами. Им по семнадцать-восемнадцать лет, вместе с нашими заводскими ребятами Василием Любимовым, Николаем Блохиным и Василием Устиновым они — организаторы Союза рабочей молодежи на Пресне, будущего комсомола.

Они не ходят и не бегают, они летают, появляясь только по двое, по трое вместе, а не в одиночку, чтобы не порвалась связь. Они вездесущи, они знают все: где находится любой командир или член штаба в данную минуту, как действует тот или иной отряд. Их все зна-

ют и уважают. Они развеселят и старого и малого. Это веселье и боевые друзья! Наш общий любимец — мастер-электрик Анатолий Федотович Воронин от них в восторге и прозвал их «крылатой гвардией».

— Всем немедленно к зоологическому! Там пришла артиллерия! — возвещает Аня.

Артиллеристы с пушками пришли к зоосаду, скоро начнется бой за Кудринскую площадь.

Двух бойцов оставляю в сквере, а с остальными торопимся к зоологическому. Здесь поступаем в распоряжение артиллеристов — прикрывать батарею из двух орудий, третье ушло на Горбатый мост. Оказывается, артиллерия обязательно должна иметь при себе пехотное прикрытие. В случае неожиданного налета белых мы должны пасть до последнего, но не пустить на батарею врага. Сложная, однако, это штука — артиллерия и военная наука вообще!..

Артиллеристы тянут телефонные провода на крышу восьмизэтажного дома по Кудринской улице: на крыше у них наблюдательный пункт. Оттуда они будут корректировать стрельбу по невидимым целям.

С этими артиллеристскими премудростями знакомит нас молодой унтер-офицер Михаил Сизов — командир орудия, год повоевавший и после ранения назначенный в запасную артбригаду на Ходынке обучать молодых солдат.

Мне нравятся его ловкие и быстрые движения, точные короткие команды по установке и проверке орудия.

У всех проходящих в «боевое охранение» радостное настроение, бойцы обмениваются с артиллеристами крепкими рукопожатиями, как со своими старыми знакомыми.

Постепенно выясняем, что тут произошло. Пройти на Кудринскую площадь узким проездом между Вдовьим домом (ныне Институт усовершенствования врачей)

и Покровским собором (здесь теперь высотный дом) оказалось невозможным из-за сильного обстрела. Решили просачиваться к площади через соборный двор. Небольшой отряд солдат под прикрытием парашета церковной ограды начал обстрел Кудринской площади. Белые долго не отвечали, но когда солдаты начали перебегать из-за ограды к площади, открыли шквальный ружейно-пулеметный огонь.

Неосторожность наших и хитрость белогвардейцев стоили солдатам трех раненых!

Придумали другой вариант. Полсотни наших бойцов с двумя пулеметами обойдут Вдовый дом со стороны зоологического сада и из Морозовского парка поведут стрельбу по белым, занимающим Садовую-Кудринскую улицу. Когда белые сосредоточатся на этом участке, солдаты из-за соборной ограды откроют по площади сильный ружейно-пулеметный огонь, имитируя повторение своих перебежек. Тем временем тильманцы перелезут в парк Вдовьего дома через заднюю железную ограду и обоснуются там.

Придумано хорошо, но как это все получится?

Артиллерийские наблюдатели на доме № 8 и солдаты на колокольне Покровского собора получают задание установить численность белых в парке.

Вот уже бойцы вышли на Большую Грузинскую, чтобы обойти Вдовый дом. Потянулись минуты ожидания...

Наблюдатели вскоре сообщили, что в парке белых нет. Эти сведения в нашем штабе вызвали недоумение. Решили продолжать наблюдение и беспрерывно сообщать на батарею.

Сведения подтвердились: в парке Вдовьего дома белых нет!

Нам у орудий видно, как двинулись наши от кинотеатра «Гранд Плезир», как начали карабкаться на

стенку и перелезть через железные шпильки ограды. Операция эта идет удачно: деревья и густые кусты сирени и акации в парке надежно прикрывают наших бойцов. Солдаты обстреливают белых из-за соборной ограды, отвлекая на себя огонь.

За полчаса в парк Вдовьего дома проникло наших человек сорок. Дважды слышалась пальба со стороны Морозовского парка. Это наши теснят белых на Садовой-Кудринской от Софийской детской больницы (ныне детская больница имени Филатова).

Наша батарея начала обстрел дальних целей. Она бьет по Александровскому военному училищу и школе прапорщиков, где теперь сосредоточены большие силы белых.

В красногвардейских рядах большой подъем: с нами артиллерия, а значит, и победа!

Киборт зовет нас из прикрытия к кинотеатру «Гранд Плезир». Наше место занимают бойцы, подошедшие с Федором Сибирцевым и Анатолием Ворониным со стороны Горбатого моста. Киборт разъясняет задачу: перелезть через ограду по двое-трое, не спешить, без шума, винтовки передавать друг другу сквозь решетку ограды, без его команды стрельбу по белым не открывать.

Пришла и моя очередь лезть через эти высокие железные шпильки. Ну и шпильки, век их не забуду! Взбираюсь на ограду, осторожно перешагиваю на другую сторону, хочу прыгать вниз — и не могу: пальто зацепилось за острие, ни туда и ни сюда. Что делать? Беда!

Тем временем белые, по-видимому, разгадали нашу хитрость и принялись бить по парку Вдовьего дома. Слышу, как о прутья ограды ударяют пули: дзинь, дзинь. А я повис живой мишенью на шпильке. Мгновенье — и белые расстреляют эту мишень!

— Прыгай на меня! — неистово кричит Марьян Секлицкий.

Я отталкиваюсь ногами от решетки, пальто трещит, и я лечу вниз, в объятия Секлицкого, и, пригнувшись, бегу укрыться за парашетом ограды, выходящей на Кудринскую площадь.

Нас собралось с полсотни, но огня не открываем до подхода группы со стороны Морозовского парка.

Белые ведут огонь по парку редкими залпами, но метровой толщины парашет прикрывает от обстрела.

Не прошло и десяти минут, как через забор один за другим стали прыгать в парк ребята из обходного отряда. Перетащили и пулеметы.

Манцевич, обвешанный пулеметными лентами, и пулеметчики Мотя Рыжков, Петя Романов и Сеня Демкин пристраивают свои колыты у ограды с таким расчетом, чтобы можно было одновременно обстреливать площадь, Большую Никитскую и Поварскую улицы.

Посланный Кибортом связной вернулся с приказанием начать обстрел площади. Вести огонь из винтовок с парашета опасно, к тому же мешают афишные будки, массивные скамейки и высокие густые кусты на сквере. Поэтому наши редкие выстрелы не достигают цели и вскоре прекращаются. Пулеметы тоже молчат, чего-то ждут.

Но вот справа, со стороны Покровского собора загрохотала густая ружейно-пулеметная пальба. Белые переносят огонь туда, и в этот момент по скверу заработали всюю оба наши пулемета.

По команде Киборта мы тоже начинаем беглый бесприцельный огонь по Большой Никитской и Поварской, не давая белым возможности ни отойти из сквера, ни получить подкрепления.

Киборт и Пржевоцкий считают, что сквер очищен от

белых, но на всякий случай туда забрасывают две бутылочные гранаты. Оглушительные взрывы вздыбили мягкий грунт клумбы, разнеся далеко комки холодной земли.

— Приготовиться к выходу из парка на площадь! — командует Киборт.

Но в это время со стороны дома страхового общества «Россия» на нас обрушились мощные залпы. Бойцы снова залегли.

Недоуменно поглядываем друг на друга. Неужели из окон этого дома?

Стрельба продолжается, рассеивая наши сомнения: белые ведут по парку огонь из огромного шестизэтажного дома «Россия», подвергая смертельной опасности его жильцов.

Киборт посылает кого-то в штаб за указаниями. Указания не заставили себя долго ждать: пушки прямой наводкой ударяют по этому дому.

Разрыв! В стене, обращенной к зоосаду, — огромная дыра, зияющая своим оскалом. На мерзлую землю рушится столб камня, щебня, штукатурки и пыли.

Второй выстрел, третий. Разворочен угол крыши, выбиты стекла верхних этажей. Манцевич, не ожидая команды, в мгновение ока выбил своими пулеметами все стекла в верхних этажах дома «Россия» со стороны Кудринской. Но что это? Белый флажок в руках офицера!

— Прекратить огонь! — командует Киборт и посылает к офицеру на сквер Васю Белокопытова узнать, в чем дело. Оказывается, белые просят устроить на полчаса перемирие, чтобы вынести с площади убитых и раненых.

Киборт соглашается на пятнадцать минут и направляет посыльного в штаб с донесением. Через несколько минут три легковые открытые машины, подъехавшие

с Поварской и внутреннего проезда Новинского бульвара, забрали убитых и раненых белогвардейцев.

Пятнадцать минут истекло. Длинными очередями еще раз прошли наши пулеметчики по площади, по Большой Никитской и Поварской, по дому страхового общества.

В роли пулеметчика Манцевич бесподобен, пулемет — его стихия, сильнее пулемета нет для него оружия.

Белые отвечают редкими выстрелами, прикрывая отход своих на Поварскую, Большую Никитскую и Новинский бульвар.

Встав во весь свой огромный рост, Киборт кричит: — Вперед! За мной!

С карабином в левой руке и наганом в правой, в матросском бушлате и бескозырке, высокий и бесстрашный, он первым бросился из ворот парка, а за ним с оглушительными криками «ура» рванулись и все наши.

Одновременно от Покровского собора на площадь высыпали солдаты и бойцы отряда Сибирцева и Воронина. Крики «ура», безостановочный пулеметный огонь, звон разбитого стекла дополняли картину взятия тильманцами Кудринской площади...

Наши пулеметчики сегодня герои дня, а их начальник Манцевич проявил высокое искусство ведения пулеметного боя. Сдавшиеся нам после боя белые не верили, что он простой рабочий и солдат.

Быстро окружив дом «Россия», захватили во дворе двоих офицеров и шестерых юнкеров, сдавшихся с оружием в руках.

По их словам, в бою на Кудринской площади принимало участие шестьдесят два офицера и юнкера пятой школы прапорщиков, из них трое было убито и девять ранено. Белые не ожидали такого сильного огня и, как только выяснилось наше превосходство, предпочли пре-

кратить сопротивление и уйти к Никитским воротам, Арбату и Смоленскому рынку. Их же группа решила вовсе «выйти из войны» ввиду ее бесполезности. Свое участие в обстреле парка из окон дома «Россия» сдавшиеся отрицали.

Вскоре в штабе собрались все участники кудринского боя. Нас сменили бойцы из боевого охранения батарей. С утра мы ничего не ели и не пили, но от нервного напряжения и усталости многим не до еды, бойцы безмолвно опускаются на пол.

Появляется наша хозяйка Наташа Богачева — работница завода «Свет — лампа». Хлеб она выдает тут же — буханку на четверых, а за консервами ведет всех на улицу.

Во дворе — гора консервных банок. Узнаем, что наши бойцы под предводительством Васи Любимова сегодня утром захватили на Камер-Коллежском валу несколько повозок с консервами. Обозники — ратники ополчения — везли провиант в Александровское военное училище.

Как это кстати! Получаем по банке консервов на брата. Кто-то из ребят, не открывая, греет консервы в печках, и банки с оглушительным треском лопаются. Кому смех, а кому горе. Щедрая наша хозяйка Наташа Богачева, выдавая «пострадавшим» другие консервы, громко предупреждает, что больше никому менять банок не будет.

Рядом с товарищами я усаживаюсь возле печки и первый раз в жизни ем солдатские консервы.

— Как, Анатолий Федотович, жарко было на набережной? — спрашиваю я нашего усача Воронина.

— Да, досталось, нечего сказать! — говорит он. — Если бы не подоспевшее вскоре орудие, не обедать бы нам здесь: всех бы перебили белые из пулеметов! И так один убит и двое ранены.

После чая сопротивляться сну стало невозможно, да и надобность в нас отпала: вечером и ночью стороны никаких боев не ведут.

О ночных постах и патрулях заботятся Шеногин и Златоверов, а наше дело маленькое: мы знаем, что нас сегодня больше никуда не пошлют, и располагаемся на ночлег поближе к печке и потеснее друг к другу. О ночевке дома никто и не заикается: обстановка каждому ясна.

НЕОПРАВДАНОЕ ПЕРЕМИРИЕ

30 октября... Утром нас поразила тишина. Нигде ни выстрела. Оказывается, с двенадцати часов ночи действует временное перемирие, заключенное Московским ревкомом по просьбе белых! Ну и дела! Наша берет, а тут какое-то перемирие! Все возмущаются такой уступкой белым. Отказываются понимать перемирие и наши руководители Шеногин и Златоверов. Однако ревкомовцы объясняют временное перемирие необходимостью уменьшить кровопролитие.

Ну, что ж! Перемирие так перемирие! Можно сходить домой, показаться родным, нельзя так долго оставлять их в неведении.

Вильгемина Ивановна, хозяйка квартиры, увидев меня, с испугом воскликнула:

— Я беспокоюсь за вас! Вы не предупредили о своем уходе и так долго не появлялись.

За полгода, что живу у нее, я полюбил эту приветливую старушку за ее такт, за всегда спокойный, ровный голос, культурность.

— Благодарю вас, Вильгемина Ивановна. Но должен разочаровать вас: борьба еще не кончена, она будет про-

должаться до победы, кто — кого! — ответил я с пафосом.

Я рассказал ей о положении на «фронте» и причинах перемирия, умылся, почистил костюм и пальто и, найдя в комнате полный порядок, поторопился к сестре Марине. Там оказалась и мама.

Как только я вошел в комнату и стукнул о пол прикладом, мама испуганно бросилась ко мне, оцупывая мои руки и спрашивая:

— Руки целы, где же ранен?

— Мама, я не ранен, откуда ты это взяла? — тоже с испугом спросил я.

— Как же, девки видели, как тебя несли в Прохоровскую больницу!

В разговор вступает Марина. Выяснилось, что знакомые фабричные девушки видели, как несли в больницу Леню Бердникова, и по ошибке приняли его за меня. Теперь и мама и Марина смеются, и мама, вся в слезах, радостно рассказывает, что когда она услышала от девушек о моем ранении в руку, то перекрестилась со словами: «Слава богу! Будет жив и больше не пойдет!»

Позавтракали. Время возвращаться в штаб. Мама благословила меня.

У зоологического сада вертятся ребятишки десяти — двенадцати лет, среди них вижу сына Марины Ванюшку. Пошлепал его по мягкому месту и велел идти домой, а сам думаю: «Вот так и сам бегал с мальчишками со спален смотреть баррикады у Пресненской заставы в пятом году. Видать, страсть к баррикадам у ребятишек в крови...»

У орудий хлопочут два унтер-офицера. Узнаю от ребят, кто такие: Олейников и Рудниченко, оба артиллеристы, новые члены пятерки — взамен Зубкова и Лапидуса. Рудниченко — командир всех солдатских подразделений, Олейников — командир артиллерийской

батареи. Это они привели батарею на помощь Красной гвардии Пресни. Молодцы ребята! Их уже все знают по фамилии, слушаются их приказаний и считают большими знатоками своего дела.

Во дворе штаба время тоже не проходит даром. Здесь Златоверов и новый для нас унтер-офицер артиллерист Софьин преподают бойцам уроки уличного боя, основанные на горьком вчерашнем опыте. Они показывают, как нужно применяться к местности, как использовать уличные укрытия — тумбы и водосточные трубы, как впредь будет вестись бой на улицах.

Их тактика ведения уличных боев сводится к такой схеме: бойцы двигаются по обеим сторонам улицы одновременно; огонь по противнику ведется исключительно по команде — правой цепью по левой стороне улицы, левой цепью — по правой; командир движется позади отряда, и его команды и донесения передних бойцов передаются только по цепи; наступление ведется с обязательной предварительной разведкой домов и дворов.

Все эти новшества необходимы для сохранения жизни бойцов, говорят учителя. Бойцы сосредоточенно слушают.

...К вечеру в штаб пришла открытая легковая машина с двумя офицерами. Шеногин и Златоверов здороваются с ними и вместе уходят в комнату ревкома.

Киборт объясняет, что это члены Московского ревкома. Они руководят всеми боевыми действиями. Не более часа пробыли у нас гости. Когда они направились к выходу, их окружили бойцы, укоряли за перемирие, обвиняли в робости и нежелании рвать с меньшевиками и эсерами. Ответы ревкомовцев никого не убедили.

Поздно вечером стало известно, что белые где-то в центре нарушили перемирие, а на Брянском вокзале обезоружили Красную гвардию. Вот тебе и «уменьшение» кровопролития!

Снова тревожная ночь с усиленными постами, патрулями и знакомыми окриками: «Стой! Кто идет?», «Пароль», «Отзыв»...

НА ПОВАРСКУЮ!

31 октября... Тильманцы будут действовать в трех направлениях: по Большой Никитской до Никитских ворот (очень важное направление: белые стремятся любой ценой удержать за собой этот важнейший узел сопротивления по пути к своему центру — Александровскому военному училищу на Знаменке); по Поварской до Арбатской площади (здесь меньше сил белых, но многочисленные особняки князей, графов и баронов служат для них надежным убежищем); по Новинскому бульвару до Смоленского рынка — с заданием: вместе с красногвардейцами, действующими на Горбатом мосту и на набережной Москвы-реки, не дать белым прорваться в тыл отрядам, продвинувшимся по Большой Никитской и Поварской.

Это подробно объяснили нам Шеногин и Киборт. Все ясно. Я — в отряде, наступающем по Поварской.

Прижимаясь к стенам, укрываясь за водосточные трубы, по обоим тротуарам медленно продвигаются цепи бойцов. Но дистанция не соблюдается: каждому в минуту опасности хочется быть поближе к товарищам.

За Скарятинским переулком (ныне улица Наташи Качуевской) послышались сначала одиночные выстрелы, потом раздалась трескотня винтовок — белые заметили наших разведчиков. Пришлось лечь и ползти. Белые продолжают обстрел.

Утомительное движение по-пластунски наконец кончается около Борисоглебского переулка (ныне улица Писемского): дальше двигаться нельзя — попадем под

перекрестный огонь из переулков. Такой приказ поступил по цепи от Киборта. У него полевой бинокль, и он тщательно просматривает улицу, дома и крыши особняков. Огонь белых усиливается, но откуда — он не может определить. Наша разведка не в состоянии приблизиться к Ржевским переулкам из-за сплошного огня. Киборт дает команду обстрелять крыши. Положение не меняется.

Наши цепи сильно уплотнились. Это грозит большими потерями, если белые откроют пулеметный огонь.

Наконец разведка сообщает по цепи: белые стреляют из слуховых окон особняков и с колокольни церкви Бориса и Глеба (ныне на месте церкви институт имени Гнесиных). Начинаем бить по особнякам. В перестрелку втянулся весь отряд. Однако пулеметы пока молчат: улица узка, своих перебить можно. Но вот и пулеметы стали бить по колокольне Бориса и Глеба.

Перестрелка продолжалась бы, может быть, до темноты, если бы белые не прибегли к хитрому маневру. Отвлекая наше внимание пулеметной стрельбой с колокольни Бориса и Глеба, они открыли ружейный огонь со стороны Кудринской площади — из дома «Россия».

Наши бойцы в поисках укрытия заметались. Киборт быстро оценил обстановку и уже не по цепи, а во весь голос кричит:

— Отходить дворами на Кудринскую площадь!

Раздаются стоны и крики раненых. Впереди меня был ранен наш установщик Герулат. Пули попали ему в обе руки и раздробили кости. Мы затащили его во двор. Корчась от боли, он судорожно хватается за висящую плетью руку и кричит ужасным голосом. Я впервые вижу так близко раненого и не знаю, как ему помочь.

Проходными дворами прибежал фельдшер-артиллерист, с ним Катя Фокина, наша работница, сестра милосердия отряда. Она нервничает, перевязывая Герулата,

№	Имя	Классификация																												Всего	В %	В % к общему	В % к общему		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28						
915	Котлов Александр																																1	100	60
916	Котлов Алексей																																		
917	Курочкин																																		
918	Курочкин																																		
919	Курочкин																																		
920	Курочкин																																		
921	Курочкин																																		
922	Курочкин																																		
923	Курочкин Иван																																		
924	Курочкин Алексей																																		
925	Курочкин																																		
926	Курочкин																																		
927	Курочкин Иван																																		
928	Курочкин																																		
929	Курочкин																																		
930	Курочкин																																		

Табель одного из отделений шурупного цеха завода. Под расчетным номером 920 значится имя Августа Герулата, активного бойца заводского отряда Красной гвардии, тяжело раненного в октябрьских боях 1917 г., о чем в таблице видна надпись: «Ранен».

руки ее дрожат, на лице ужас. Перевязали Герулата и тихонько повели в штаб.

Наконец мы выходим из-под обстрела, и часть отряда устремляется на расправу со зловедим домом «Россия», из которого белые стреляли в нас с тыла.

С шумом вбегаем во внутренний двор, врываемся в

помещение. Операцией руководят Пржевоцкий и Манцевич. Вся домовая охрана дрожит и протягивает нам свои берданки и пистолеты. Но нам нужны офицеры и юнкера. Дворник показывает на подвал. Манцевич открывает люк и кричит:

— Если в пять минут не вылезете, забросаем бомбами!

— Выходим, выходим! — слышим в ответ.

Манцевич командует:

— Выходите с поднятыми руками!

Под усиленным конвоем сопровождаем в штаб десять офицеров и юнкеров, с ними шесть чиновников из комитета домовой охраны. Сдали в штаб только пятнадцать: один офицер, выходя из дома, попытался бежать, выхватил спрятанный в крагах пистолет и выстрелил в преследовавшего его солдата, ранив того в грудь. Офицер не прожил и трех минут...

Часть наших осталась обыскивать квартиры: надо подчистую изъять здесь оружие.

Наш штаб действует решительно. Злодейские действия белогвардейцев должны быть пресечены в корне — таково решение нашего ревкома! Сказано — сделано. Одно орудие от зоологического сада перевезли на Кудринскую площадь, поставив его против Поварской. Боем руководит весь штаб: Шеногин, Златоверов, Киборт, Рудниченко и Олейников. Для повторной атаки здесь собраны наши главные силы.

Прямой наводкой со второго выстрела артиллеристы сносят правую половину колокольни церкви Бориса и Глеба вместе с офицерами и пулеметами. Киборт ведет наш отряд под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня; прорываемся к Ржевским переулкам и Молчановке, Мерзляковскому переулку и соединяемся с отрядом, действующим на Большой Никитской.

Тем временем от зоологического сада и с набережной

Москвы-реки продолжался артиллерийский обстрел штаба белых в Александровском военном училище и школы прапорщиков на Смоленской площади.

Штаб и позиции белых у Никитских ворот оказались под угрозой.

Темнеет. Нас сменяют бойцы, державшие оборону на Новинском бульваре.

Усталые и голодные, но гордые победой, мы медленно тянемся по Поварской к своему штабу.

Тяжелый день! Тяжелые потери! Штаб подвел итоги за день боев на Поварской улице и у Никитских ворот: убитых — трое, раненых — двенадцать. Много, очень много! Тильманцы потеряли семь человек: убит упаковщик Иван Зубов, солдат из прикомандированной к заводу команды выздоравливающих, ранены установщики Август Герулат, Николай Блохин, Густав Шаль, токари Василий Арефьев, Петр Митин, штамповщик Бронислав Михоляк.

...Обедали поздно в трактире Киселева щами с ароматным запахом мясных консервов и черной кашей с выжарками. Наташа Богачева, по обыкновению, заботливо оделяла нас ревкомовскими талонами, черным и белым хлебом.

Этот день так и закончился бы всеобщим тягостным состоянием, если бы не радостное известие.

Усилиями объединенных отрядов Красной гвардии и солдат-двинцев сопротивление белых у Никитских ворот было сломлено. Главный опорный пункт их — большой дом с аптекой, стоявший посередине бульвара, огнем артиллерии был разрушен и сожжен. Белые с большими потерями отошли к Арбатской площади.

Настроение сразу поднялось: еще день-два — и белые должны будут сдаться. Так объяснили положение дел Шеногин и Ивановский. Они для нас постоянный источник всей информации. В свою очередь, по настроению

нию тильманцев они определяют настроение красногвардейцев других, мелких отрядов. Сегодня они оба восторженно отзываются о нашем отряде.

Ивановский уже проведаль наших раненых в больницах и госпиталях...

На ужин выдали банку консервов на двоих. С Белявским подогреваем в печке свою банку. Я рассказываю Белявскому про бой на Поварской, а он мне — про бой у Никитских. Сидим так, беседуем, уплетаем консервы. Вдруг Белявский снимает с меня шляпу и показывает дырочку — такую маленькую, опаленную дырочку! Когда она могла здесь появиться? Может быть, когда перелезал через ограду Вдовьего дома? Может, сегодня на Поварской?

(Много лет спустя дочки, одна за другой, носили детскую шляпку, сшитую из той дырявой шляпы. Это была семейная реликвия...)

Ночью Киборт будит меня — в наряд. Сегодня мое задание — наблюдать с колокольни Покровского собора за световой сигнализацией белых. Мне стоять на колокольне с двенадцати часов до двух ночи. С разводящим Володей Семиным поднимаюсь на колокольню и сменяю продрогшего Терентьева. Принимаю обязанности: смотреть в сторону Арбата и Смоленского рынка, запоминать, каких цветов и где появляются ракеты, обо всем замеченном сообщать в штаб через связного Тихончука. Просто и ясно.

Крыши домов в ярко-белом инее — завтра быть морозу. Луна на чистом небе светит всюю. Тишину лишь изредка нарушают отдельные выстрелы и окрики наших патрульных. Никаких ракет нет.

Предаюсь воспоминаниям о пережитом за неделю. Вот она какая, революция! Это не царя свергнуть, а много труднее. Против Николая были все, а здесь — бедный против богатого. Бедных много миллионов, богатых

только тысячи, и бедные победят, сделают всех равными.

Такие мысли вдохновляют, укрепляют сознание и вселяют уверенность в победе. Что будет дальше, я не знаю, а сегодня нужно скорее добывать белых.

Два-три раза моргнули где-то в районе Арбата красные и синие огоньки и тут же пропали в ночи.

Пришел Гриша Тихончук, я передал ему, что видел. Узнал от него, что наши пошли рыть окопы и делать укрепления на Новинском бульваре в сторону Смоленского рынка.

Тихончук ушел, а я опять остался со своими мыслями.

Из Ермаковской рощи (ныне территория детской больницы на Шмитовском проезде) доносятся металлические удары — кладбищенский сторож отбивает часы. Час ночи. Стоять еще час.

Иногда ветер врывается на колокольню, и тогда все тело охватывает озноб. Прячусь в поднятый воротник и до глаз натягиваю шляпу. Насвистываю вальсы, марши, хожу по колокольне. Никаких ракет больше нет.

В Ермаковской роще сторож отбивает еще один удар: половина второго. Снова пришел Тихончук и ушел ни с чем. Он жалуется на сильную усталость. Мне очень жаль его, ведь ему всего семнадцать лет! Я считаю себя значительно старше, опытнее его, хотя разница между нами всего два года.

Из Ермаковки доносятся два удара, а смены нет. Все чаще и чаще прислоняюсь к стене: утомление дает себя знать. И снова хожу, вглядываюсь в темноту. Никаких сигналов не вижу.

«Зря стою», — говорю себе.

Еще один удар на Ермаковке — половина третьего, а смены нет как нет! Что же это такое? Ничего не могу понять. Смена не появляется и в три часа. У меня начи-

нают стучать зубы. А вдруг наши отступили, забыв про меня? Кричать вниз в ночную темноту не решаюсь, боюсь привлечь к себе внимание. Чтобы скорее шло время, принимаюсь считать до тысячи. Руки и ноги коченеют. В Ермаковке еще удар — половина четвертого, а смены нет.

Наконец слышу шаги по лестнице, голоса.

— Кто идет? — иступленно кричу вниз.

— Свои, свои, Ванька! — узнаю голос Саши Кузнецова.

Как я ругался! Оказалось, что утомленный за день связной Тихончук присел где-то в штабе и уснул... Он сейчас виновато улыбается.

Кузнецов привел мне смену, и мы, смеясь, спускаемся вниз. Действительно, у страха глаза велики!..

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

1 ноября... Я у артиллеристов. Сегодня уже оба орудия стоят на Кудринской площади против внутреннего проезда Новинского бульвара и время от времени бьют по Арбату и Смоленской площади.

Там группируются основные силы белых со своим командующим полковником Рябцевым. Их атакуют со всех сторон.

Артиллеристы перенесли свой наблюдательный пункт на крышу дома «Россия», чувствуют себя превосходно. Задача нашего отряда — очистить от белых Смоленский рынок и школу прапорщиков. Наше командование собрало сюда все свои силы. Оба проезда Новинского бульвара забаррикадированы снятыми с бульвара и сквера скамейками, поставленными в беспорядке одна на другую до высоты второго этажа дома «Россия». Пустые места в баррикадах заложены ящиками, досками,

ржавым железом, бричками, колесами, мешками и корзинами с землей.

Опираясь на эти баррикады, наши бойцы малыми силами не дали белым пройти на Кудринскую площадь для удара в тыл по нашему отряду, наступающему по Поварской.

Ныне баррикады уже утратили значение: за ночь наши позиции перенесены в конец Новинского бульвара, на линию Десятинского переулка.

В полдень Кудринская площадь заполнилась бойцами: штаб снял все посты и патрули в нашем тылу и направил их для наступления на Смоленскую площадь.

Шенюгин, Златоверов и Киборт утверждают, что бой за Смоленскую площадь — последний бой, белые вынуждены будут сдать, у них нет больше сил сопротивляться Красной гвардии. Это ободряет, но все же предстоит бой, и как он сложится, еще кто знает. Ясно одно — белые будут сопротивляться до последнего.

Наш тильманский отряд делится на две части — левую и правую — и вытягивается по внутреннему и внешнему проездам в глубь Новинского бульвара. В прикрытии у артиллеристов остается человек двадцать — тридцать бойцов других отрядов. Я двигаюсь в цепи по левой — внутренней стороне Новинского бульвара.

Белые направляют пулеметный и ружейный огонь по бульвару, полагая задержать тем наше движение, но мы продвигаемся, используя ту же тактику — от трубы до трубы, от тумбы до тумбы.

Не доходя до конца Новинского бульвара, вся левая цепь переходит на правую сторону, чтобы усилить обстрел школы прапорщиков.

Как только мы миновали Новинский бульвар, артиллеристы перенесли огонь на Смоленский рынок и школу прапорщиков. Теперь снаряды летят к противнику через

наши головы. Мы обстреливаем дома и ворота на Смоленской площади.

Наши пулеметчики расположились в вырытых за ночь посередине улицы окопах и ведут плотный огонь по палаткам рынка, по появляющимся иногда на площади бронемашинам белых.

Вся площадь от Новинского бульвара до рынка прорезана небольшими окопами белых, перетянута проволокой сваленных телеграфных столбов, тротуары в беспорядке завалены бревнами, старыми досками и устланы осколками оконных стекол, битым кирпичом, известкой. По всему видно, что белые придавали Смоленскому рынку большое значение и предполагали отсидеться здесь до подхода вызванных с фронтов войск.

На наших глазах перебегает улицу мальчик лет тринадцати — пятнадцати и мертвым падает на мостовую. Белые безжалостны ко всем: в этом мальчике они заподозрили нашего разведчика и убили его.

У меня заело затвор винтовки. В чем дело — не знаю. Не могу оттянуть затвор и выбросить отстрелянную гильзу. Чтобы не быть беспомощной мишенью, заскакиваю в ворота на углу Девятинского переулка и ожесточенно бью затвором о кирпичную стену.

Не знаю, долго ли пришлось бы мне так бить затвором, но на помощь подбежал какой-то солдат, выхватил у меня из рук винтовку, подул на затвор с одной и другой стороны, оттянул назад предохранитель, еще раз продул затвор, спокойно открыл его на себя и со словами «заряжай, вояка» подал мне винтовку.

Под прикрытием артиллерии красногвардейские цепи продвигаются по всей ширине площади. Положение белых выгоднее: они стреляют несколько сверху вниз, нам приходится стрелять снизу вверх — таков здесь рельеф.

Наши два орудия с Кудринской площади и орудие с

набережной Москвы-реки все сильнее бьют по Смоленскому рынку, и белые начинают перебежками отходить на Арбат.

Нам видно, как цепи красновардейцев после каждого орудийного залпа перебегают все выше и выше к палаткам. Наша цепь по правой стороне площади достигает Большого Новинского переулка (ныне проспект Калинина) и здесь останавливается, соединившись с дорогомилловским отрядом.

Теснимые нашим отрядом и отрядами, наступающими от Зубовской площади и Брянского вокзала, подвергаясь непрерывному артиллерийскому и пулеметному обстрелу, белогвардейцы очистили Смоленский рынок и ушли на Арбат.

Подхожу к группе наших бойцов и... о, ужас! На носилках лежит без сознания Вася Любимов! У него прострелены спина и бедро. Вокруг него хлопочут наши сестры Вера и Катя Фокины. Я едва удержался от слез в ту минуту. Васю увезли, а вслед за ним пронесли раненных в ноги установщиков Густава Люнга и Петра Романова. Сам шел раненный в руку установщик Петр Гришин.

Бывшие в цепи вместе с Васей Любимовым Кузнецов, Воронин, Владимир Адамайгис рассказывают о его бесстрашии в бою. Выскочив из окопа, он поднял за собой бойцов и увлек их преследовать убежавших к палаткам белогвардейцев. Скошенный пулеметной очередью, он упал на мостовую...

Впервые я увидел Васю Любимова сидящим на заводских воротах в первый день Февральской революции, когда он кричал в тысячную толпу рабочих:

— Товарищи! Ворота заперты!

А потом — самозабвенная работа этого самого молодого летами, но взрослого делами большевика по организации Союза молодежи; агитация до хрипоты за

Раненный во время октябрьских боев рабочий завода
Василий Любимов в госпитале. Снимок 1917 г.

власть Советов, за победу большевистского пятого номера на выборах в думу, потом он, отчаянный красногвардеец, не раз показавший свою храбрость. Это был наш пресненский Гаврош! И вот: бесчувственное тело на носилках, без прощального слова к боевым товарищам! Тяжело было видеть юного героя на носилках.

В штабе Ивановский, Шеногин и члены ревкома поздравили нас с победой.

Мне было приказано «кончать войну» и идти на завод подсчитывать зарплату рабочим за октябрь. Наказ Ивановского строг: рабочие должны вовремя — 8 ноября получить заработную плату. Я прощаюсь с товарищами, ухожу на завод, а они остаются закреплять и очищать район от белых.

На следующий день, 2 ноября, враг повсеместно прекратил сопротивление, сдаваясь Красной гвардии.

В Москве установилась Советская власть...

НА ПОМОЩЬ УКРАИНСКИМ И БЕЛО- РУССКИМ БРАТЬЯМ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала ожесточенное сопротивление контрреволюционных эксплуататорских классов по всей стране. Наиболее активно в это время против молодой Советской власти выступили реакционное офицерство донского казачества и украинские националисты, отстаивавшие интересы буржуазии и помещиков.

В. И. Ленин обратился с призывом к русскому рабочему классу оказать вооруженную помощь трудовому народу Украины и Дона в их борьбе за Советскую власть, против контрреволюционных сил украинских гайдамаков и казачьих атаманов.

В начале декабря на заводе началась запись красно-

гвардейцев-добровольцев. За два дня в отряд записалось более ста пятидесяти человек, что составляло к тому времени пятую часть работавших. Отпустить всех записавшихся значило резко сократить производство, на что ни администрация, ни партийная ячейка и завком пойти не могли. Решено было отпустить пятьдесят человек.

Из списка записавшихся были исключены семейные и пожилые рабочие, высококвалифицированные слесари и токари. Исключили и меня.

В числе пятидесяти красногвардейцев только трое оставляли своих жен: Шеногин, Киборт и волочильщик Лучко, остальные сорок семь человек — молодежь в возрасте от шестнадцати до двадцати двух лет, из них две девушки — Скржинская Анна и Урбанович Михалина. Третью часть отряда составляли партийцы. Остальные еще в партии не состояли, но, как и в октябрьские дни, готовы были биться за власть Советов до последней капли крови.

10 декабря 1917 года 1-й Московский красногвардейский отряд Егорова, в который входили и красногвардейцы Пресни, выехал на Украину.

В командование заводским отрядом Красной гвардии и исполнение должности председателя военного бюро завода вместо уехавшего на Украину Иосифа Киборта вступил Антон Пржевоцкий.

Не прошло и двух недель после отъезда нашего отряда на Украину, как от завода потребовали выделить еще десять красногвардейцев в московский отряд на подавление вспыхнувшего в Данкове восстания.

Непонятно было, на что надеялись эсеры и меньшевики этого небольшого уездного города Рязанской губернии, поднимая восстание против Советской власти? Не было ли оно пробой сил, перекличкой контрреволюционных элементов верховья Дона с Нижним Доном, где вос-

Рабочие-красногвардейцы завода Тильманса на Украине. Сидит Иосиф Киборт, начальник Красной гвардии завода, стоит Петр Мельников, активный участник октябрьских боев на Пресне.

стали против Советской власти контрреволюционные полки донского казачества под командованием атамана Каледина?

Под руководством большевиков Кулешова и Лебедева заводской отряд вместе с отрядами других предприятий Москвы в двадцатых числах декабря выехал в Данковский уезд. Контрреволюционное восстание было быстро подавлено.

Война с германскими империалистами, также не обошлась без участия тильманских красногвардейцев.

Затянувшиеся в Брест-Литовске мирные переговоры с немецкой делегацией вдруг прервались, и в начале февраля немцы начали наступление в глубь России.

Надо было воспрепятствовать их дальнейшему продвижению. Такая задача была поставлена перед красногвардейскими отрядами Петрограда, Москвы, Иванова, Нижнего Новгорода и других городов России. В составе Московского красногвардейского отряда пятьдесят красногвардейцев нашего завода под командованием своего боевого командира Антона Пржевоцкого в первой половине февраля выехали в Белоруссию навстречу грозному врагу. Все они были в возрасте от восемнадцати до двадцати трех лет, и только Петру Лебедеву — около тридцати. Меня опять не пустили на фронт. Я оказался в числе «незаменимых» в связи с начавшимся отъездом на родину ковненских рабочих и служащих завода.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

В марте 1918 года Советское правительство переехало из Петрограда в Москву. Рабочую Пресню в эти дни волновало желание поскорее увидеть и услышать своего вождя В. И. Ленина.

Теперь, столько лет спустя, очень трудно восстанав-

ливать в памяти все детали того дня, когда мы впервые увидели и услышали В. И. Ленина.

Еще труднее воссоздать образ В. И. Ленина по отдельным, сохранившимся в памяти деталям таких встреч.

Приходится только поражаться способностям тех товарищей, которые, однажды увидев В. И. Ленина, в состоянии рассказать (и рассказывают) о нем куда больше и подробнее тех, кто много раз видел и слышал его или работал с ним.

Я не обладаю такими способностями и поэтому буду краток в своих рассказах о В. И. Ленине.

Вскоре после приезда правительства в Москву состоялось большое собрание трудящихся столицы. Это было заседание Московского Совета с представителями заводских и фабричных комитетов Москвы.

От нашего завода на этом собрании были: Ивановский, Варнас, Фадеев, Сибирцев, Воронин, Александров и я. Сидели мы близко, и нам хорошо было слышно и видно ораторов.

Какие вопросы обсуждались на собрании, не помню. В. И. Ленин говорил в своей краткой речи о мирном договоре с Германией. Когда Владимир Ильич характеризовал полный развал старой армии и заявил, что у нас нет армии, вооружения и снаряжения для продолжения войны с Германией, нет и продовольствия для снабжения такой армии и что для укрепления Советской власти и создания новой, революционной армии рабочих и крестьян нам нужна временная передышка, мы подталкивали друг друга локтями, чтобы каждый внимательно слушал эти слова вождя с тем, чтобы завтра в точности донести их до сознания рабочих.

В перерыве собрания и после него мы задавали друг другу вопрос: почему никто до Ленина так откровенно и открыто не признавался в нашей военной и эко-

номической слабости, в неспособности страны вести войну против немцев?

Все мы были потрясены услышанным от В. И. Ленина, и нам стали ясны причины, побудившие ЦК партии и правительство заключить мирный договор с Германией.

В конце марта возвратился с Украины красногвардейский отряд Киборта, в начале апреля — отряд Пржевоцкого из Белоруссии. По мирному договору с Германией все российские воинские части и красногвардейские отряды оставили территорию Украины и Белоруссии.

КОНЕЦ АНАРХИСТВУЮЩЕМУ БАНДИТИЗМУ

Всю зиму 1917/18 года обывательская Москва жила в тревоге: на затемненных улицах и в переулках по ночам часто слышались отдельные выстрелы и даже перестрелки. Кто стрелял и в кого — оставалось неизвестным.

На улицах и в переулках Пресни ночная стрельба слышалась сравнительно редко и вызывалась она в большинстве своем или озорством хулиганствующей шпаны, сумевшей все-таки вооружиться в октябрьские дни и придержать у себя оружие, несмотря на строгие предупреждения властей о сдаче его, или робостью ночных сторожей, или предупредительными выстрелами патрулей милиции при встречах с подозрительными личностями. Но были и случаи перестрелок милицейских патрулей с мелкими бандами и одиночными бандитами.

В это время анархисты, выродившиеся в бандитов, и бандиты, называвшие себя анархистами, совершали налеты на частные буржуазные особняки и объявляли их

штабами или клубами анархистов. Так был захвачен и объявлен клубом анархистов роскошный особняк миллионера Цейтлина на Поварской улице (ныне дом № 9 на улице Воровского).

Дальше этого пункта анархисты в сторону Пресни не продвинулись. С их стороны были попытки обосноваться в небольших особняках Средней Пресни (улица Заморенова). Но, не встречая поддержки своим «идеям» среди рабочего населения Пресни и в результате решительного противодействия со стороны райкома партии и районного Совета, анархистующие группы как быстро появлялись на Пресне, так еще быстрее исчезали.

С переездом в Москву Советского правительства «деятельность» анархистских групп еще более усилилась. Теперь их действия стали носить явно провокационный характер.

Экспроприации и реквизиции имущества и продовольствия у буржуазии, чинимые анархистующими группами, нередко проводились ими под видом работников ВЧК.

Вскоре распространились слухи, что московские анархисты, опираясь на анархистующие банды и просто уголовников, готовят восстание против Советской власти.

Учитывая все это, правительство приняло решение ликвидировать анархистующие группы и банды в Москве, поручив это ВЧК. В этой связи вспоминается такой случай. 11 апреля, часа за два до окончания работы, было объявлено: красногвардейцам после работы собраться в заводском комитете.

Когда все собрались, Шеногин сказал, что ночью предстоит боевая операция, но в ней не будут участвовать занятые в ночной смене, красногвардейцы в возрасте и имеющие детей. Таких набралось человек пятьдесят, и им было предложено разойтись по домам. Остав-

шимся Ивановский объявил, что предстоящая ночью боевая операция будет опасной и ответственной. Возможно, придется вести ночной бой с хорошо вооруженными отрядами. Поэтому, заявил Ивановский, кто не чувствует себя готовым к такому делу, пусть скажет, и его освободят от участия в этой операции.

«Неготовых» к такому делу не оказалось. Да и как могли оказаться «неготовые» среди отчаянных молодых ребят, успевших повоевать и с белогвардейцами в Москве, и с петлюровцами на Украине, и с немцами в Белоруссии. Здесь остался цвет тильманской Красной гвардии, готовый на все для защиты молодой Советской власти!

Сбор отряда был назначен в завкоме на 10 часов вечера. Все были предупреждены держать предстоящую ночную операцию в строжайшей тайне. Точно в указанное время в завкоме собралось человек шестьдесят красногвардейцев.

Вскоре появились Ивановский, Шеногин и Киборт. Шеногин изложил принятый в райкоме план подавления и разоружения анархистского штаба на Поварской улице, в осуществлении которого должны были участвовать и красногвардейцы нашего завода. Тут же было принято решение разделить отряд на две группы: одну — численностью сорок человек при двух пулеметах, под командованием Киборта и Пржевоцкого; вторую — численностью двадцать человек, под командованием Шеногина. Первой группе к двум часам ночи прибыть на Кудринский сквер и поступить в распоряжение представителя ВЧК. Второй группе к двум часам ночи прибыть в райсовет, где и получить дополнительные указания.

К полуночи все вопросы были решены: винтовки розданы и проверены Пржевоцким; патроны получены, пулеметы и ленты к ним проверены опытным фронтовиком Манцевичем, люди пересчитаны по группам. Все

чувствуют себя бодро, на лицах нет никаких признаков тяжелых раздумий.

Час ночи. Пора в путь!

Ивановский напутствует нас словами:

— Ребята, не подкачайте! Оправдайте доверие, оказанное заводу!

— Не беспокойся, Александр Иванович! Все будет хорошо! — отвечают ему несколько голосов.

При выходе из ворот первая группа направилась Смитовским проездом к Прохоровским спальням, дальше — Предтеченским переулком на Среднюю Пресню и к зоологическому саду. Вторая группа — Студенецким проездом и Нижней Пресней к Горбатовому мосту, дальше — в дом Базыкина на Нижнепрудовой улице, к месту размещения райсовета...

Светлая лунная ночь, вокруг — мертвая тишина. Идем медленно и бесшумно. Я удивляюсь находчивости и смекалке наших бывших фронтовиков Пржевоцкого и Манцевича: колеса пулеметов они обвязали тряпками, чтобы их стук не был слышен.

Поднимаемся вверх к Прохоровским спальням. По обе стороны дороги блестят длинные извилистые ленточки тонкого льда, а под ним слышится тихое журчание воды. Еще день-два, и лед растает. На Пресню пришла первая советская весна!

Прибыли на Кудринский сквер. Киборт и Пржевоцкий ведут какие-то переговоры с представителем ВЧК, сверяют с ним свои часы, а тот вскоре садится на мотоцикл и исчезает в темноте Большой Никитской улицы.

По объяснениям Киборта и Пржевоцкого, наша задача сводится к следующему. Разделившись на две равные группы, двигаться по обеим сторонам Поварской улицы с интервалом между людьми в 20—30 шагов и сосредоточиться: левой группе в ограде церкви Бориса

Антон Пржевоцкий, командир заводского отряда
Красной гвардии (слева), и красногвардеец Васи-
лий Белокопытов. Снимок 1918 г.

и Глеба, правой — в ограде церкви Ржевской божьей матери. Левую ведет Киборг, правую — Пржевоцкий.

Как только все соберутся, обе группы быстро продвинутся около стен домов в направлении особняка и займут исходные позиции: левая группа — против особняка в выступах домов, у водосточных труб и растущих вдоль тротуара деревьев, правая — во дворе соседнего с особняком дома.

По первому выстрелу подошедшего к особняку броневика открывать ураганный огонь по всем окнам дома. Выбегающих из особняка с поднятыми руками — щадить, отстреливающихся — уничтожать на месте. На территорию двора без команды не входить. Знать, что кроме нашей группы и броневика со стороны Молчановки будет действовать также вооруженная группа ВЧК.

Главная цель операции — ошеломить анархистов внезапным налетом, сломить их волю к сопротивлению и тем самым избежать лишнего кровопролития.

Я описываю подробности подготовки для того, чтобы показать, с какой осторожностью и дальновидностью подходили чекисты и наши руководители к этой опасной ночной операции во избежание лишнего кровопролития...

Всем стал ясен и смысл операции, и план ее проведения, и место в ней каждого.

Я нахожусь в группе Киборга. Наша цепочка рассыпалась по выступам и воротам домов и около вековых лип, вытянувшись вдоль улицы метров на сто против клуба анархистов.

Луна к тому времени скрылась за домами, синее небо потускнело, наступил предрассветный мрак, и с ним погас последний свет в левой башне особняка. Зловещая тишина, какая бывает обычно перед сильной грозой, никем и ничем не нарушается, и я с затаенным ды-

ханием всматриваюсь в сторону Арбатской площади, откуда должен появиться броневик чекистов...

То ли от утренней свежести, то ли от неизвестности предстоящей минуты штурма я чувствую легкую дрожь по всему телу. Как хочется, хотя бы шепотом, спросить соседа о его думах и переживаниях в эти томительные минуты ожидания!

Наконец со стороны Арбатской площади послышался отдаленный гул мотора, усиливающийся с каждой секундой, и тут же — команда по цепи:

— Приготовиться!

От выступа парадного крыльца я перебегаю на тротуар к вековой липе и беру винтовку на изготовку. Гул мотора броневика все сильнее и ближе. Вот он разворачивается против особняка и с ходу дает оглушительный залп из своих двух скорострельных малокалиберных пушек. В трескотне винтовок то и дело слышатся короткие очереди пулеметов и глухие залпы броневика. Кое-где в окнах появился свет и тут же погас.

Ураганный обстрел продолжался минуты две и прекратился, когда броневик въехал во двор клуба.

Из броневика выскочили чекисты в кожаных куртках с маузерами в руках и исчезли в одной из дверей дома. Стало ясно, что анархисты не окажут сопротивления, и от сознания этого спокойнее стало на душе.

От Молчановки подошла группа чекистов и, о чем-то переговариваясь, окружила броневик.

Вышедший минут через десять из особняка чекист в сопровождении группы его обитателей громким голосом объявил:

— Арбатский клуб федерации анархистов отказался от сопротивления!

— Не отказался от сопротивления, а подчинился силе! — прокричал в ответ небольшого роста, с длинными черными волосами анархист.

— Не все ли равно, вояки, подумаешь! — резко заметил Киборт.

Чекисты сообщили, что во время обстрела дома восемь человек выбежали из клуба, намереваясь скрыться от преследования через Молчановку, но натолкнулись на отряд. Пятеро сдались, а трое вступили в перестрелку и были ранены чекистами.

— Мы не прекращаем идейной борьбы с коммунистами, — прокричал все тот же длинноволосый анархист, — и вы скоро убедитесь в этом!

Мог ли я в тот день предполагать, что ровно через год мне придется своими глазами видеть многотысячную вооруженную армию отъявленных головорезов под черным знаменем анархистов во главе с Нестором Махно!

Участие нашей группы в подавлении анархистов закончилось. Остальное завершили чекисты. Вскоре подошел вызванный ими грузовик, в него погрузили раненых, изъятое в клубе оружие (винтовки, револьверы, патроны и бомбы), всевозможную литературу. Возле дверей клуба установили посты.

Остальных обитателей клуба, числом до двадцати человек, чекисты повели в ВЧК. В некотором отдалении от них двигался броневик. Прощаясь с нами, командир отряда горячо благодарил за помощь, долго тряс руки Киборту и Пржевоцкому, обещая передать Дзержинскому горячий привет тильманских красногвардейцев.

В ту же ночь были ликвидированы анархистские гнезда и в других районах Москвы.

Возвращаясь на завод, узнали, что в эту же ночь вторая наша группа вместе с милицией и прохоровскими красногвардейцами участвовала в ликвидации пристанищ уголовников в Суровцовке, Щетиновке и Грузинах. Большевики Пресни покончили с этими гнездами уголовников.

ЗАВОДСКИЕ БУДНИ

Как быстро росла и мужала в те боевые годы рабочая молодежь! Два-три месяца вооруженной борьбы за власть Советов на Украине и в Белоруссии превращали каждого красногвардейца в активного агитатора за Советскую власть. Вернувшись на завод, они выгодно отличались от остальных своей сознательностью, пониманием текущей политики Советской власти и дисциплинированностью.

Восемнадцати-девятнадцатилетние безусые юнцы становились «взрослыми мужами», двадцати — двадцатидвухлетние — опытными руководителями. На них с завистью смотрели и жадно слушали их рассказы о боевых делах те, кто по разным причинам не принимал участия в борьбе за власть Советов на Украине и в Белоруссии. А высокие моральные качества, примеры мужества и личной храбрости командиров Киборта и Пржевоцкого у всех на глазах превращались в легенды.

Решением правительства секвестрованный завод братьев Тильманс и К⁰ перешел в государственную собственность и стал именоваться «1-й Московский государственный винтоделательный завод».

На заводе было создано правление под председательством А. И. Ивановского. Председателем заводского комитета избрали Варнаса Александра Францевича. Председателем ячейки партии был оставлен Ивановский.

Апрель явился последним месяцем массового отъезда ковневских рабочих и служащих на родину.

Дождавшись возвращения своих сыновей-красногвардейцев с Украины и из Белоруссии, отцы, матери и сестры употребили все свое влияние на «непокорных» сыновей и братьев, чтобы заставить их возвратиться в Ковно. В ход было пущено все: уговоры и слезы, заклинания и угрозы.

Красногвардейцы завода Тильманса на Украине. В первом ряду — Петр Березкин и Александр Кузнецов, во втором ряду — Сергей Соловьев и Иван Белявский. Снимок 1918 г.

Остались в Москве только те коввенцы, кто навеки связал свою судьбу с Советской Россией. Это — бесстрашные, закаленные в революционной борьбе большевики и беспартийные рабочие завода.

Убыль свелась, по существу, к неквалифицированным рабочим. При высоких зарплатах на заводе она легко восполнялась вновь поступающими на завод рабочими. Сюда шли подростки и молодые рабочие пресненских предприятий, желающие приобрести хорошие специальности, демобилизованные из армии солдаты, молодые крестьяне в стремлении хорошо заработать и с деньгами вернуться на отнятую у помещиков землю.

Состав работающих на заводе резко изменился. Воссоздание единого сплоченного коллектива проходило с большими трудностями. Особенно сложно было с вновь поступающими на завод крестьянами, имевшими хозяйство в деревне. Жажда обогащения проявлялась у некоторых из них в хищении гвоздей и шурупов. Вскоре был пойман первый вор. Им оказался разнорабочий, приехавший из деревни. Он был задержан с тремя-четырьмя фунтами гвоздей в карманах.

На грудь и спину вору были повешены плакаты с надписью: «Я украл гвозди!», и в сопровождении двух вооруженных красногвардейцев он был дважды проведен по всем цехам завода. В результате, не получив даже расчета, рабочий убежал и на заводе больше не появлялся. После этого случая массовое хищение гвоздей и шурупов прекратилось.

Смена мастеров и опытных учетчиков на некоторое время внесла осложнения в учет выработки рабочих и вызвала недовольство у пострадавших. Примером этого может служить такой факт. Одна работница, назовем ее Рыбаковой, явилась ко мне с претензией, что ее обсчитали. Проверив свои расчеты, я объяснил Рыбаковой, что, по тем данным, которые дали мне мастер и учет-

чица, расчет с ней произведен правильно. Не желая ссориться со своим мастером, Рыбакова решила свое недовольство расчетом излить на конторщика и в гнев крикнула на всю контору:

— Пейте нашу кровь, как раньше пили, кровопийцы вы этакие! — Изрекла и с тем вышла.

Я стоял словно оглушенный... В тот же день состоялось очередное общее собрание. Когда подошли к текущим делам, Ивановский поднялся на трибуну и рассказал собранию об оскорблении меня работницей Рыбаковой.

— Правление завода не может пройти мимо такой дерзкой выходки Рыбаковой против известного всем нам товарища и решило уволить ее с завода, о чем доводит до общего сведения рабочих и служащих! — закончил Ивановский и сошел с трибуны.

Раздались крики: «Позор!», «Гнать ее с завода!».

Председательствующий призвал собрание к порядку. Первым выступил Антон Рымкевич и в горячей, по обыкновению, речи выразил свое полное согласие с решением правления завода. Кто-то из пожилых мужчин выступил против увольнения Рыбаковой. С таким же предложением выступила еще одна работница, указав, что у провинившейся на руках двое детей и муж в плену у немцев. Еще кто-то из молодых выступил за увольнение Рыбаковой. Словом, было ясно, что собрание раскололось. Тогда было предоставлено слово Рыбаковой. Она просила собрание простить ее, сказала, что сама не знает, как это у нее с языка сорвались такие оскорбительные слова.

Потребовали моего выступления. Я попросил правление оставить Рыбакову на заводе.

— Ну, если так, товарищи, то пусть Рыбакова в присутствии нас всех извинится перед Крыловым, и будем считать вопрос решенным! — предложил Ивановский.

Вячеслав Дмитриевич Цветаев — начальник военного бюро Красной гвардии завода.
Фото 40-х годов.

Рыбакова поднялась на трибуну, попросила у меня прощения, я протянул ей руку, и на том под общее одобрение собрания порешили дело миром.

Среди служащих завода также произошли заметные изменения. Появились три-четыре новых конторщика. Они увеличили собою число сатиновых косовороток и сократили в конторе число белых воротничков. Уехал в Екатеринославль под видом налаживания поставок проволоки-катанки украинских заводов, а на самом деле, как выяснилось позднее, сбежал к белым инженер Павел

Лысаков, бывший артиллерийский поручик царской армии.

На должность техника-чертежника был принят тоже бывший поручик старой армии фронтовик Вячеслав Дмитриевич Цветаев. В его воинском документе говорилось, что он «увольняется в отпуск до востребования и обращается в первобытное состояние». Молодой, изящный, общительный, он быстро нашел свое место в коллективе завода. Цветаев был «заражен» большевизмом еще на фронте и вскоре вступил в группу сочувствующих при нашей партийной ячейке. Его избрали предсе-

дателем военного бюро завода и ввели в рабочую контрольную комиссию над производством.

Думал ли в ту пору бывший поручик царской армии В. Д. Цветаев, что через четыре месяца он уйдет добровольцем на фронт гражданской войны, через год будет командовать дивизией Красной Армии, а в Великую Отечественную войну — армиями, станет генерал-полковником, Героем Советского Союза и начальником Военной академии имени М. В. Фрунзе?!

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРВОМАЙ

Ко дню первого советского первомайского праздника заводской комитет приобрел большое бархатное знамя, на котором отчетливо красовались выполненные золочеными буквами надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «1-й Московский государственный винтоделательный завод».

Под этим знаменем коллектив завода вышел на демонстрацию к райкому партии, на Георгиевскую площадь (ныне Грузинская площадь).

Девять партийцев, имевшие при себе оружие: Киборт, Пржевоцкий, Воронин, Сибирцев, Томилин, Манцевич, Белокопытов, Кузнецов и автор этих строк, были направлены на Ходынское поле, где предстоял военный парад, в распоряжение управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича. Он объяснил нам, что мы будем находиться на веранде «царского павильона», где была устроена правительственная трибуна, и по прибытии машины В. И. Ленина должны будем встретить и проводить его от машины к павильону и по окончании парада обратно.

Вышедший вскоре на веранду Бонч-Бруевич попросил нас спуститься с ним к прибывшей машине Вла-

димира Ильича. Владимир Ильич сам открыл машину, вышел, подал руку Надежде Константиновне, сам открыл машину и, поздоровавшись с Бонч-Бруевичем, направился к павильону. Было немного ветрено. Владимиру Ильичу был в зимней шапке и в осеннем пальто с приподнятым плюшевым воротником. Мы окружили его кольцом и проводили до павильона, где его ожидали Луначарский, Смидович и еще несколько человек, нам неизвестных.

Как проходил военный парад, мы с веранды не видели. По окончании парада мы опять с Бонч-Бруевичем проводили Владимира Ильича и Надежду Константиновну от павильона к машине.

— До свиданья, товарищ Ленин! — хором сказали мы.

— До свиданья, товарищи! — ответил Ленин и уехал.

Бонч-Бруевич поблагодарил нас и объявил, что наша миссия закончена.

Это была вторая, но не последняя встреча тильманских красногвардейцев с Владимиром Ильичем Лениным.

ВРАГ — ГОЛОД

Первая советская весна 1918 года была поздняя, и внешне эта весна на Пресне выглядела так.

Вытянутые в пять линий, похожие друг на друга, маленькие деревянные домики Тестовского поселка, с некрашенными за годы войны крышами и заборами, полинялыми от времени рамами и крылечками, потеряли свой прежний опрятный вид. Вкопанные в землю около каждого домика скамейки, всегда чисто вымытые, за холодную зиму исчезли, кое-где исчезли и заборы. Оба

поселковых пруда, давно не чищенных, бурно цвели по берегам, и сквозь светло-зеленую воду их на толстом слое тины просматривались консервные банки, бутылки, дырявые ведра, рваные калоши, опорки и прочий ненужный в хозяйстве хлам. Вдоль берегов, наклонившись к воде, сиротливо дремали могучие вековые ивы, заслоняя своей тенью чуть ли не половину прудов.

Во дворах Тестовки, Точиловки и Смитовского проезда на веревках сушилось белье, плохо отстиранное: не хватало мыла. Все мостовые многочисленных пресненских переулков начали бурно зарастать травой. Тополя стояли не стриженные за все годы войны.

Так грустно и неприветливо выглядела внешне первая советская весна за Пресненской заставой. Но совершенно иначе выглядели люди Пресни.

Взять, к примеру, детей. В детворе Пресненской заставы в ту весну можно было заметить большую перемену. Быстро, очень быстро воспринимали ребята новые веяния революции. Споры и рассуждения взрослых по текущему моменту, преломленные детским разумом, порождали и у них новые отношения между собою. Бросалось в глаза недоброжелательное отношение ребят рабочих семей к детям лавочников, домовладельцев и высокооплачиваемых служащих. Если раньше детям этих семей завидовали, то с этой весны дети рабочих семей с ними «не водились» и презрительно называли их «буржуями».

А женщины-работницы? Еще вчера забитая труженица с затаенным дыханием прислушивалась к большевистским ораторам, обещавшим скорое окончание войны, передачу земли крестьянам, 8-часовой рабочий день, полное равноправие женщин, и с тяжелой думой о будущем своих детей и мужа-фронтовика робко поднимала руку за большевистскую резолюцию.

А теперь? За зиму труженица получила от Совет-

ской власти все, что обещали большевики: мир, 8-часовой рабочий день, землю, полное равноправие и возвращение с войны отца ее детей!

Вдохновленная революционными идеями и страшная в своей ненависти к недавнему прошлому, женщина-работница самоотверженно ринулась в организацию на Пресне детских яслей и садов, в работу по переселению рабочих семей из подвалов в буржуазные дома, по контролю над больницами и распределением продовольствия.

На митингах и собраниях замелькала красная косынка — знак активности работницы. Все чаще и громче звучал ее голос, и уже без всякой робости выходила она на трибуну и говорила, говорила, пока не выскажет все, что накипело у нее на душе. Попробуй кто-нибудь из мужчин прервать ее во время такой речи — несдобровать такому смельчаку: весь «бабий класс» ополчится против него...

В семью пресненских рабочих за зиму влились тысячи вернувшихся с фронта бывших рабочих Пресни.

Объединив опыт революционной борьбы против царя и буржуазного Временного правительства с революционным опытом солдат-фронтовиков, большевики Пресни сумели за зиму создать и укрепить Советскую власть в районе и превратить трудовую Пресню в преданный большевистской партии отряд рабочего класса Москвы.

Не дрогнула рабочая Пресня в ту тяжелую весну 1918 года, а дрогнуть ей было от чего!

Вместо радостей весна 1918 года принесла с собой много горестных испытаний, самым страшным из которых был призрак голода.

«Истинный патриот» России, как называл себя Рябушинский — владелец несметных богатств, заявил, что он костлявой рукой голода задушит социалистическую революцию в России.

Сказано — сделано: поступление хлеба в Москву с

каждым днем уменьшалось и, наконец, свелось к случайным поступлениям. Соответственно сократились и нормы выдачи хлеба по карточкам.

Партийная ячейка завода возложила на заводской комитет раздачу хлеба работающим, поручив эту работу члену завкома — старейшему рабочему-каменщику, стойкому большевику Акиму Подкошаеву.

В обычные дни норма выдачи хлеба составляла $\frac{1}{4}$ фунта (100 граммов) на работающего и в половинном размере — на неработающего члена семьи. В трудные дни норма хлеба сокращалась до $\frac{1}{8}$ фунта на работающего без выдачи хлеба неработающим членам семьи. В особо тяжелые дни, а они бывали нередко, в завкоме просто вывешивалось краткое объявление: «Сегодня хлеб будет выдаваться только детям».

На проходивших два-три раза в неделю общезаводских собраниях и митингах члены Московского и районного Советов от завода до хрипоты разъясняли причины хлебных затруднений и, как могли, заверяли рабочих в скором улучшении положения с хлебом.

Настроение рабочих завода, в особенности семейных, заметно падало...

Вот в такое-то тяжелое время на заводе произошел случай, всколыхнувший всю рабочую Пресню.

Многолетний электромонтер Сергей Засыпкин определил на завод учеником своего старшего сына, четырнадцатипятинадцатилет. Дома с матерью оставались еще двое или трое ребят. Однажды, возвращаясь на работу после обеденного перерыва, Засыпкин-сын упал около крыльца конторы и, не приходя в сознание, умер.

Дня через два стало известно, что мальчик умер от длительного недоедания.

Я был потрясен трагической смертью мальчика и под ее впечатлением по поручению заводских организаций составил короткий, но резкий протест против бесчело-

вечных действий кулаков и всех тех, кто повинен в голоде рабочих и смерти ребенка. Протест кончался обращением к Советскому правительству с просьбой принять суровые меры к виновникам хлебных затруднений и обещанием всяческой помощи правительству в проведении таких мер.

Резолюция-протест в тот же день была принята на общем собрании рабочих и служащих завода, где с сильными негодующими речами выступали Ивановский, Шеногин, Киборт, Сибирцев, кто-то из женщин и другие партийцы и беспартийные рабочие.

Правдивое объяснение большевиками причин хлебных затруднений вызвало у рабочих завода прилив энергии и уверенность в способности Советского правительства устранить их.

Резолюции-протесты против действий контрреволюционной буржуазии и кулачества в те дни приняты были и на других предприятиях.

Вскоре по призыву В. И. Ленина на предприятиях Москвы началось формирование добровольческих продовольственных отрядов для изъятия излишков хлеба у кулаков и зажиточной части сельского населения и борьбы с хищениями его на железнодорожных и водных станциях в районах заготовок хлеба. Учитывая особые условия работы продовольственных отрядов в деревне, где еще не окрепла Советская власть, заводская партийная ячейка всесторонне обсудила каждого из записавшихся в отряд рабочего. Здесь предпочтением пользовались семейные рабочие старших возрастов, бывшие красногвардейцы завода, наиболее выдержанные и дисциплинированные. Первый такой отряд пресненских рабочих в составе сорока человек под руководством большевиков: волочильщика Григория Лучко, установщика автоматов Петра Гришина и шорника Ивана Марысанова, в конце мая выехал из Москвы в Поволжье.

Вместе с угрозой голода Москву охватила стихия спекуляции.

Молодая Советская власть, занятая борьбой с крупными спекулянтами, не обращала того же внимания на мелких спекулянтов, а те, пользуясь попустительством милиции, творили свою разлагающую работу.

С национализацией банков прекратилась выдача буржуазии денег на личное потребление. Вот и началась распродажа и перепродажа ценностей.

На Смоленском рынке, где прежде, кроме предметов первой необходимости для трудового народа, никогда ничего не было, вдруг появились всевозможные фарфоровые и фаянсовые изделия, картины, золотые и серебряные кольца, часы, портсигары и браслеты, хрусталь, столовое серебро, чайные и столовые сервизы и приборы с фамильными гербами и вензелями, дорогие ковры, меховая одежда, книги роскошных изданий. Все это обменивалось спекулянтами на муку, крупу, сало, масло, сахар и другие продукты. Деньги стали быстро терять свою покупательную ценность.

Продовольственные затруднения могли вызвать массовый отъезд семейных рабочих в деревни к своим родственникам и знакомым.

Перед партийной ячейкой и заводским комитетом встал вопрос: как улучшить работу заводской столовой, чтобы предотвратить остановку завода и не оставить народное хозяйство молодой Советской Республики без гвоздей, шурупов, винтов, болтов и других крепежных изделий?

Заведующий столовой каменщик Матвей Ильич Томилин выбивался из сил в поисках путей увеличения заготовок мяса, картофеля и овощей, но все усилия его не имели успеха: крестьяне подмосковных деревень все чаще и чаще отказывались поставлять столовой продукты по твердым ценам. Убытки столовой возрастали с

каждой неделей. Выделенные заводоуправлением пятьдесят тысяч рублей в виде оборотных средств начали быстро сокращаться.

На партийном собрании Томилин предложил отказаться от двухнедельной стабильности цен на обеды и устанавливать их по фактической стоимости продуктов, заготавливаемых у подмосковных крестьян. Это предложение не было принято, оно вызвало бы систематическое резкое удорожание стоимости обедов, массовое недовольство рабочих и неминуемое закрытие столовой.

Было решено срочно начать заготовку продуктов из деревень соседних с Москвой губерний, где цены на продукты были значительно ниже и более стабильны. Ни Томилин, ни кто другой из рабочих завода взяться за такое дело не могли. Для этого нужен был другой, опытный в таких делах человек.

Предложения взять на себя заведование заводской столовой были сделаны многим пресненским трактирщикам, дела которых в ту весну тоже пошатнулись. Они наотрез отказались.

Вот в эти-то тяжелые для завода дни и нашелся нужный нам человек — Григорий Петрович Артамонов, имевший трактир в Калуге и накануне революции переехавший в Москву. Он состоял пайщиком у некоторых трактирщиков Пресни — своих земляков. Артамонов предложил свои услуги, внес залог и в конце мая приступил к делу.

Оставив столовую на попечение жены, Артамонов немедленно отправился в Калужскую и Тульскую губернии и недели через две вернулся с десятками договоров на поставку столовой мяса, сала, овощей и картофеля по ценам в два-три раза ниже рыночных цен Москвы. Столовая ожила, и коллектив завода перестал зависеть от спекулянтов. Таким образом единственная на

Пресне заводская столовая просуществовала до конца 1918 года, когда свободная торговля продуктами питания в Москве прекратилась.

МИТИНГОВЫЕ «ПЯТНИЦЫ»

С весны Новое Гулянье вновь превратилось в арену страстных и ожесточенных политических споров. На обширном зеленом лугу, вокруг оркестровой будки, каждую пятницу райкомом партии проводятся районные митинги о международном и внутреннем положении страны, а короче, как тогда называли, «о текущем моменте».

Заключением мирного договора с Германией было покончено с многими политическими вопросами, бывшими не так давно основными в жестоких спорах партий. За зиму большевики успели выполнить все свои обещания народу. Помещичья земля передана крестьянам; на заводах и фабриках введен 8-часовой рабочий день; крупнейшие фабрики и заводы национализированы и переданы в управление совнархозам; Россия выведена из войны и получила мир, неизмеримо тяжелый, но все же мир; женщины обрели равные права с мужчинами. Казалось бы, о чем же теперь спорить, на чем еще ломать копыя?

Но, как говорится в народе, чем дальше в лес, тем больше дров! Революция каждый день выдвигает все новые и новые проблемы, решать которые нужно немедленно, безотлагательно! Но как? Вот вокруг этого «но как?» теперь и идут жестокие споры по пятницам.

Здесь говорят о практических вопросах строительства новой жизни: о твердых ценах и свободной торговле; о голодной жизни и мешочниках; о комитетах бедноты в деревнях и продовольственных отрядах; о спе-

кулянтах и борьбе с ними; об Антанте и белочехах; о гетмане Скоропадском и атамане Краснове и о многих, многих других простых и сложных проблемах.

На все эти вопросы нужно дать народу прямые ответы, без фальши и невыполнимых обещаний. Ответить понятным языком, доходчиво, а главное — правдиво. Иначе не поверят, освистают или просто стащат с трибуны.

Поистине великий смысл вложила наша партия в систему митинговых «пятниц»! Эти «пятницы» были прекрасной формой общения партии с народом. На них руководители партии и правительства еженедельно как бы отчитывались о своей работе перед народом.

...Сегодня у нас, за Пресненской заставой, ожидается выступление одного из руководителей правительства. Настроение тревожное: распространился слух, что эсеры готовят провокационный обстрел оркестровой эстрады из чердачного окна ново-сосновской спальни. Но мы знаем, председатель районной чека Николаев принял нужные меры.

Тильманцы расположились вокруг эстрады плотным кольцом в четыре-пять рядов, некоторые умостились на ступенях лестницы. Оттуда нам видна вся многотысячная аудитория митинга.

Недалеко стоит группа пресненских воротил: владельцы обувных магазинов Соколов и Разумов, мануфактурщик Журавлев, бакалейщик Костин, содержатель постоянного двора Павлов и другие. Они тоже регулярно приходят на митинги узнать, «чем дышит» Советская власть и что предполагается сделать «для расчистки дороги» к социализму.

Наконец в плотной человеческой стене, неведомо кем, прокладывается узкий проход, и к эстраде в окружении руководителей района проходит докладчик. Посередине — стол, накрытый красной тканью, графин с

водой, стакан и ни одного стула (подразумевается, что докладчик может отдыхать, сидя на столе).

Митинг объявляется открытым, и слово получает докладчик. С минуту он молчит и пристально всматривается в огромную аудиторию. Потом начинается часовая отшлифованная речь, вначале о международном значении нашей революции и положении страны, потом о внутреннем положении и в заключение о наших задачах. Он, как и все ораторы того времени, говорит без каких-либо записок, говорит страстно, доходчиво, с колкими остротами в адрес контрреволюции. Вдруг речь его прерывается громким криком:

— А за что Щастного расстреляли?

Это из группы воротил кричит обувщик Соколов. Такой вопрос для многих оказался настолько неожиданным и дерзким, что в дальних рядах началось какое-то смятение. А докладчик? Не обращая внимания на шум и смятение в дальних рядах, он спокойно и твердо заявляет, что командующий Балтийским флотом, бывший капитан 1-го ранга царского флота Щастный расстрелян за измену революции.

Но вот докладчик закончил свою речь и, попив воды, начинает отвечать на поданные ему записки. А записки разные, по существу и не по существу доклада, ядовитые как в адрес правительства, так и самого докладчика. Они не все правятся докладчику, но отвечать нужно на все. Чуть неточный ответ сразу же отдается шумом слушателей. Приходится ответ уточнять, дополнять, аргументировать.

Затем оглашается небольшая, но страстная резолюция. Она голосуется и принимается. Завершает все «Интернационал», и многотысячная аудитория расходится.

Мне не пришлось слышать выступлений В. И. Ленина на многолюдных митингах по пятницам. Второй раз я слышал Владимира Ильича летом 1918 года.

...Идет обсуждение докладов о продовольственном снабжении Москвы (от Моссовета выступил К. Г. Максимов) и о положении на Восточном фронте (от Московского областного военкомата — Ем. Ярославский).

Выступает В. И. Ленин. Восстание чехословацкого корпуса он назвал самым страшным ударом в спину революции. Говорил, что судьба революции зависит от результатов борьбы с белочехами: быстро победим — революция будет жить и развиваться, не победим — революция погибнет!

Так откровенно никто еще не высказывался по этому вопросу.

Продовольственное снабжение Москвы и всех промышленных центров страны Владимир Ильич требовал передать в руки самих рабочих. Рабочие сами формируют отряды из числа самых надежных и устойчивых рабочих, сами закупают у крестьян хлеб по твердым ценам, сами реквизируют излишки хлеба у кулаков в случае их отказа продавать хлеб, сами охраняют и доставляют хлеб в город и сами распределяют через Советы.

Не могу пройти мимо удивительной скромности Владимира Ильича. Перед началом заседания мне и еще двум товарищам поручили регистрацию депутатов. Вижу поднимающихся по лестнице В. И. Ленина и Н. К. Крупскую в сопровождении незнакомого иностранца (то был лидер не то шведских, не то швейцарских левых социалистов). Все трое направляются к столу регистрации, и Владимир Ильич вынимает свой мандат.

Я быстро сказал:

— Уже, уже, товарищ Ленин!

И они проследовали в зал.

История показала, что залогом всех наших последующих побед явилась глубокая вера В. И. Ленина в

рабочий класс и трудовое крестьянство России, а с их стороны — глубокая вера во Владимира Ильича Ленина, в созданную им великую партию большевиков.

ВОССТАНИЕ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

Июль — жаркий месяц лета — в тот год был жарким и по своим политическим событиям. Одно за другим вспыхивали местные восстания белогвардейцев, эсеров и меньшевиков против Советской власти.

4 июля в Кремле открылся V съезд Советов. Было известно, что левые эсеры намерены выступить против заключенного в марте мирного договора с Германией, против продовольственной политики правительства и деревенских комитетов бедноты.

На следующий день левая эсерка Мария Спиридонова с трибуны съезда угрожала восстанием против Советской власти.

Было тревожно, но за свой район партийная организация была спокойна: пресненские левые эсеры особой активности не проявляли.

6 июля после обеденного перерыва стало известно, что левые эсеры убили германского посла Мирбаха, арестовали председателя ВЧК Дзержинского и председателя Моссовета Смидовича.

Отряд красногвардейцев завода численностью 70—75 человек по вызову райкома партии немедленно отправился на Георгиевскую площадь и по прибытии туда расположился в саду при здании райкома. Отряд был объявлен на казарменном положении, всякие отлучки из сада не допускались, питались из походных кухонь, привозимых какой-то воинской частью.

К вечеру стали поступать вести одна другой тревожнее: отряд ВЧК, обманутый своим командиром ле-

вым эсером Поповым, восстал против Советской власти, восставшие захватили Центральный телеграф и почтампт, заняли центр города...

На ночь Цветаев, Киборт и Пржевоцкий разделили отряд на три смены: дежурная смена бодрствовала, две другие спали на полу в здании райкома.

На рассвете 7 июля были получены новые сведения: в Ярославле вспыхнул левозсеровский мятеж, московские левые эсеры захватили на Каланчевской площади броневик и направили его на помощь ярославским мятежникам.

Поднятому по тревоге отряду была поставлена задача: частью сил охранять райком партии и патрулировать улицы и переулки Пресни, выходящие на Садовое кольцо. Остальным бойцам занять Ваганьковский мост и Красную Горку на Звенигородском шоссе. Отрядам Прохоровской мануфактуры и сахарного завода поручалось занять соответственно Горбатый мост и железнодорожный переезд, ведущий в деревню Шелеху.

Таким образом, отрядами Красной гвардии были заняты все три въезда и выезда из Пресненского района.

Я попал в группу Пржевоцкого, направленную на Ваганьковский мост, Киборт остался в райкоме, а Цветаев повел свою группу на Красную Горку.

Когда мы пришли на место, прохлада ночи уже сменилась летним утром, таким теплым, тихим и прозрачным, каким только и можно было любоваться за заставой, вдали от скрипа ранних повозок и криков водовозов, поднятой дворниками пыли и тяжелых запахов ассенизационных обозов.

Пржевоцкий ставит задачу нашей группе: каждую повозку, идущую в город и из города, тщательно осматривать; всех людей, идущих в город и из города, обыскивать, с оружием — задерживать. При появлении бро-

невика стараться попасть в шины. Если броневик не останвится, он будет сам подрывать его бомбами.

Располагаемся на склоне насыпи моста со стороны кладбища и обсуждаем события. Ни у кого нет сомнения, что правительство быстро справится с восстанием. Вспоминаются апрельские дни подавления анархистов.

Появляются крестьянские повозки: это крестьяне окрестных сел Хорошево, Серебряный бор, Мневники, Тушино везут на рынки и в магазины ароматную, сочную клубнику Виктория, уложенную в небольшие чистенькие корзиночки из бересты и лыка.

Проверяем каждую повозку и на всякий случай штыками прощупываем между корзиночками, нет ли каких твердых предметов под ними.

Мужички интересуются случившимся и, недоуменно покачивая головами, шепчут про себя: «Ну и дела твои, господи! Опять война!»

С Ваганьковской и Воскресенской улиц к нам навстречу движутся небольшие стада коров на пастбища Ходынского поля. Пастух наигрывает на рожке какую-то складную мелодию, вызывая ею последних коров из крайних домов этих улиц. Пастухи тоже интересуются событиями.

Так, в бездействии, за разговорами наша группа провела весь день.

Жара начала спадать. Разговоры о бесполезности нашего пребывания на мосту нервируют Пржевоцкого, и он отправляется к заставе переговорить с райкомом по телефону из какого-либо трактира. За него остается Анатолий Федотович Воронин.

Не прошло и десяти минут после ухода Пржевоцкого, как на Воскресенской улице показался бронированный автомобиль, идущий в нашем направлении. По команде Воронина все рассыпались по обеим сторонам насыпи моста, укрыв головы за белые дорожные стол-

бики. А броневик все ближе и ближе. Все разговоры прекратились. Напряженные лица бойцов устремлены в сторону броневика. У всех одна и та же мысль: как бы попасть в шины и остановить броневик.

Вот броневик уже прошел Воскресенскую улицу и устремляется вверх по насыпи к нам на мост. Наступает самая тягостная минута. Я не вытерпел... Взял винтовку правой рукой за ложе, а левой за ствол, выскочил на середину шоссе, начал махать винтовкой перед собою и неистово кричать:

— Стой! Стой!

Что руководило мною в ту минуту, я не знал ни тогда, ни после, не знаю и теперь.

Раздалось несколько разрозненных винтовочных выстрелов, и все смолкло. Броневик замедлил ход и остановился. Все бросились к нему. Открылось смотровое окно, и из него высунулась голова... Мехоношина, которого почти все мы знали. Мехоношин подал нам бумажку, я начал читать ее вслух. В мандате было сказано, что Мехоношин с броневиком командируется в город Ярославль на подавление восстания и всем властям предписывается оказывать ему всяческое содействие. Мандат был подписан председателем Совнаркома В. И. Лениным и председателем ВЦИК Я. М. Свердловым.

Быстрым шагом подошел Пржевоцкий. Узнав, что произошло у нас в его отсутствие, сделал мне выговор за напрасный риск. Пржевоцкий сообщил, что восстание левых эсеров в основном подавлено и нас скоро сменят.

В райкоме партии было объявлено, что ночью мы будем участвовать вместе с чекистами в арестах левых эсеров и анархистов, замешанных в восстании.

Действительно, ночью приехали чекисты, и, разбившись на группы по шесть — восемь человек, весь наш

отряд разъехался с ними на грузовиках в разные концы Москвы.

Где я побывал в ту ночь и утром 8 июля, кого арестовывали — не помню. Часам к двенадцати нас привезли в райком и распустили по домам.

На этом закончил свое существование красногвардейский отряд завода Тильманса, покрывший себя славой в борьбе за Советскую власть в Москве, на Украине и в Белоруссии.

После подавления восстания левых эсеров просуществовавшие ровно год красногвардейские отряды были расформированы, все вооружение их было передано военкоматам для организации всеобщего обязательного военного обучения — всевобуча. Страна превращалась в военный лагерь...

ПАРТИЙНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

К началу августа 1918 года в стране сложилось крайне тяжелое положение. Центральные губернии России были окружены войсками контрреволюции. Все черные силы, от помещиков и капиталистов до эсеров и меньшевиков, объединились в животной ненависти к Советской власти.

В этой угрожающей существованию Советской России обстановке Центральный Комитет партии объявил первую мобилизацию коммунистов на фронт гражданской войны.

...6 августа в помещении заводского комитета состоялось экстренное собрание партийной ячейки, на котором стоял единственный вопрос: о мобилизации коммунистов на фронт.

Председательствовал, по обыкновению, Ивановский, а я, как обычно, вел протокол. Присутствовало человек

сорок. Остальные 20—25 человек отсутствовали по причинам отпусков, находились в отъезде по заготовке продовольствия и на вечерней работе, как неподменные. Кроме членов партии в собрании участвовало человек десять сочувствующих.

Ивановский в кратком горячем слове обрисовал положение в стране и изложил указания Центрального и Московского комитетов партии о мобилизации на фронт десяти процентов коммунистов. Пресненский райком партии должен мобилизовать на фронт двадцать три коммуниста, из которых семь приходились на нашу заводскую ячейку. Мобилизации на фронт подлежат самые стойкие, активно проявившие себя на работе члены партии.

Без лишних разговоров приступили к поименному обсуждению называемых кандидатов. Ивановский назвал первыми Киборта и Пржевоцкого. Киборт назвал Белокопытова и Найдышева. Кто-то назвал Глаголева и Кочергина. До семи не хватало еще одного. Ни Ивановский, ни Киборт, ни Пржевоцкий не назвали моей фамилии. Мне показалось обидным их молчание. Я чувствовал, что начинаю краснеть, и уже готов был встать и попросить собрание направить и меня на фронт.

«А вдруг товарищи сочтут мою просьбу самовосхвалением?» — подумал я и воздержался от своего намерения.

Вдруг поднимается Киборт и, словно прочитав мои мысли, заявляет:

— Товарищи! Мы совсем забыли про нашего Ваню Крылова! Я считаю его достойным быть посланным на фронт от нашей партийной организации!

— Пиши себя! — сказал Ивановский.

Я был горд оказанным мне доверием. Были названы еще пять фамилий, но они были отведены: Томилин, Гришин, Подкопаев — по семейным обстоятельствам,

Сибирцев — по состоянию здоровья и Воронин — как незаменимый для завода мастер-электрик (впоследствии он все же пошел на Южный фронт).

Началось обсуждение оставшихся в списке товарищей. Все семеро были признаны достойными представлять пресненских большевиков на фронтах гражданской войны. Каждому из семерых был задан вопрос о его согласии ехать на фронт. Все семеро дали согласие и заверили собрание, что оправдают доверие партии.

Ивановский хотел было уже закрывать собрание, как случилось непредвиденное. Состоящий в группе сочувствующих мой товарищ, молодой слесарь Владимир Боровик, попросил собрание послать его на фронт сверх нормы, установленной райкомом партии. Это было так неожиданно, что мы несколько растерялись, не зная, как реагировать на такое заявление.

Обменявшись мнениями, решили внести в протокольную запись собрания заявление Боровика.

За Боровиком с таким же заявлением выступил еще один из группы сочувствующих — техник-чертежник Цветаев. Его просьбу, как бывшего офицера, долго обсуждали, но мотивы, высказанные им в защиту своего заявления, убедили, и он тоже был внесен в протокольную запись собрания. А мотив Цветаева был очень краток: «Как бывший офицер и как русский человек, связавший свою судьбу с большевистской партией, желаю с оружием в руках защищать Советскую власть в своей стране!»

Прямо с собрания все девять отправляемся в райком партии.

Кроме двоих из группы сочувствующих, все хорошо известны руководству райкома, и возражений против нас и сочувствующих не последовало.

Сохранившийся у меня документ (такие же были выданы и другим) гласил:

Пресненский Районный
Комитет Российской
Коммунистич. Партии
(большевиков)
Москва, Георгиевская площадь,
дом 17. Телефон 2-21-00
6.VIII. дня 191... г.
№ 8

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Сим удостоверяется, что тов. Крылов Иван Вонифатьевич является членом Российской Коммунистической партии большевиков Пресненского района и делегируется на Чехословацкий фронт.

Но канцелярия сработала нечетко: при оформлении документа забыли проставить год выдачи: 1918-й.

...Большой театр заполнен до отказа. В нем собрался партийный и советский актив столицы для проводов на фронт мобилизованных коммунистов.

Уже выступили с горячими речами областной военный комиссар Емельян Ярославский, представитель Моссовета и кто-то от Московского комитета партии. Приняли короткую резолюцию с приветом вождю В. И. Ленину и с выражением твердой уверенности, что московские большевики оправдают на фронте оказанное им доверие.

Двухтысячный разноголосый хор пропел «Интернационал», и был объявлен перерыв на подготовку сцены для спектакля «Борис Годунов» с Шаляпиным в заглавной роли.

Так, без лишних слов, в течение одного дня были проведены в Москве первая мобилизация коммунистов на фронт и проводы в Большом театре.

На другой день, с утра, все девять мобилизованных направились в районный военный комиссариат в Волков переулок за получением обмундирования. Получили шинель, фуражку, ботинки, одну пару обмоток, ремень, три пары белья, гимнастерку и шаровары, две пары портянок, два полотенца и три носовых платка. Полная солдатская экипировка!

На пять часов в зоологическом саду назначен общерайонный митинг по случаю окончания формирования 21-го Пресненского стрелкового полка и проводов на фронт мобилизованных коммунистов.

Кроме наших заводских я увидел здесь много своих пресненских друзей.

После горячих напутственных речей руководителей района выступали командир 21-го полка Златоверов, комиссар полка Меркулов и наши заводские — Ивановский, Киборт и другие.

Мобилизованным были розданы памятные подарки.

Расставание с друзьями было трогательным, с дружескими объятиями и взаимными обязательствами писать письма и навещать родных. С митинга зашел попрощаться с матерью и сестрами, с зятьями и племянниками и обсудить семейные дела.

...Последняя ночь у себя в комнате на Пресне. Завтра с тысячами других иду навстречу новой, неведомой, грозной фронтовой жизни. Революции потребовалась моя молодая жизнь, и, что бы со мной ни случилось, я смело встречу эту неизвестность!

Сбор отъезжающих назначен на заводе в восемь часов утра. Все девять тильманцев собрались в завкоме. Многие в своем новом убранстве выглядели довольно неуклюже. Особенно бросалась в глаза неправильная заправка обмоток. У Найдышева и Глаголева они то и дело разматывались, но общими усилиями научили и их правильно заправлять обмотки.

Короткие объятия с Ивановским и другими товарищами. И заводская повозка дяди Кузьмы, груженная нашими корзинками, тронулась за ворота завода.

Около заводских ворот увидел мать. Разве может сердце матери удержаться, чтобы лишний раз не взглянуть на сына?! Она провожала на фронт единственную опору в своей тяжелой, безрадостной жизни. Не зная, что сказать ей, я только трижды поцеловал ее и поспешил догонять товарищей.

Медленно двигалась наша одинокая повозка по Нижней Пресне, Смоленской площади, Арбату на Знаменку, к штабу Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а вслед за ней по тротуарам малолюдных в тот час улиц шла первая партия коммунистов завода бывш. Тильманса, мобилизованных на фронт отстаивать завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, честь и свободу своей Родины...

В 6-й АРМИИ

Знаменка... Огромное здание Александровского военного училища, хорошо нам знакомое. Девять месяцев назад оно являлось центром сопротивления белогвардейцев восставшему народу, ныне оно служит революции, являясь центром организации Красной Армии. Здесь помещается Наркомат по военным и морским делам и Всероссийский главный штаб.

По огромной парадной лестнице поднимаемся наверх и попадаем в оперативный отдел. В просторной комнате собрались мобилизованные партийцы из других районов. Они уже распределены по фронтам: кто на Восточный, кто на Южный, а иные в Западную завесу, как тогда назывался будущий Западный фронт.

Немолодой уже военный комиссар оперативного от-

дела И. А. Теодорович приглашает пресненцев зарегистрировать у секретаря свои райкомовские удостоверения. Теодоровича некоторые из нас знают как одного из старейших деятелей нашей партии, и мы относимся к нему с большим уважением.

Все пресненцы в сборе, их двадцать три человека, и это означает, что на Пресне в то время было 230—250 членов партии. Мой членский партийный билет за № 236 тому подтверждение.

Теодорович знакомит нас с высоким, лет 30—33, брюнетом в военной форме. Это Николай Кузьмич Гончаров — старый большевик, член ВЦИК, назначенный руководителем нашей пресненской группы, отбывающей на фронт.

Гончаров и Теодорович предлагают нам ехать на Северный фронт, где англо-французские интервенты уже заняли Архангельск.

Мы не соглашаемся, требуя отправки на Восточный фронт, куда направил нас Пресненский райком партии.

— Нельзя же, товарищи, всем ехать на Восточный и Южный фронты! — увещевает нас Теодорович. — Кто же тогда поедет на Северный? На вас, пресненцев, надежда, поезжайте на Север! — просит, а не приказывает Теодорович.

Пресненцы совещаются, среди них тильманцы составляют одну треть, и мы решаем ехать на Север. нас поддерживают остальные. Заполняем бланки командировочных удостоверений, получаем проездные деньги, продовольствие: хлеб, консервы, сахар, селедки, пачку махорки, то есть все то, что нужно солдату на три-четыре дня дороги. В полдень мы уже в пассажирском поезде Москва — Вологда.

Разместились, отдохнули, и где-то около Ярославля начинается знакомство Н. К. Гончарова со своими подопечными. Он вызывает к себе в купе по одному, рас-

спрашивает о прошлой жизни и работе и в конце беседы выдает каждому анкету-вопросник, на который нужно дать ответы. Этим он хочет определить, хотя бы приблизительно, с кем же все-таки он имеет дело.

Наряду с простыми вопросами, вроде: «Что такое Советская власть и ее организационное построение?», «Красная Армия и ее задачи», есть и такие, над которыми нужно подумать, чтобы дать на них ответы: «Что такое социализм?», «Что такое диктатура пролетариата?», «Национализация», «Муниципализация», «Кооперация» и прочие замысловатые вопросы.

В Ярославле увидели последствия июльского эсеро-вского мятежа: взорванный мост, разрушенные дома и настроенные взгляды горожан. Здесь, видимо, произошло настоящее сражение с участием артиллерии.

Я впервые отправился в столь далекое путешествие, и меня интересуют все: и многоверстные массивы хвойных и смешанных лесов, и опрятные ярославские деревушки, золотистые поля и сжатые копны яровых хлебов.

Все мы едем в неизвестность, и это накладывает свой отпечаток на поведение людей. Идет веселый разговор, и вдруг кто-нибудь призадумается, что-то вспомнит, нахмурится, вздохнет тяжело и вновь вступает в разговор...

Наш поезд прибыл в Вологду прохладным утром 10 августа. Все уже позавтракали и толпились у открытых окон вагона, рассматривая скромный вокзал. Из дверей вокзала с сумками за плечами высыпала на платформу толпа ребят и, размахивая стопками газет, звонкими голосами нараспев, бойко кричала: «Из-в-е-с-тия Во-ло-год-ского Сов-деп-а!» Мне не приходилось еще слышать такого «о», как в этих кратких возгласах ребят.

До выяснения общей обстановки на фронте и решения командования армии Н. К. Гончаров распустил нас посмотреть город, с тем чтобы через три-четыре часа

собраться вновь для получения каждым своего назначения.

До Вологды я никогда еще не видел других городов, кроме Москвы. Первое, что бросалось в глаза, — это широкие и прямые улицы и почти полное отсутствие асфальтированных тротуаров. Их заменяли здесь узкие, часто дырявые дощатые настилы. Мостовые, плохо вымощенные, встречались только в центре города, вокруг церквей и на базарных площадях. На остальных улицах при дуновении ветра поднималась пыль. Исключение составляли улицы и переулки, заросшие травой.

Вдоль мостовых по обочинам кое-где тянулись жиденькие провода, укрепленные на высоких деревянных столбах. Все улицы, кроме центральной, названной Советская, носили свои прежние названия. Сплошь деревянный город только в центре имел несколько каменных двух- и трехэтажных домов.

Так выглядел старинный русский город Вологда — ровесник Москвы! Едва ли в нем было в то время пятьдесят тысяч жителей — в два-три раза меньше нашей Пресни!

Сведения об общей обстановке на фронте, полученные Н. К. Гончаровым непосредственно от командующего 6-й армией М. С. Кедрова, сводились в основном к следующему.

В интервенции принимают участие воинские части Англии, Франции, США и других стран. Войска интервентов хорошо вооружены и имеют самолеты. Интервенты продвигаются от Архангельска в двух направлениях: на юг — по железной дороге на Вологду и Москву и на юго-восток — по реке Северная Двина на Котлас, Вятку, Пермь на соединение с армией Колчака.

Общее количество наших войск, противодействующих интервентам, составляло шесть-семь тысяч человек, из них бойцов до двух с половиной тысяч.

В нашем тылу на территориях Архангельской и Вологодской губерний еще велико влияние эсеров, а в самой Вологде большое скопление контрреволюционного офицерства.

Исходя из этой обстановки, Реввоенсовет армии решил прибывшую московскую группу партийцев использовать на работе по созданию и укреплению политаппарата в воинских частях, в прифронтовой чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и в местных органах Советской власти.

Киборта, Найдышева, Белокопытова, Глаголева, Боровика и меня, никогда не служивших в армии, больше всего беспокоила возможность остаться в одиночестве, без друзей. Остальных троих: Пржевоцкого, Цветаева и Кочергина, привыкших к военным мытарствам, такое решение командования нисколько не волновало.

Наконец распределение состоялось. Пржевоцкий, Цветаев и Кочергин получили назначение на командные должности в группу Геккера, оборонявшую Котласское направление. Глаголев уехал на станцию Плесецкую организовывать мастерскую по ремонту оружия. Киборт и Белокопытов отбыли в Котлас для организации военного контроля. Боровика направили на работу в чрезвычайную комиссию. Найдышева и меня Гончаров оставил для организации Политотдела армии.

Остальные москвичи получили назначение в местные органы власти прифронтовой полосы, некоторые из них — в чрезвычайную комиссию.

Штаб армии и все вновь организуемые армейские учреждения размещались в классных вагонах в одном из тупиков станции.

Неотлучно находясь в вагонах, все быстро познакомились и по вечерам в свободное время, включая командарма М. С. Кедрова и начальника Политотдела армии (в то время он назывался заведующим Политотделом)

Н. К. Гончарова, выходили на железнодорожные пути и, рассевшись на рельсах, обсуждали последние новости.

Организацию Политотдела армии начали с определения, кто и чем будет заниматься. Гончаров, как начальник Политотдела, взял на себя редактирование докладов и донесений в Реввоенсовет армии и республики о политико-моральном состоянии армии и тыла, повседневную связь с Реввоенсоветом армии, Вологодским губкомом партии и губисполкомом, подбор и назначение политработников.

На меня, как секретаря Политотдела, Гончаров возложил обработку политдонесений военкомов частей, изучение оперативных сводок штаба армии, постановлений губкома партии и губисполкома и местных газет, составление проектов докладов и донесений Реввоенсовету о политико-моральном состоянии армии и тыла.

Найдышев осуществлял повседневную связь со штабными учреждениями по устранению отрицательных явлений в частях армии на основе полученной мною информации и заботился о бесперебойном направлении в части газет и литературы. Должность Найдышева называлась «адъютант Политотдела армии».

Так началась моя политработа в Красной Армии. Должен признаться, и это вовсе не зазорно для двадцатилетнего парня, что первые дни работа у меня не клеилась: донесения мои выходили растянутыми и многословными, в них путались причины и следствия, не отделялось главное от второстепенного, отсутствовало обобщение фактов, малозначительные отрицательные явления в жизни частей преувеличивались, и, вообще говоря, по таким данным трудно было делать правильные выводы. Тогда брался за перо Гончаров и беспощадно вносил такие коррективы в мои донесения, что от них оставались рожки да ножки.

Меня удивляло, как это Гончаров, не читая материалов, мог так быстро ориентироваться в моих многословных формулировках и находить то главное, что определяло морально-политическое состояние частей армии.

— Ты мало думаешь над материалом, и поэтому у тебя так нескладно получается. Надо долго думать и вынашивать в себе материал, а торопливость в этом деле плохой помощник! — учил меня Гончаров.

Дальше — лучше, мои донесения начали удовлетворять Гончарова, и он больше меня радовался, когда они выходили из-под его пера с незначительными поправками.

За три недели в Политотделе 6-й армии мне пришлось видеть и наблюдать интересных людей, о некоторых из них я хочу коротко рассказать.

Николай Кузьмич Гончаров, московский рабочий, член партии с 1904 года. Только три недели пришлось мне поработать с этим замечательным человеком, но и за это короткое время я многому у него научился.

Я не знаю случая, чтобы Гончаров разговаривал с кем-либо на высоких тонах или сказал кому грубое слово. Он никогда не перебивал своего собеседника. На собраниях или совещаниях, если не был докладчиком, никогда не выступал первым и страшно не любил многословных выступлений и длинных речей.

Выдержка, спокойствие, твердость, такт в обращении с людьми, скромность в быту, требовательность к себе и подчиненным, непоколебимая вера в революцию и преданность делу — вот те личные качества большевика-ленинца, которые мне больше всего запомнились в нем.

Михаил Сергеевич Кедров, член партии с 1901 года, командующий армией, был уважаем всем личным составом армии. Не имея с ним непосредственного контакта в повседневной работе, я не могу судить о его личных

качествах и ограничусь лишь описанием его с внешней стороны.

Невысокого роста, лет сорока, худощавый, смуглый, всегда опрятно одетый и непременно с кортиком на поясе. Скупой на слово, он больше слушал своих собеседников. Некоторым он казался слишком замкнутым и каким-то нелюдимым. Мне он представлялся добрым человеком, спокойным и твердым начальником. Когда полгода спустя я узнал о назначении его начальником Особого отдела и членом коллегии ВЧК, я немало был удивлен: такой мягкий человек и вдруг — один из руководителей такого грозного органа, каким мне тогда казалась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией.

Павлин Виноградов... Героя Северо-Двинской обороны мне пришлось видеть только один раз.

Однажды рано утром в наш вагон сильно постучали и вслед за этим раздался громкий, грубоватый голос:

— Пора вставать, неженки!

И в вагон вошел высокий, крупный, но стройный человек лет 30—35, с маузером в деревянной кобуре через плечо, большим биноклем на шее и с полевой сумкой на ремне.

— Долго спите! — укоризненно сказал вошедший, хотя на часах было только шесть часов. — А где Гончаров? — спросил он, оглядывая нас. — Я Павлин Виноградов! — отрекомендовался он и в тот же миг, увидя вышедшего к нему навстречу Гончарова, обнял его.

До вторжения интервентов на Север Павлин Виноградов работал заместителем председателя Архангельского губисполкома. Про его храбрость ходили легенды. Он приехал в Политотдел армии с Двинского фронта, где руководил обороной на подступах к городу Котласу.

Больше я его не видел. Он героически погиб в бою на Двине 8 сентября 1918 года.

30 августа, как обычно, трудовой день в армейских учреждениях закончился поздно вечером. Лишь кое-где светятся окна в вагонах, там дежурные приводят в порядок свои канцелярии и торопятся закончить к утру заданную им на ночь работу. Тихо на станции, тихо и в штабном эшелоне, лишь часовые медленно прохаживаются вдоль путей, всматриваясь в глубину ночи.

Было уже за полночь, когда в вагон сильно постукал: дежурный по штабу армии передал Н. К. Гончарову приказ немедленно явиться в Реввоенсовет армии.

Особого значения этому вызову никто из нас не придал, такие срочные вызовы были нередки.

Кое-кто, перевернувшись на другой бок, продолжал свой прерванный сон.

Мы с Найдышевым вышли в тамбур вагона покурить. В вагоне мы не курили.

Сидим на ступеньках вагона и вспоминаем Пресню, завод, разъехавшихся по фронтам и оставшихся в Москве друзей...

Больше двух часов провел Гончаров в Реввоенсовете. Наконец, в темноте мы узнали его быструю походку.

— Не спите, товарищи? — скороговоркой сказал он. — Надо разбудить всех: случилось большое несчастье! Идемте в вагон! — с явным волнением закончил Гончаров.

Разбудили всех и собрались в рабочем купе вагона.

— Товарищи! — начал Гончаров, и голос его дрогнул. — Случилось большое несчастье. Сегодня в Москве тяжело ранен Ленин. Вот сообщение ВЦИК, я его читаю:

«Всем Советам рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем.

Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. Роль тов. Ленина, его значение для рабочего движения России, рабочего движе-

ния всего мира известны самым широким кругам рабочих всех стран.

Истинный вождь рабочего класса не терял тесного общения с классом, интересы, нужды которого он отстаивал десятки лет.

Тов. Ленин, выступавший все время на рабочих митингах, в пятницу выступал перед рабочими завода Михельсона в Замоскворецком районе гор. Москвы. По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Задержано несколько человек. Их личность выясняется.

Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов.

Призываем всех товарищей к полнейшему спокойствию, к усилению своей работы по борьбе с контрреволюционными элементами.

На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции.

Товарищи! Помните, что охрана ваших вождей в ваших собственных руках. Теснее смыкайте свои ряды, и господству буржуазии вы нанесете решительный, смертельный удар. Победа над буржуазией — лучшая гарантия, лучшее укрепление всех завоеваний Октябрьской революции, лучшая гарантия безопасности вождей рабочего класса.

Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах. Теснее ряды!

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета

Я. Свердлов

30 августа 1918 г. 10 час. 40 мин. вечера».

Какое-то оцепенение охватило всех нас, и мы молчали.

Гончаров кончил чтение сообщения ВЦИК, вытер лицо платком и, оглядев всех присутствующих, спросил:

— Всем вам, товарищи, понятно, что случилось?

— Понятно, Николай Кузьмич, как же не понятно! — хором ответили мы.

— Теперь за работу! — сказал Гончаров и начал диктовать машинистке текст короткого обращения Реввоенсовета к войскам армии.

Неверова и меня Гончаров направил для связи в чрезвычайную комиссию, Найдышева — в армейскую типографию подготовить набор и печатание обращения, кого-то послал для связи в губком и губисполком.

По дороге в губчека обсуждаем с Неверовым сообщение ВЦИК. Нас интересует, кто осмелился поднять руку на вождя и каково состояние В. И. Ленина после ранения? Ведь в сообщении об этом ничего не сказано. Вспоминаем, что митинги по пятницам в Москве начинаются в четыре-пять часов, а сообщение подписано в 10 часов 40 минут вечера. Значит, до этого времени Владимир Ильич был жив, и это несколько успокаивает нас...

В кабинете председателя Вологодской прифронтной чрезвычайной комиссии Александрова шла лихорадочная работа. К нему и от него то и дело торопливо входили и выходили сотрудники.

Мы застали его за подписанием ордеров на арест. Узнав от нас, кто мы и цель нашего появления здесь, Александров охотно объяснил, что губчека производит аресты крупных представителей местной буржуазии и деятелей партии правых эсеров.

— Мы должны, — сказал Александров, — в одну ночь обезглавить буржуазию и правых эсеров!

На вопрос: «Потребуется ли какая помощь штаба армии?» — Александров ответил:

— Думаю, что никакого сопротивления в городе оказано не будет!

Мы вышли в приемную в ожидании каких-либо новостей. Неверов пошел информировать Гончарова о мероприятиях губчека.

К утру уже начали приходиться сотрудники с докладами о произведенных арестах.

Возвратился Неверов и принес только что отпечатанное обращение Реввоенсовета к войскам армии.

Просидев у Александрова до утра и получив от него заверение, что никаких осложнений с арестами не предвидится, мы с Неверовым направились в Политотдел.

По дороге встречали пеших и на пролетках арестованных в сопровождении чекистов и охраны. Никто в городе, по-видимому, еще не знал о случившемся вчера злодеянии и причинах ночных арестов. Газеты еще не выходили, и на лицах встречных горожан не было заметно никаких признаков беспокойства или настороженности. Все, как в обычные трудовые дни!

Отправляя нас отдыхать, Гончаров предупредил: всем неотлучно находиться в вагоне и ждать его указаний.

В полдень мы узнали, что Неверова и меня переводят на работу в Вологодскую губернскую прифронтовую чрезвычайную комиссию на время проведения красного террора.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В губчека мы с Неверовым получили назначение в отдел по борьбе с разведкой белогвардейских организаций. В те дни весь отдел был занят арестами в городе

и губернии заложников из числа крупной буржуазии и бывших видных офицеров царской армии. Неверов, как бывший работник пресненской милиции, сразу же был привлечен к производству арестов. Я же был прикреплен к работнику отдела Ивану Фогелю для приобретения опыта в новой для меня работе.

Первым моим «подопечным» оказался бывший князь Львов, брат первого председателя совета министров Временного правительства.

Идя к Львову, я предполагал увидеть выхоленного аристократа, такого, какими рисуют князей на портретах. До Львова я живых князей еще не видел.

Каково же было мое удивление, когда из своей спальни вышел высокий, в бороде и усах, старик в сильно поношенном халате, в комнатных туфлях на босу ногу и вежливо спросил:

— Чем обязан, господа, столь позднему посещению?

— Вы — бывший князь Львов? — нерешительно спросил я.

— Бывший князь Львов перед вами, господа! Чем могу быть полезен? — спокойно спросил Львов.

— Объявляю вас арестованным! — протягивая Львову ордер на арест, твердо сказал я.

— Ожидал, право слово, ожидал, господа! — скороговоркой заметил Львов и спросил: — Прикажете одеваться?

— Одевайтесь, но мы произведем у вас обыск! — заметил я.

— Пожалуйста, — спокойно произнес Львов, — все в вашем распоряжении, господа! — и подошел к большому письменному столу, открыл все ящики, словно предлагая начать обыск с переписки.

Бывший князь Львов со своей княгиней, маленькой и худощавой старушкой, занимал три небольшие комнаты на втором этаже дома на одной из окраин города.

Вся обстановка в квартире была такая же ветхая и скромная, как и сами хозяева квартиры, и только картины, развешанные по стенам комнат, привлекали к себе внимание.

Картины были выполнены маслом и акварелью и изображали русскую природу во все времена года.

— Чьи эти картины? — обратился я к Львову.

— Все картины собственной кисти! — с явным самодовольством ответил Львов. — Пишу и продаю на базаре, с того и живем! — добавил он.

Прощаясь с женой, Львов заверил ее, что с ним ничего не случится, все обойдется хорошо и что он верит в гуманность большевиков.

Всю дорогу в губчека шли молча, никакой разговор не клеился, каждый по-своему переживал увиденное и услышанное.

Всю ту ночь я провел в беседе с Львовым. Меня интересовало, как он, бывший князь, дошел до такой жизни!

Львов охотно рассказывал о годах детства, юности и молодости. Сын крупного помещика Тульской губернии, гвардейский офицер, он имел доступ во дворец, вращался в высшем обществе, лично знал вершителей судеб России конца XIX и начала XX века. Вышел в отставку, занялся общественной деятельностью, много лет состоял председателем Всероссийского пожарного общества. Разошелся с правительственными кругами по такому поводу.

В течение нескольких лет он конструировал на собственные средства походную кухню с двумя котлами. Истратил много денег и наконец в 1912 году на больших юбилейных маневрах Московского и Петербургского военных округов в присутствии высокопоставленных представителей европейских армий продемонстрировал как новинку изобретенную им походную кухню.

Но кухня Львова на снабжение русской армии принята не была. Такое пренебрежительное отношение к нуждам солдат подорвало во Львове доверие к царствующему дому, и он прервал всякие связи с правительственными кругами. Вскоре к нему обратились какие-то дельцы, он продал им за три тысячи свое изобретение и последние годы до падения монархии жил в Вологде на средства, выручаемые от продажи своих картин.

Когда же в 1914 году разразилась первая мировая война, русская армия вышла на войну со старой однокотельной походной кухней, а германская армия — с двухкотельной, готовящей одновременно два блюда, то есть с походной кухней, изобретенной Львовым!..

По специальному указанию ВЧК Львов и несколько других заложников из числа бывших высокопоставленных лиц были направлены в Москву.

Вскоре прошел слух, что Львова освободили из-под ареста.

Со дня перехода на работу в губчека мне была представлена комната в доме известного в городе лесопромышленника и рыбного торговца П-ова. После вагонной жизни новое местожительство показалось мне раем.

Глава семьи к тому времени уже был арестован губчека как заложник. Хозяйка дома сама вела хозяйство. Две ее дочери, лет по восемнадцать-девятнадцать девицы, только что весною кончили гимназию и ждали женихов. Их старший брат, студент Петроградского лесного института, решил выждать конца «бурного» времени и не поехал в тот год учиться. Все четверо нигде не служили, но жили сравнительно широко.

Узнав, что я из Москвы, брат и сестры интересовались бытом московской буржуазной молодежи. Но что мог рассказать им житель Пресненской заставы!

Хозяйский сын постоянно угощал меня хорошими

папирсами, был предупредительно вежлив и день ото дня пытался побольше узнать о моей работе.

— Продолжай держать себя с ними свободно, представляйся техническим работником штаба. Запоминай интересующие их вопросы и ни слова о губчека! — наставлял меня мой начальник Данилевский.

Все шло своим чередом, пока газеты не опубликовали Постановление Совета Народных Комиссаров от 5 сентября 1918 года о красном терроре, в котором говорилось:

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».

Постановление правительства о красном терроре было встречено обывателями как гром среди ясного неба. Мои хозяева заволновались: что будет с их отцом?

— Если ваш отец не был связан ни с какими контрреволюционными организациями, то ему ничего не грозит! — как мог, успокаивал я их.

Со второй половины сентября раза два в неделю начали публиковаться в газетах и в специальных извещениях штаба армии списки лиц, расстрелянных губчека за контрреволюционную деятельность.

Вскоре в списке расстрелянных был объявлен и сам П-ов.

Отношение ко мне хозяев дома резко изменилось, мне стало трудно скрывать от них свою принадлежность к губчека, и я попросил Данилевского сменить мне квартиру. Но на этом не окончилось мое знакомство с семьей П-овых.

Время шло, я по-прежнему работал в своем отделе, набираясь опыта у старших и опытных товарищей.

Однажды в одном из отделов губчека я познакомился с сотрудником по фамилии Цесельский. Он охотно откликался на запросы и задания нашего отдела, старался выполнять их быстро и с наибольшей полнотой. Был на хорошем счету в своем отделе, пользовался доверием своих сослуживцев и слыл за общительного товарища. Словом, хороший чекист, хотя и не состоял в нашей партии. Лично ко мне Цесельский проявлял уважение, постоянно искал случай поближе познакомиться со мною. Но мне не нравилась его навязчивость, и я под разными предлогами избегал встреч с ним.

В одно из воскресений мы, тильманцы, Найдышев, Боровик и я, отправились, по обыкновению, на водную пристань передать с кем-либо письма в Котлас. Киборту и Белокопытову.

Проходя по одной из улиц, я увидел Цесельского в компании с молодым П-овым. По жестам Цесельского можно было понять, что разговор у них шел серьезный. П-ов говорил мало и внимательно слушал своего собеседника. Они меня не заметили.

«Что общего между ними?» — задавал я себе вопрос.

Выслушав мой рассказ, Данилевский приказал подробно изложить мои наблюдения и сомнения о встрече Цесельского с П-овым.

— Пока что от тебя больше ничего не требуется! —

сказал мне Данилевский. — Но об этом должны знать только двое: ты да я! И больше никто! Понятно тебе? — спросил он.

— Конечно, понятно! — ответил я, сообразив, что и Данилевскому знакомство Цесельского с П-овым показалось подозрительным.

Как-то вскоре после этого вызвал меня Данилевский. С ним сидели наши сотрудники. Они рассматривали какие-то документы.

— Пришло время ввести тебя в курс дела! — сказал Данилевский. — Сегодня начнем ликвидацию группы белогвардейских заговорщиков. О том, что твой студент П-ов входит в эту группу, мы знали еще тогда, когда ты жил у них в доме. Понятно? Мы терялись в догадках: кто из наших работников входит в эту группу и информирует ее о всех делах губчека? Теперь нам все ясно: это Цесельский. Твои наблюдения послужили началом к его разоблачению. Цесельского арестуем сегодня же на работе, остальных ночью, в том числе и П-ова. Твоя задача: добиться признания П-ова и через его показания уличить Цесельского в предательстве. Сделаешь это — честь и хвала, не сделаешь — грош тебе цена! Понятно? — спросил Данилевский.

— Понятно-то понятно, но не знаю, с чего начать? — неуверенно ответил я.

— Продумай все хорошенько и с утра берись за допрос П-ова.

Вечером Цесельский был арестован на работе, остальные, человек десять — двенадцать, — ночью на квартирах.

Утром я вызвал П-ова.

Сидевший вместе со мной в комнате Балакирев пристально наблюдал за моими действиями. Это был пожилой человек, старый член партии, прекрасно знавший свое дело. Он стал первым моим наставником в ведении

следствия и обращении с обвиняемыми. Среди его наставлений были такие, особенно мне запомнившиеся: прямо гляди в глаза обвиняемому; никогда не повышай голоса перед обвиняемым; находи во всяком деле смягчающие вину обстоятельства; будь вежлив, не перебивай показаний обвиняемого и т. д.

Я страшно волновался, но, когда вошел П-ов, волнение мое исчезло.

— Здравствуйте, П-ов! Вот где пришлось нам встретиться! Наверно, не ожидали? — спросил я смутившегося П-ова.

— Не ожидал, никак не ожидал! — присаживаясь на стул, ответил он.

— Хорошо, когда встретишь знакомого человека, не правда ли? Будем откровенны и начнем деловой разговор! — предложил я.

— Я готов, но хочу знать, что вас интересует? — в свою очередь спросил П-ов.

— Нас интересует все, что вы знаете об известных вам людях, которые продолжают сомневаться в прочности Советской власти и готовятся к активной борьбе с ней, — сказал я.

— Таких людей в числе моих знакомых я не знаю! — попробовал было отговориться П-ов.

— В таком случае я прошу вас немного подумать, а пока прервем нашу беседу!

П-ова увели, и мы остались с Балакиревым.

— Правильно, все правильно! Но только не надо так волноваться. Имей в виду, что твое волнение может быть истолковано им как неуверенность в его виновности. Будь спокоен, друг мой! — проговорил Балакирев и крепко пожал мне руку.

Второй разговор начался в таком плане.

— Нам все известно, П-ов, и зря вы упорствуете. Это не облегчает ваше положение, а усугубляет. Моя цель

состоит в том, чтобы выяснить, кто втянул вас в эту напрасную затею, кто растлил душу молодого студента и соблазнил на такую подлость против Советской власти, идеалы которой вам должны быть известны.

— Благодарю вас за заботу обо мне, но мне нужно собраться с мыслями. Я не готов к ответам на ваши вопросы! — с дрожью в голосе проговорил П-ов.

— Хорошо! Торопиться нам некуда, идите, успокойтесь, а когда будете готовы к беседе, сообщите мне, — предложил я.

П-ова увели, а мы с Балакиревым вошли к Данилевскому обменяться мнениями.

Выслушав нас, Данилевский заключил:

— В П-ове происходит борьба совести с подлостью. Должна победить совесть! Продолжай в том же духе! — ободрял он меня.

Прерванная беседа возобновилась. П-ов выпил стакан воды.

— Я готов к ответам на ваши вопросы! Я верю вам и хочу, чтобы и вы мне поверили! — с волнением выдавил он из себя. — Я расскажу вам все, что знаю, не утаивая ничего и не прибавляя.

На какой-то момент у меня прервалось дыхание. Балакирев раза два кивнул мне своей большой кудлатой головой, словно говоря: «Все кончено!»

И П-ов рассказал мне историю своего падения. В кратких словах история эта была такова.

Вскоре после Октябрьской революции он оставил занятия в институте и приехал к отцу выждать, чем кончится это «смутное» время. Когда был наложен запрет на выдачу из банков денежных вкладов, семья начала ощущать материальные затруднения. Жили они от продажи некоторых художественных ценностей. Все знакомые его круга были страшно недовольны Советской властью. Вскоре П-ов познакомился с бывшим

офицером царской армии Цесельским. Первое время знакомство не выходило из рамок обыкновенных молодежных вечеринок, потом пошли политические разговоры, кончившиеся тем, что нужно готовиться к большим событиям. В стране началась гражданская война, а вскоре и союзники высадились в Мурманске и Архангельске. Ожидалось их быстрое продвижение к Вологде и на Москву.

С арестом отца П-ов еще больше озлобился на Советскую власть и принимал как должное все предложения Цесельского. Цесельский поступил на работу в губчека с целью быть в курсе ее работы.

Как состоящий на службе в губчека, Цесельский прекратил открытые встречи со своими единомышленниками и связь с ними осуществлял через П-ова. П-ов ежемесячно за свою работу получал от заговорщиков, работавших в губпродкоме, по два пуда пшеничной муки, сахар, масло и три-четыре бутылки спирта. Он называл человек шесть-семь участников организации, часть которых работала в советских учреждениях.

П-ов полностью признал себя виновным и заявил, что он «готов нести любое наказание за свои преступления против Советской власти».

Вскоре по постановлению губчека Цесельский был расстрелян. Остальные заговорщики тоже понесли суровые наказания. П-ова, принимая во внимание его чистосердечное раскаяние и помощь, оказанную им в разоблачении преступной деятельности Цесельского, заключили в лагерь до окончания гражданской войны.

Так начиналась моя работа чекиста.

Суровая северная зима сковала ледяным панцирем реки и озера, засыпала леса и поля двухаршинным снежным покровом и почти на полгода приостановила активные боевые действия 6-й армии.

Начались частичные переводы партийных работни-

ков на более опасные для Советской Республики Восточный и Южный фронты.

Трое пресенцев: Киборт, Белокопытов и я, как получившие уже некоторый опыт в чекистской работе, были направлены ВЧК на Южный фронт, в Особый отдел 8-й армии.

Вместе с нами выехали еще трое заводских партийцев: Воронин, Грачев и Аксенов.

НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

С наступлением весны 1919 года оживилась донская контрреволюция. В половине марта вспыхнуло восстание против Советской власти в станице Вешенской. За ней поднялись соседние хутора, и к началу апреля восстание распространилось на северные станицы и хутора Дона: Басковскую, Казанскую, Мигулинскую, Бокковскую и др.

Для подавления восстания контрреволюционного казачества из частей 8-й и 9-й армий Южного фронта в начале апреля в городе Бутурлиновке был сформирован Особый экспедиционный корпус.

Начальником Особого отдела в этот корпус был назначен Киборт. Вместе с ним были откомандированы все мои заводские друзья: Воронин, Белокопытов, Грачев и Аксенов.

Настойчивые просьбы мои и Киборта не разлучать нас начальник Особого отдела армии Иван Яковлевич Жилин отклонил. На четыре месяца судьба разъединила меня с моими близкими заводскими друзьями.

Постановление ВЦИК РСФСР от 21 февраля 1919 года об организации особых отделов в армиях в 8-й армии начало проводиться в жизнь с некоторым опозданием. Только в половине марта Реввоенсовет 8-й армии возло-

Особый отдел

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

— ПРИ —
Реввоенсовете VIII-й Армии.

отделении *Ильин*

№ *11* от *4/6* для *1919*

№ *990*

Д. Красная Армия.

Дано сие тов. *Крылову И. В.* в том, что он действительно состоит -- Уполномоченным ОСОБЫМ ОТДЕЛОМ ВЧК при Реввоенсовете УШ-армии и ему как таковому поручается организация секретной работы в районе расположения УШ-армии и в населенных пунктах прифронтной полосы вход во все Советские, Военные, Гражданские и др. учреждения.

Тов. *Крылову* разрешается разговор по прямому проводу подача служебных телеграмм вне всякой очереди, производство обысков, арестов и изъясн. высылки документов задержанные подозреваемых лиц по своему усмотрению и пр.

За правильность обысков, арестов и проч. тов. *Крылову* отвечает пред. Особотделом ВЧК УШ-армии.

Всеи Гражданским, Железнодорожным Должностным лицам и Военным Властям предлагается, а военным частям предписывается оказывать тов. *Крылову* полное содействие во всех необходимых случаях.

Все вышеизложенное, а также собственноручным *И. В. Крылов* с фотографической карточкой пред. явителя (подписями и приложением печати -- удостоверение).

Заведующий Особотделом ВЧК при Реввоенсовете УШ-армии *Ильин*

Производитель *Землесеват*

Удостоверение личности И. В. Крылова, выданное Особым отделом при Реввоенсовете 8-й армии. Июль 1919 г.

жил на члена совета Ивана Яковлевича Жилина организацию и руководство работой Особого отдела армии.

Первое время особые отделы совмещали в себе разведывательную работу в тылу противника и контрразведывательную работу, то есть подавление действий разведки противника в воинских частях и в районе их расположения.

Небольшой аппарат Особого отдела армии не мог полностью с успехом осуществлять свою деятельность в дивизиях, не имея в них своих представителей. Так возникла необходимость создания при штабах дивизий отделений Особого отдела армии.

Организацию этих отделений при дивизиях И. Я. Жилин поручил мне, под непосредственным руководством начальника информационной службы Ермилова.

Опытный партийный работник, перешедший с Жилиным на работу в Особый отдел из Политотдела армии, Ермилов поражал меня своим постоянным спокойствием и вдумчивым отношением к порученному ему делу. Его доклады Реввоенсовету армии и Особому отделу Южного фронта о политическом и моральном состоянии армии отличались конкретностью и всегда были краткими. Эти качества особенно ценил Жилин, а мне, молодому работнику, Ермилов служил образцом в работе.

— Во всяком деле надо находить самое главное и на нем концентрировать внимание, а многословие всегда вредит делу! — учил меня Ермилов.

В половине апреля я получил задание организовать отделение Особого отдела 8-й армии при 15-й Инзенской (впоследствии Сивашской) дивизии. За такими отделениями вскоре укрепилось название: «Особый отдел дивизии».

Со мной прибыло три работника Особого отдела армии: Осипов — будущий начальник особого отдела ди-

визии, Егоров — руководитель оперативной службы и Мамонтов — руководитель разведывательной службы.

По прибытии в Луганск, где стоял штаб 15-й Инзенской дивизии, мы остановились в доме на углу Пушкинской и Вокзальной улиц, недалеко от штаба дивизии.

Командир дивизии Лацис и военный комиссар Упельник во всем шли нам навстречу. Вскоре мы подобрали из числа политработников трех-четыре сотрудника и принялись за работу.

Мамонтов — сам рабочий Луганска — регулярно переходил линию фронта, объезжал своих друзей и знакомых в тылу противника, получал от них нужные сведения, и в обобщенном виде мы представляли их командованию дивизии.

Все как будто шло хорошо. Но вскоре произошло событие, которое на некоторое время нарушило начатую нами организаторскую работу.

Однажды ранним утром мы были разбужены сильным шумом на улице. Выбежав на балкон, выходящий на Пушкинскую улицу, мы увидели такую картину.

Вся улица была забита армейскими повозками и бегущими красноармейцами. Около нашего дома поток бегущих раздваивался: один продолжал свой бег дальше по Пушкинской, другой сворачивал в направлении к вокзалу. Конные казаки направо и налево рубили шашками бегущих красноармейцев и повозочных. Было ясно, что в город ворвались казаки.

Быстро одевшись и захватив с собою личное оружие, мы дворами побежали на станцию.

Вокзал и прилегающие к нему железнодорожные пути были сплошь забиты красноармейцами и рабочими. Никакого порядка. Вскоре из вокзала показались командир дивизии Лацис, военком дивизии Упельник и с ними роты две-три красноармейцев. Бойцы рассыпа-

лись целью по Вокзальной и прилегающим к ней улицам для отражения возможной атаки казаков.

Вскоре все стихло. Командиры увели свои роты за город, а рабочие по призыву своих руководителей направились на Соборную площадь на митинг. Мы последовали за ними.

На площади начдив Лацис и военкомдив Упельник в своих речах разъяснили, что один из полков без приказа оставил позиции у города, противник заметил это и совершил свой дерзкий налет на Луганск. Они обратились с призывом к рабочим патронного и паровозостроительного заводов помочь дивизии восстановить положение.

Прямо с площади тысячная толпа рабочих двинулась на станцию Луганск, где стояло несколько вагонов с винтовками, снарядами и патронами. Начальник армейской артиллерийской летучки отказался выдать рабочим винтовки и патроны, требуя на то приказ начальника дивизии.

Дело принимало дурной оборот: затеянная начальником артлетучки волокита могла погасить энтузиазм рабочих и погубить дело обороны Луганска.

Недолго думая, я предложил начальнику артлетучки выдать рабочим винтовки и патроны под мою ответственность и отдал ему в залог свое удостоверение личности.

Примерно 800 рабочих получили винтовки и, поделив патроны, двинулись в центр города. Миновав Соборную площадь, направились к селению Острая Могила, откуда бежал полк.

Шли колонной по 10—12 человек в ряд, словно на демонстрацию. Как только вышли в степь, отряд превратился в движущуюся мишень. Противник заметил колонну, и через несколько минут раздался первый орудийный выстрел. Снаряд разорвался где-то позади.

Не имея никакой военной подготовки, я растерялся, не зная, что предпринять и какую подать команду.

— Кто служил в армии, подавай команду! — крикнул я.

Человек лет тридцати выскочил вперед и громким голосом крикнул:

— Отряд! Слушай мою команду! — И, отскочив немного в сторону, добавил: — Ложись в цепь!

То был рабочий патронного завода Сергеенко, бывший унтер-офицер старой армии, успевший повоевать в красногвардейском и партизанском отрядах с немцами и гайдамаками.

Повинуясь властному голосу Сергеенко, все легли. В тот миг звук пролетавшего снаряда заставил всех плотней прижаться к земле. Снаряд врезался в землю и с сильным гулом разорвался опять позади отряда.

По команде Сергеенко начались перебежки. У железнодорожной насыпи мы обнаружили уже сосредоточенный там полк.

Бойцы, прикрытые железнодорожной насыпью, чувствовали себя, как на отдыхе: лежали, курили, громко смеялись, ругались, резались в карты, выставляя на кон из карманов пухлые пачки керенок.

Командиры и политруки беспомощно наблюдали за всем этим, не зная, как воздействовать на своих бойцов. Разложение полка и его полная небоеспособность были налицо...

Рабочий отряд занял оставленные полком позиции. Вскоре прибыли назначенные в отряд командир и комиссар, а вслед за ними — три командира рот и три политрука. Отряд был быстро преобразован в батальон Луганского рабочего полка. Я, пожелав им всего хорошего, отправился в Луганск.

На окраине города уже стояли орудия, вокруг них суетились артиллерийские расчеты, подготавливались

позиции для орудий, распаковывались снарядные ящики. Было ясно, что положение в районе Луганска восстановлено.

В штабе дивизии я доложил командованию обо всем виденном мною за день и о состоянии полка.

Командование дивизии приняло решение полк расформировать, а командование полка за самовольное оставление позиций предать суду Ревтрибунала.

Закончив свою работу по организации особого отдела 15-й Инзенской дивизии, я выехал в Сватово для доклада начальнику Особого отдела армии о проделанной работе.

Выслушав мой доклад, Жилин спросил:

— Как наказать тебя за пренебрежение мандатом Особого отдела армии?

— Готов нести любое наказание! — без запинки ответил я.

— Если бы не те обстоятельства, при которых ты потерял сей мандат, быть бы тебе в Ревтрибунале! — с улыбкой на лице закончил Жилин.

В руке его я увидел свой мандат...

КУПЯНСКИЙ МЯТЕЖ

Наступил июнь, второй месяц отступления наших войск по всему фронту. Накануне я вернулся в Сватово из поездки по дивизиям, написал доклад и ожидал приема у Жилина.

Ермилов, всегда спокойный и уравновешенный, ныне показался мне нервным, беспокойным. Он подолгу задумывался над страницами моего доклада, изредка покачивал головой и часто курил.

В моем докладе ничего утешительного не было. Хотя отступление войск и носило организованный характер,

но проявлялись первые признаки деморализации частей: участились случаи ухода из частей одиночек и небольших групп красноармейцев с оружием в «зеленую армию».

Вскоре прибыл Жилин.

— Ну, что привез хорошего, рассказывай!

— Хорошего мало, Иван Яковлевич! — ответил я, подавая ему свой доклад.

— Знаю, что хорошего мало, но падать духом не будем! Подумайте только: из-за предательства Махно кроме военных и территориальных потерь мы в Донбассе оставили Деникину около восьми тысяч вагонов и платформ на ходу и двести паровозов! Каково? Да и у нас здесь новости не из приятных: в Купянской бригаде второй день беспокойно. Сейчас на Реввоенсовете решили послать в Купянск комиссию с чрезвычайными полномочиями. Председателем едет заместитель председателя Ревтрибунала армии Чуев, от Политотдела (он назвал фамилию) и от Особого отдела поедешь ты. Ваша задача выяснить обстановку и в случае каких-либо организованных провокаций подавить их силой. Выезд сегодня ночью.

В городе Купянске, удаленном от станции Купянск-Узловая на пять-шесть верст, стояло воинское соединение с таким интересным наименованием: «Запасная бригада 8-й армии имени Революционной дисциплины». Она готовила пополнение для армии и маршевыми ротами направляла его в части дивизий. В отдельные периоды бригада насчитывала в своем составе до десяти тысяч бойцов.

Командный состав бригады, так называемые инструкторы обучения, состоял преимущественно из бывших офицеров царской армии, младший комсостав — из числа бывших унтер-офицеров и рядовых царской армии.

Наш состав из пяти-шести вагонов на рассвете отправился на станцию Купянск-Узловая. С нами рота красноармейцев с тремя пулеметами из комендантского батальона штаба армии.

Иван Александрович Чуев всю дорогу был молчалив, на наши вопросы ствечал односложно: «Едва ли», «Скорее всего так» и т. д. Он был много старше нас, и мы всецело полагались на него.

Подъезжаем к станции. На платформе большое скопление народа и суетится какой-то военный. Он оказался военкомом Купянского уезда. От него мы узнали потрясающие новости: ночью бригада восстала против Советской власти, мятежники арестовали всех политработников бригады, советских и партийных работников города. Ему на мотоцикле удалось вырваться из города, и теперь он организует железнодорожников на защиту станции.

Военком рассказал, что он связался с командиром полка в городе Валуйки и тот сообщил, что имеет приказ командарма двинуться с полком на станцию Купянск-Узловая в распоряжение председателя комиссии Чуева.

По телефону нашли полк на подходе к последней станции перед Купянском.

Объяснив командиру полка обстановку, Чуев приказал ему немедленно прибыть с полком на станцию Купянск и подготовить полковую артиллерию к обстрелу военных казарм в городе.

Наметили план подавления мятежа. Исходили из того, что мятеж мог произойти только вследствие какой-то провокации со стороны командования бригады и что основная масса красноармейцев и младшего комсостава должна остаться верной Советской власти.

Коммунистов депо и станции Купянск немедленно направили в город для разъяснения провокационной

сущности мятежа. Рабочие депо и станции вызвались войти в город с красными флагами, чтобы доказать прочность Советской власти в уезде. Командиру Валуевского полка было поручено обстрелять из орудий военные казармы в момент приближения к городу рабочих колонн.

...Впереди широкой цепью по посевам движется наша рота с пулеметами, за ней по дороге — рабочие с красными флагами. У всех полная уверенность в успехе задуманного плана: красноармейцы не будут стрелять в рабочих, а с мятежными инструкторами справится одна наша рота.

Подходя к городу, услышали три-четыре орудийных выстрела, потом все смолкло, и мы увидели бегущих навстречу нам красноармейцев.

— Товарищи! Скорей, скорей! Там готовится расстрел всех наших комиссаров! — тут и там раздаются голоса красноармейцев.

Рота бегом направляется на базарную площадь, где в огромном складском помещении ожидают трагического конца арестованные политработники.

Подробности этого беспрецедентного случая были таковы.

Мятеж подняли командир бригады бывший царский офицер Чернышев и комиссар бригады Зубков.

В нескольких маршевых ротах перед отправкой их на фронт произошли волнения на почве задержки в получении нового обмундирования. Из маршевых рот волнения распространились в другие роты.

Военный комиссар бригады Зубков не принимал никаких мер к пресечению враждебной агитации и последние дни проводил в попойках с командиром бригады Чернышевым и его ближайшим окружением.

Под влиянием враждебной агитации в ротах начали раздаваться призывы к отказу ехать на фронт и произошло несколько случаев дезертирства с оружием. День отправки маршевых рот пришлось отложить из-за отказа двух-трех рот выехать на фронт без нового обмундирования.

Вот в такое-то беспокойное время командир и военный комиссар бригады прошлой ночью подняли бригаду по боевой тревоге и вывели ее на базарную площадь на митинг.

Выступая на митинге, Чернышев и Зубков объявили, что политработники бригады все время обманывают красноармейцев, скрывают от них правду о положении на фронте и в тылу, что Деникин уже занял Киев, Харьков и Воронеж и двигается на Москву, а в России повсюду идут восстания против Советской власти. Ввиду бесполезности сопротивления и неминуемого падения Советской власти в ближайшие дни командование приняло решение сдать наступающей на Купянск деникинской армии. А для искупления всеобщей вины перед Деникиным приказали инструкторам обучения тут же арестовать всех политработников и рядовых коммунистов.

После ареста политработников мятежники арестовали коммунистов советских и партийных учреждений города. Мятежники арестовали также несколько красноармейцев и младших командиров, которые активно выступали против ареста политработников и перехода на сторону Деникина.

Арестованных числом более ста человек поместили в подвале склада на базарной площади. Расстрел их назначили на утро.

Более сознательная часть красноармейцев и младших командиров высказывала сомнение в правильности действий командования бригады.

Весть о том, что в город пришли со станции коммунисты-железнодорожники и там все спокойно, с быстрой молнии облетела всю бригаду. Артиллерийские выстрелы Валуйского полка и появившаяся у города колонна рабочих с красными флагами окончательно развеяли сомнения колеблющихся.

Видя провал затеянной ими провокации, главари мятежа Чернышев и Зубков с пятью своими приближенными успели скрыться из города в неизвестном направлении.

Оставшись без главарей, командиры — участники мятежа пытались покинуть город, но на окраинах их задержали красноармейские заставы Валуйского полка.

В городе начались стихийные митинги красноармейцев, нашлись среди них избежавшие ареста коммунисты, и вскоре базарная площадь была заполнена красноармейцами.

Все арестованные политработники и работники советских и партийных учреждений были освобождены.

Решено было быстро провести суд, строгий и справедливый, над участниками мятежа.

Реввоенсовет армии предоставил нашей комиссии права Ревтрибунала.

Суд происходил в одной из казарм, в большом зале, в присутствии всех красноармейцев того батальона, чьи командиры проходили суд.

В ходе судебного разбирательства некоторые из подсудимых искренностью показаний и полным раскаянием действовали на присутствующих так, что из зала слышались голоса: «Оправдать его!», «Правдивый человек!» и т. п. Но были и такие подсудимые, во время показаний которых в зале поднимался шум возмущения.

Особо запомнился подсудимый, который в открытое окно подвала с арестованными политработниками бросил три или четыре гранаты. В этом злодеянии его об-

виняли человек десять свидетелей, и среди них политрук, не давший разорваться в подвале ни одной гранате: он ловил их на лету или поднимал с полу и шипящими выбрасывал обратно за окно, где они и рвались. Фамилия этого героя запомнилась мне как Раков.

Дня через три трибунал закончил судебное разбирательство по делам мятежа, и комиссия уехала на доклад Реввоенсовету армии... Так, сравнительно быстро, был погашен Купянский мятеж, ставивший своей целью ударом с тыла облегчить Деникину разгром 8-й армии и ускорить «победоносный» поход его на Москву.

ОТХОД НА СЕВЕР

Начиная с июня 8-я армия с упорными боями отходила на север, в направлении Воронежа. Уже оставлены города Сватово, Купянск, Валуйки, Лиски...

Воронеж. Все штабные учреждения размещаются в вагонах, готовые тронуться дальше на север — в город Козлов.

Неожиданно в отделе появляются все мои друзья-пресненцы: штаб Донского экспедиционного корпуса переводится на правый фланг Южного фронта, где под командованием Молкочанова создается группа войск Сумского направления для срочной ликвидации последствий предательства штабных работников 13-й армии.

С Кибортом прибыли и новые работники, влившиеся в особый отдел экспедиционного корпуса, партийцы и хорошие товарищи: Митрофан Фомин, рабочий из Воронежа, рабочие Луганского патронного завода Юрьев и Шпрингенфельд, казачий подхорунжий Василий Севский, латыш Лагздин, Капитон Сидоренко — служащий из Бутурлиновки и несколько других, фамилии которых не помню.

Идем с Кибортом к Жилину с просьбой отпустить меня к нему. Иван Яковлевич обещает подумать и сообщить свое решение позднее.

Удивительный человек был Иван Яковлевич Жилин!

Старейший член партии большевиков, прошедший царскую тюрьму и ссылку. Все его поведение, отношение к работе и людям говорило, что живет он только в борьбе, а не будет этой повседневной борьбы — не будет и его.

Внешне он выглядел простым, обыкновенным человеком, с вдумчивым выражением интеллигентного лица и манерами старого рабочего.

Простота и искренность в обращении, природный ум и внутренняя сила, редкие способности познавать людей были так явно выражены в нем, что работники Особого отдела невольно тянулись к нему, как кусочек железа тянется к магниту.

Являясь членом Реввоенсовета и начальником Особого отдела армии, перегруженный работой, он находил время раз-два в неделю побеседовать с нами на теоретические и политические темы, развивать наше представление о революции и прививать вкус к выполняемой нами работе.

Его знание мирового революционного движения, истории развития марксизма в России и трудов Маркса и Ленина поражали нас; удивляло, как мог один человек вместить в себя столько знаний.

Сам подавая пример преданности революции, личной скромности, дисциплинированности и честности во всем, он хотел видеть эти качества в каждом из нас. Более того, он требовал, чтобы каждый воспитывал в себе эти качества. У всех нас он вызывал глубокое уважение. Таким был и остался в моей памяти светлый образ замечательного революционера-ленинца Ивана Яковлевича Жилина.

Захожу к Жилину в назначенное время, и у нас с ним происходит примерно такой разговор.

— Иван Яковлевич, решили мою просьбу? — спрашиваю я.

— Решил. Остаешься здесь! — отрезает Иван Яковлевич.

Я опять и опять доказываю, что мне трудно без друзей, без постоянной их помощи и поддержки.

— Понимаю, все понимаю! — спокойно объясняет Жилин. — Но пойми: мы намерены сменить военного комиссара штаба армии, и у нас, кроме тебя, нет более подходящего товарища!

От этих слов Жилина мне стало прямо-таки жутко.

— Гражданская война скоро кончится нашей победой! — продолжал Жилин. — Поедешь учиться в академию, станешь красным генералом, больше принесешь пользы народу! Я буду тебе во всем помогать, не бойся и берись за работу. Я верю в тебя! — заключил он.

В свои двадцать один год я не мог представить себя в роли военного комиссара штаба армии и отказался, настаивая на своей просьбе.

— Ну хорошо, поедешь с Кибортом, — согласился Жилин, — но только знай, что всю жизнь будешь с сожалением вспоминать наш разговор! — заключил Иван Яковлевич.

В последних словах Жилина слышалось столько укора в мой адрес! Я понимал, что своим отказом оскорбляю добрые чувства ко мне своего наставника и руководителя.

Не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая судьба, но я счастлив, что и на низовой трудной и невидной работе чекиста я по мере своих сил и способностей принес какую-то пользу общему делу борьбы с контрреволюцией.

В ГРУППЕ ВОЙСК СУМСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Узловая станция Ворожба имела большое стратегическое значение для 13-й и 14-й армий и Сумской группы войск. От нее расходились железнодорожные линии на Брянск и Оршу, Курск, Харьков, Конотоп и Бахмач. Кроме того, Ворожба являлась также пунктом, через который шел нескончаемый поток движения людских масс. До нее добирались даже московские мешочники и все те, кто не успел еще выехать из России в поисках спасения от большевиков.

Все это требовало от Особого отдела неослабного наблюдения как за станцией, так и за самим городком Ворожба.

В один из погожих сентябрьских дней уполномоченный отдела Лагздин задержал на станции военного, поведение которого показалось ему подозрительным.

Доставленный в отдел, военный предъявил документы на имя Карася, работника штаба 7-й армии, уволенного в месячный отпуск, для использования которого он следует в город Ахтырку Харьковской губернии.

— Интересный тип этот Карась! — сказал нам Киборт, когда мы с Фоминым вошли к нему по его вызову. — Никому не поручайте его и займитесь с ним сами.

Три обстоятельства вызывали у нас подозрения к Карасю. Первое — это несовпадение дат выдачи отпускного документа со временем прибытия Карася в Ворожбу. Выходило, что из Петрограда, где находился штаб 7-й армии, Карась добрался до Ворожбы за какие-то пять — семь дней, что по тем временам было невозможно.

Второе — как работник штаба армии, Карась должен был знать об отступлении войск Южного фронта, занятии белыми Харькова и района Ахтырки.

Третье — в период ожесточенных боев 7-й армии против Юденича и войск Южного фронта против Деникина никакие отпуска начсоставу не предоставлялись.

При обыске у Карася обнаружили тщательно заделанные в тулье фуражки, поясе брюк и плечах френча двести керенок, достоинством в сорок рублей каждая. Деньги по тому времени немалые. Это усилило наши подозрения.

При первом допросе Карась показал, что он служит младшим помощником начальника оперативного отдела штаба 7-й армии; уволен в отпуск в связи с тяжелым состоянием отца; о занятии белыми Харькова и Ахтырки узнал только в Ворожбе; восемь тысяч рублей ему собрали работники штаба 7-й армии, на которые он должен был закупить для них муки и сахара.

Обыск дал еще одну улику. Под новыми подметками хромовых сапог Карася обнаружили две фотографии, завернутые в пергаментную бумагу. На фотографиях был изображен офицер в чине штабс-капитана в парадной гвардейской форме с личной подписью «Жилинский» и датой.

На вопрос: «Кто этот офицер и почему вы запрятали его так далеко?» — Карась ответил:

— Жилинский — мой товарищ по службе в штабе 7-й армии и земляк по Ахтырке. Зная, что я еду в отпуск, он просил меня передать его матери эти фотографии. Фотографии спрятал под подметки из-за боязни потерять их, да и неудобно как-то в такое время открыто держать при себе фотографии гвардейского офицера!

Теперь уж не было никаких сомнений, что перед нами деникинский разведчик. Оставалось доказать тождество Жилинского с Карасем. Пригласили паракмахера побрить и причесать Карася. Сличили фотографию с оригиналом — полное сходство!

Появились новые показания, теперь уж не Карася,

а Жилинского, новые версии обстоятельств появления в Ворожбе, одна другой противоречивей.

Дня три-четыре продолжался этот поединок нервов; пока Жилинский не сдался. Он показал, что служит в разведке штаба корпуса Кутепова, «обслуживает» 14-ю армию и Сумскую группу войск.

Подлинные документы на имя Караса, выданные ему штабом 7-й армии, были срочно направлены в Особый отдел Южного фронта для принятия соответствующих мер.

В дивизиях Сумской группы войск еще не были созданы особые отделы, и Киборт поручил мне заняться их организацией.

57-я стрелковая дивизия, в которую я прибыл в половине сентября с группой работников для организации особого отдела, вместе с соседними дивизиями — 41-й, Саблина, слева и 58-й, Федько, справа — вела упорные бои на левом фланге основной группировки деникинской армии — корпуса Кутепова, нацеленного на Курск — Орел — Тулу — Москву.

Основным ядром 57-й дивизии являлись Ананьевский, Знаменский и Вознесенский полки, берущие свое начало от партизанских отрядов, сформированных в 1918 году из крестьян Ананьевского, Знаменского и Вознесенского уездов Одесской и соседних уездов Херсонской губернии.

Эти уезды являлись постоянной базой пополнения армии атамана Григорьева. После смерти Григорьева, застреленного Махно в июне, сознательная часть его армии воевала на стороне Советской власти, влившись в 57-ю стрелковую дивизию, а остальные перешли к Махно.

Только три месяца отделяли наш приезд в дивизию от ее переформирования из партизанской вольницы в регулярную дивизию Красной Армии.

Ясно, что за столь короткий срок нельзя было полностью перевоспитать бойцов да и командиров в духе требований революционной дисциплины Красной Армии.

Кавалерийским полком в 57-й дивизии командовал Кочерга. Была ли у него какая иная фамилия — не знаю. В полку его все называли просто «батька Кочерга».

О Кочерге ходило много разных слухов. Утверждали, например, что в царское время он был одним из помощников известного на Кавказе националиста Зелим-хана; в революционные годы имел свой партизанский отряд на Северном Кавказе, служил у Махно, потом у Григорьева, а после его смерти попал в 57-ю дивизию.

Познакомился я с Кочергой при таких обстоятельствах. Отступая на север, части дивизии покидали последние села и местечки родной Украины.

В конце сентября штаб дивизии на несколько дней остановился в местечках Середина — Буда и Зерново, что несколько севернее станции Хутор Михайловский.

Был базарный день. Внезапно на базаре поднялся невероятный шум. Посланные узнать причину сотрудники доложили, что шестеро вооруженных кавалеристов отобрали у крестьян хороших лошадей, взамен отдали им своих загнанных и опоенных и что дело доходит до серьезного столкновения кавалеристов с сотнями вооруженных оглоблями крестьян.

Я приказал арестовать кавалеристов и вместе с лошадьми доставить в отдел.

Через полчаса разоруженные кавалеристы с лошадьми под усиленным конвоем были доставлены в особый отдел в сопровождении возбужденной толпы крестьян.

Прежде всего крестьянам возвратили лошадей. Затем допросили кавалеристов. Они оказались бойцами

кавалерийского полка Кочерги. Никто из них не отрицал своей вины, но каждый в свое оправдание приводил один и тот же довод: «А на чем я пойду в бой, когда моя коняга ходить да и то не может!»

Решил задержать арестованных до разъезда базара: нельзя было освободить кавалеристов на глазах крестьян. Ведь мы ухаживали на север, и оставлять после себя дурную славу значило играть на руку Деникину.

Спускались ранние осенние сумерки, и базар начал разъезжаться, когда мне доложили, что со мной хочет говорить командир кавалерийского полка Кочерга.

Вошел человек и заполнил собою половину моей маленькой комнатки. Он был высокого роста, с большими русыми усами, в огромной черной папахе, в кавказской бурке, из-под которой виднелась синяя куртка-венгерка, отороченная серым мехом. На груди висел укрепленный на ремешке бинокль Цейса, с правой стороны висела колодка с маузером, слева — парабеллум и офицерская полевая сумка.

Признаться, я еще не встречал командира в таком богатом убранстве.

— Кочерга,— протягивая огромную руку, отрекомендовался вошедший.

— Очень приятно познакомиться,— спокойно ответил я.

— У тебя тут мои хлопцы застряли? — спросил Кочерга.

— Шесть ваших кавалеристов задержаны за произвол,— опять спокойно ответил я.

— Знаешь что, хлопец! Давай договоримся сразу: я их накажу сам, по-своему. Вот мой «трибунал»! — показал он на висевшую у него сбоку плетку.— А ты освободи их, и дело с концом! Идет? — спросил Кочерга.

Зная, с кем имею дело, я согласился и распорядился освободить арестованных.

— Вот и хорошо, хлопец! Не люблю отдавать в трибунал бойцов, а таких, как эти орлы, в особенности! Рубаки хорошие! — с явным удовольствием закончил разговор Кочерга.

Пошли поговорить с освобожденными бойцами.

— Вы что же, хлопцы, натворили здесь, а? — грозно спросил Кочерга.

Все шестеро молчали, вглядываясь в лицо своего «батьки», стараясь прочесть на его лице, в шутку или всерьез он их спрашивает.

— Что же молчите, сукины сыны? — допытывался Кочерга.

Опять все молчат, опустив головы.

— Ну, черти, расправлюсь с вами потом, а сейчас по коням и марш в эскадрон! — скомандовал Кочерга, и, попрощавшись со мною, вскочил на коня и с ординарцем помчался вслед за бойцами чинить над ними свой «трибунал».

Приходилось только удивляться, как могли бойцы Кочерги быстро передвигаться и садиться на лошадь без посторонней помощи — так много всего на них было повешено! За плечами винтовки и карабины, через оба плеча, крест-накрест, и вокруг пояса натянута пулеметные ленты с патронами, на поясных ремнях и спереди и с боков висели по несколько бутылочных гранат, шашки, тесаки, наганы и плетки.

Казалось, достаточно зажечь спичку около такого ходячего арсенала, как он взорвется и похоронит с собою все живое в радиусе двадцати саженей...

В ту ночь я много думал о Кочерге и о его бойцах. Они оставляют свою родную Украину, неся с собой запах пороха и дыма, свой непокорный дух, свою любовь к вольной партизанской жизни, свои протяжные песни и разудалую пляску...

В тот год зима в Брянских лесах наступила рано. Затяжные осенние дожди уже в начале октября сменились частыми метелями. Положение на всем Южном фронте день ото дня становилось тяжелее.

Деникин подходил к Орлу. Наша дивизия поспешно отходила на линию Карачев — Навля — Трубчевск. Последний ожесточенный бой дивизия выдержала под станцией Комаричи, на железной дороге Навля — Льгов. Мне нужно было подобрать из политработников нового уполномоченного в одну из бригад, взамен убившего по болезни. С этой целью в начале октября я выехал из Навли в бригаду, оборонявшую станцию Комаричи.

Был по-настоящему зимний день. Снежный буран сокращал видимость до 100—150 саженей. Кругом все было покрыто белой пеленой. Мелкая и сухая снежная крупа забиралась под шинель, за ворот гимнастерки и даже в складки обмоток. Среди винтовочных залпов и пулеметных очередей были слышны разрывы снарядов.

Где-то за снежной неподвижной занавесью несколько раз слышались многоголосые крики «ура»...

Командир и комиссар бригады были на позициях, лично руководя боем. Бригада должна была во что бы то ни стало удержать станцию Комаричи, на путях которой стояло несколько невывезенных эшелонов с боеприпасами, продовольствием, фуражом, обмундированием, большими и ранеными бойцами.

В ходе боя, под прикрытием пурги, командование дивизии бросило в тыл противника кавалерийский полк Кочерги. Слышанные нами крики «ура» и были результатом дерзкого удара Кочерги по частям противника с тыла. Вскоре бой кончился, противник, понеся большие потери, отступил.

И тут я вторично увидел Кочергу, не успевшего еще остыть после боя. Он сиял от радости победы, но прежде чем поздороваться, долго отряхивал о колени свою папа-

ху, потом, вытерев руки о хозяйское полотенце, наконец проговорил:

— Вот и я, здорово, хлопцы! — и стал здороваться с присутствующими.

Командир и комиссар бригады благодарили Кочергу за помощь...

И вдруг случилось то, чего никто не предвидел. Обесиленная непрерывными боями, дивизия оторвалась от противника и начала отходить в район Брянска на продолжительный отдых и прием пополнения. Фронт дивизии заняли части соседних 41-й и 58-й дивизий. Вот в такую-то трудную для дивизии пору Кочерга не подчинился приказу командования дивизии об отводе полка в район Брянска и повел свой полк и часть дивизионной артиллерии к линии фронта, намереваясь прорваться на Украину.

Вернуть полк и артиллерию командование дивизии поручило начальнику политотдела Бороздину и мне.

На трех крестьянских санях тронулись мы с Бороздиным и десятью красноармейцами в погоню за Кочергой. Бороздин был уверен, что при помощи комиссара и политработников нам удастся вернуть полк и артиллерию. Но тщетно: за два дня погони мы догнать «беглецов» не смогли.

В одной из последних деревень на линии фронта от командира боевого участка узнали, что прошлой ночью отряд Кочерги прорвал фронт белых и ушел в тыл противника.

— Какие намерения имел Кочерга, уходя в тыл противника? — спросил Бороздин.

— Прорваться на Украину и продолжать борьбу с Деникиным в родных местах, — объяснил командир участка.

Так безрезультатно закончилась наша погоня за Кочергой и его отрядом.

ожидания. В партию вступают бойцы и командиры, закаленные в двухлетней борьбе с контрреволюционными силами всех мастей.

В школах по подготовке политруков рот и команд собрано все лучшее, что дала дивизии «партийная неделя». Молодые коммунисты жадно впитывают великие идеи революции.

Во всех частях и подразделениях идет интенсивная подготовка младших командиров всех специальностей из вчерашних рядовых, прошедших боевую страду в горниле гражданской войны. В штабах изучается опыт истекших двух лет гражданской войны, углубляются приобретенные знания взаимодействия родов войск и служб, изучаются топография и карты местности неосвобожденных районов страны.

Своя учеба у снабженцев. Здесь и организация бесперебойной работы своего и местного транспорта, и техника учета людей, нормирование и сохранность продовольствия, фуража и вещевого снабжения, и организация ремонта обмундирования и снаряжения, и многое, многое другое.

Врачи, фельдшера, лекпомы и санитары изучают опыт полевой хирургии, санитарии и профилактики, лечения и ухода за больными и ранеными.

У ветеринаров свои заботы: борьба с сапом и профилактика заболеваний лошадей, вопросы питания и ухода за лошадьми.

Проводятся сборы и тактические занятия телефонистов, телеграфистов, саперов, подрывников, понтонщиков.

Пополняет свои знания и старший командно-политический состав дивизии. Лозунг «Каждому политработнику знание курса совпартшколы!» требует от политотдела дивизии напряженной работы по организации и проведению такой учебы.

Комплектование дивизии по штатам военного времени требует массового выдвижения начсостава. Прибывающие в дивизию молодые красные командиры — краскомы из военных школ — в большинстве своем не имеют боевого опыта, но теоретически сильнее выдвиженцев. Сочетание опыта с теоретическими знаниями решалось просто: если командир выдвиженец, помощник у него — краском, если краском командир, помощник — выдвиженец.

Малочисленные партийные ячейки в частях пополняли свои ряды молодыми коммунистами и превратились в разветвленные партийные организации, которые занялись повседневной организационно-воспитательной работой в своих коллективах.

Прибыло партийное пополнение и в наш отдел. Годовой опыт работы в особых отделах армии помог Киборту, Фомину и мне быстро ликвидировать у новых работников элементарную безграмотность в вопросах армейского быта и привить им навыки нашей работы.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

В половине февраля формирование и обучение частей было закончено, комиссия отдела формирования Южного фронта признала дивизию боеспособной, и командование дивизии начало подготовку к выступлению.

Неожиданно для всех нас Киборт получил предписание Особого отдела Южного фронта о назначении его начальником Особого отдела 14-й армии. Начальником особого отдела дивизии назначался Митрофан Фомин. За полгода работы с Фоминым я так подружился с ним, что, оставшись единственным из пресненцев, не чувствовал себя одиноким.

Наконец в двадцатых числах февраля был получен приказ главкома о переходе 57-й стрелковой дивизии из подчинения Южного фронта в подчинение Западного фронта и направлении ее в район города Речицы Гомельской губернии.

Началась обычная в этих случаях лихорадочная работа: формирование эшелонов, подбор квартирьеров, установление очередности, сроков и графиков погрузки частей и учреждений дивизии.

Я впервые участвовал в такой массовой перевозке войск по железной дороге, и меня интересовала в ней каждая деталь. Не шутка — по единому плану, из разных мест погрузки движутся в едином направлении десятки воинских эшелонов с пятнадцатью тысячами вооруженных людей, с огромным воинским хозяйством!

Митрофан Фомин ушел в штабной вагон, где начальник дивизии Кузнецов и военкомдив Темкин знакомят штаб и начальников служб дивизии с последними данными о положении на Западном фронте и новым районом расположения дивизии. А я за час до отправления эшелона обошел свои вагоны и нашел все в порядке.

Укладываясь на ночь, подумал: «Скоро два года, как я на войне, и Польский фронт — третий мой фронт!» Каждый из фронтов я считал для себя последним. Уже нет Краснова и Дутова, нет Юденича и Колчака, в пух и прах разбиты Деникин и англичане с французами. Казалось, можно будет наконец познать свободную жизнь среди родных и близких. Но нет же! Нет покоя измученной шестилетней войной России...

Дивизия вошла в состав 16-й армии Западного фронта, и ей был отведен участок Паричи — Радуль на Днепре, равный 120 верстам по фронту, с расположением штаба дивизии в Речице.

После четырех месяцев спокойной жизни в Орле

Работники особого отдела 57-й стрелковой дивизии
16-й армии Западного фронта Иван Крылов (сле-
ва) и Михаил Солуянов. 1920 г.

вновь началась фронтальная жизнь, полная повседневных тревог и опасностей.

Прибытие дивизии в район Речицы совпало с начавшейся вскоре весенней распутицей. Наступил самый томительный период фронтальной жизни — период боевого затишья, опасный во многих отношениях.

Прибытие частей нашей дивизии не прошло незамеченным противником. Как только части заняли свои участки, на них посыпались тысячи листовок, сбрасываемых с самолетов.

Листовки белопольского командования призывали «насиленно мобилизованных» красноармейцев переходить в плен, где обещалась платная работа в сельском хозяйстве или на фабриках и заводах. В листовке утверждалось, что при помощи Англии и Франции Красная Армия неминуемо будет разбита и что Польша воюет не против России, а против большевиков, которых нужно прогнать и тем самым кончить войну.

Каждая такая листовка служила беспрепятственным «пропуском» в плен.

В отличие от Южного фронта, где борьба сторон носила ярко выраженный классовый характер и где призывы белогвардейского командования к переходу или к сдаче в плен адресовались главным образом к командному составу Красной Армии из числа бывших офицеров, призывы белопольского командования к переходу в плен по своему содержанию адресовались непосредственно рядовым красноармейцам.

Лучшим противоядием явилось единственно верное и испытанное в ходе ожесточенной гражданской войны средство: это откровенное и правдивое, без каких-либо недомолвок, разъяснение бойцам и командирам политики партии большевиков в международных и внутренних вопросах страны, целей войны панской Польши против Советской России и в то же время беспощадное подавление

ние проникших в Красную Армию контрреволюционных элементов, подстрекавших к измене Родине и предательству интересов революции.

Желаемого результата листовки белопольского командования не достигли.

Решающая заслуга в этом принадлежала работникам политотделов дивизии и бригад, военным комиссарам частей, политрукам подразделений и рядовым коммунистам-бойцам, которые своим личным примером стойкости, бесстрашия и преданности делу революции заражали красноармейскую массу и умели доводить до красноармейцев правду о войне.

Надо отдать должное и уполномоченным особого отдела в частях и бригадах, которые успешно справились с задачей выявления вражеской агентуры в частях дивизии.

Несмотря на принимаемые политорганами дивизии меры, предотвратить полностью дезертирство из частей дивизии все же не удалось.

Утром 10 марта ординарец штаба дивизии доставил предписание сформировать отряд и сообщение, что для этого в мое распоряжение направляется дополнительно группа красноармейцев — пехотинцев и кавалеристов. Командный состав отряда поручалось подобрать мне самому.

Вскоре на подводах прибыли бойцы.

К полудню формирование заградительного отряда было закончено. Теперь отряд состоял из шестидесяти бойцов при двух ручных пулеметах Льюиса.

Командиром отряда я назначил Дмитрия Заставу, его помощником — лихого командира взвода кавполка Клавдина, политруком — Николая Глинкина.

Район действия нашего отряда определялся в радиусе пятнадцати — двадцати верст вокруг деревни Борщовки. По дорогам были разосланы конные разъезды.

На деревню уже спускались сумерки, когда от одного из конных разъездов прискакал боец и доложил, что по дороге на Борщовку движется пулеметная команда при шести пулеметах и человек тридцать бойцов.

Выяснить обстановку отправился Дмитрий Застава. Вернувшись, он доложил, что командир и политрук пулеметной команды 415-го полка 47-й дивизии самовольно сняли команду с позиций, мотивируя свои действия недостатком патронов и отсутствием связи с полком.

С таким позорным явлением мне еще не приходилось сталкиваться.

Не зная, как поступить с пулеметчиками, к тому же из соседней дивизии, решил командировать в штаб Дмитрия Заставу для получения конкретных указаний.

На рассвете следующего дня Застава вернулся с предписанием военного комиссара дивизии М. Темкина принять самые решительные меры к разоружению пулеметной команды и всех бойцов, оружие предлагалось доставить в штаб. А мне передал еще личную записку: «Иван! Помни, что пулеметы очень нужны нашей дивизии! М. Т.»

Прежде чем начать какие-либо действия против пулеметчиков, решил лично переговорить с ними.

Командира и политрука команды я застал за завтраком с двумя младшими командирами. Все шесть пулеметов «максим» находились тут же и охранялись двумя бойцами. Узнав, кто я, и выслушав мое предложение о разоружении команды, командир, обращаясь к политруку, с усмешкой заметил:

— Не во сне ли я все это слышу и вижу, товарищ политрук? — От командира основательно пахло самомом.

Политрук задумался немного и ответил:

— Втянул ты меня, друг, в грязное дело! — и больше не произнес ни слова.

— Без предписания командира полка или штаба дивизии никого к пулеметам не допущу,— заявил командир, заметно волнуясь.

— А может быть, мирно договоримся и вместе пройдем в штаб нашей дивизии для объяснений? — спокойно предложил я командиру.

— Кроме своей 47-й дивизии, никаких других дивизий не признаю! — вызывающе крикнул он.

— Товарищ политрук, подумайте вместе со своим горячим командиром над моим предложением, а я зайду к вам через полчаса! — Я вышел из избы.

Мне не хотелось доводить дело до открытого столкновения, и, обсудив положение с Заставой и Глинкиным, мы решили действовать так: в первую очередь обезглавить команду путем внезапного ареста командира, политрука и всех, кто будет находиться при них в избе; тут же снять караул у пулеметов и захватить их.

Застава и Глинкин пошли инструктировать исполнителей операции, а я отправился к пулеметчикам для продолжения переговоров.

Командир, политрук и еще двое о чем-то спорили, но при моем появлении смолкли.

— Ну как, товарищи, надумали что-нибудь?

— Никаким указаниям штаба 57-й дивизии не подчинимся! — отрезал командир и взглянул на политрука, ища у того поддержки.

— Я другого мнения,— заявил политрук,— и считаю, что никакого позора в том нет, если команда в полном составе и с оружием явится в штаб дивизии для решения своей участи. Виноваты во всем я и командир, и только мы должны нести ответственность за уход команды с позиций, а разоружать команду не дадим!

Я решил расширить появившуюся трещину между командиром и политруком команды и продолжал настаивать на добровольном разоружении команды.

Время идет, разногласия между командиром и политруком углубляются, их внимательно слушают остальные двое и часовые у пулеметов, а я тем временем вижу в окно, как один за другим к крыльцу избы подходят наши бойцы. Тогда я, как было условлено, подошел ближе к окну и, протянув командиру руку, как бы прощаясь, громко сказал:

— Ну что ж, придется еще раз доложить военкомдиву о вашем решении.

И не успел командир ответить, как в избу с гиком ворвались наши. Ошеломленные таким дерзким и неожиданным вторжением, пулеметчики не успели охнуть, как были разоружены.

Тем временем Дмитрий Застава и Николай Глинкин с бойцами в соседних избах разоружили рядовых пулеметчиков и выстроили их около избы командира команды.

Объявив пулеметчикам приказ командования 57-й дивизии о разоружении их команды за самовольное оставление позиций, мы отправили их вместе с шестью пулеметами на повозках под усиленным конвоем в Речицу, в штаб 57-й дивизии.

Я был вполне удовлетворен: разоружение пулеметной команды прошло без единого выстрела...

Сочетая меры воспитательного характера с чрезвычайными мерами принуждения и наказания, опираясь на сознательную часть красноармейцев и командиров, командованию и политорганам дивизии удалось в течение двух-трех недель покончить с дезертирством.

На фронте дивизии по-прежнему продолжалось боевое затишье.

Но враг не дремал...

После окончания первой мировой войны в Польше осело много офицеров разведывательных служб царской России, Австро-Венгрии и кайзеровской Германии. Те-

перь они работали на разведку польской армии, именуемую Офензивой.

Это были опытные кадры разведчиков, с преступной деятельностью которых и были призваны бороться особые отделы дивизий и армий Западного фронта.

Об одном таком разведчике хочу рассказать.

Особый отдел 16-й армии сообщил, что, по достоверным сведениям, в районе расположения армии появился опытный польский разведчик под фамилией Петросильге. Среди его примет было родимое пятно на левом бедре.

Намечая мероприятия по розыску разведчика, пришли к выводу, что искать его надо в Речице, где расположен штаб дивизии. В селах и деревнях расположения частей дивизии он появиться не может, иначе немедленно обнаружит себя.

Несколько групп оперативных работников отдела приняли за розыск. На речичком вокзале было установлено круглосуточное наблюдение за прибывающими и убывающими из города лицами. В течение недели было задержано несколько человек, имевших внешнее сходство с разведчиком, но все они оказались местными жителями и работали на городских предприятиях и в учреждениях.

Однажды на вокзале дежурила группа Владиевского. Только что пришел из Гомеля небольшой воинский состав с продовольствием и фуражом. Из одного вагона вышел молодой, лет 25—30, высокий блондин в гражданском костюме и быстрым шагом, не оглядываясь по сторонам, как свой человек, направился в помещение вокзала. Владиевский остановил его и потребовал документы. В документе, написанном от руки, стояла фамилия Петросильге!

На допросах Петросильге показал, что он латыш, беженец из Латвии времен мировой войны, из-за болезни

не мог своевременно выехать в Латвию и теперь работает в Брянске на заводе, а в Речицу приехал купить что-нибудь из продовольствия. При нем оказалось несколько сот рублей царскими деньгами, имевшими негласное хождение в прифронтовой полосе. Свою причастность к шпионажу категорически отрицал, клялся и божился в преданности Советской власти, ссылаясь на свою службу в одном из полков латышских стрелков и прочее.

Когда же Фомин заявил ему, что нам известна его деятельность как польского разведчика, и предложил ему раздеться, Петросильге сказал: «Я сдаюсь».

Петросильге показал, что в 1919 году в Литве попал в плен к белополякам и с тех пор работает связным с польскими резидентами на территории Советской России, а в Речицу прибыл для перехода линии фронта. От него были получены ценные сведения о деятельности белопольской разведки в городах Гомеле, Брянске, Могилеве, Орше и др. Под усиленным конвоем Петросильге был направлен в Особый отдел 16-й армии.

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ

Сколько радости приносят на фронт письма! Их читают сообща по несколько раз и берегут, пока они не изотрутся вконец.

Письма из сельской местности длинные, одних поклонов от родственников и соседей страницы на две. Затем следуют хозяйственные новости: сколько и что посеяли или посадили, сколько и чего собрали, каковы урожаи, какую скотину оставили на зиму, продали или обменяли. Все, все опишут родные, все подробности и мелочи. И бойцу веселее: вроде как побывал дома, все увидел, все узнал.

Из города пишут по-другому. Друзья и родные сообщают о себе, о родном заводе, о трудовых буднях, о напряженном труде и о политике.

Но бывают и другого содержания письма. Здесь жалобы на тяжесть жизни: сколько выдают хлеба на день, какие фабрики и заводы остановились или останавливаются из-за отсутствия сырья и топлива. Родители или жены просят совета, куда поехать, куда податься, чтобы спасти детей и себя от голода. Хмуры лица бойцов от этих писем. Тут без совета комиссара, политрука или начальника не обойтись: они первые советчики и наставники. Побеседуют и посоветуют, что ответить и как ответить, а сами вдогонку пошлют письмо в райсовет с просьбой оказать возможную помощь семье такого-то красноармейца. Смотришь — недели через две-три получает боец письмо от родных уже другого содержания: и ребятишек Совет определил в детский дом, и жену устроил на работу, и ордера дали на мануфактуру или обувь, и за все это благодарность командиру, комиссару и самому бойцу за заботу.

Трудно бойцу на фронте без писем из дому. Письма на фронт — великое дело!

«Подарки! Подарки пришли!» — раздаются повсюду крики возбужденных радостной вестью бойцов.

Разгружается вагон с подарками, присланными рабочими Москвы. Работники полевой почты бережно укладывают подарки на повозки, и одна за другой повозки отправляются в части.

Что в этих подарках? Почему им так рады и бойцы и командиры? Ответ ясен: в них сердце и дух тыла!

Сегодня подарки прибыли от рабочих Пресненского района Москвы. Простенький, из ситцевых лоскутков кисет, в нем пачка папирос и десяток конфет. Ничего, что папиросы изготовлены из табаков низших сортов, а конфеты на вонючей патоке. Все знают, что рабочие

«Трехгорки», «Дуката» и «Сиу» заботятся о фронтовиках, делятся с ними своим скудным пайком. В этом главное!

Я знаю, что «Трехгорка» не работает второй год — нет ни хлопка, ни топлива. Кисеты шьют работницы белошвейной мастерской из последних остатков фабричного лоскута. Они же шьют армейское белье, гимнастерки и шаровары. А кто не работает в белошвейной — шьет обмундирование на дому, на своих ручных швейных машинах. Старухи вяжут варежки, чулки и носки для красноармейцев.

Я рассказываю бойцам о Пресне, о «Трехгорке», «Дукате» и «Сиу». Их интересует все, и они жадно слушают о героических событиях на Пресне в 1905 и в 1917 годах. Душа моя наполняется гордостью за Пресню, и я готов часами рассказывать о ней!

А записки! В каждом кисете записка. Содержание их разное, но мысль одна:

«Дорогие наши товарищи! Стойко защищайте нашу Советскую Родину! Гоните врагов с нашей свободной Российской земли!» Есть и такие: «Дорогой наш сынок! Может быть, этот подарок дойдет до тебя, то знай: мы живы и здоровы, того и тебе желаем!»

Записки... Они приходили на фронт в карманах шаровар и шинелей, в кожаных ботинках и в валеных сапогах, в госпитальных туфлях и носках, в варежках и шапках! Сотни тысяч таких записок вдохновляли бойцов на подвиги во имя новой, счастливой жизни.

А газеты! Они не каждый день прибывали на фронт, а когда их получали, был настоящий праздник! Ни одной строки не оставалось непрочитанной. Их читают и обсуждают группами. Газета живет на фронте день-два, потом она идет бойцам на закрутку махорки.

Таковы будни фронтовой жизни в дни боевого затишья...

Первое мая! Настроение у всех приподнятое, праздничное. Кроме дежурных по отделу и дневальных по отряду, сегодня все свободны, и, расположившись в саду, бойцы и сотрудники обмениваются воспоминаниями о маевках прошлых лет.

Праздничный обед начался в двенадцать. Столы на пятьдесят человек были накрыты в помещении и в саду.

Были тосты за Первомай, за скорую победу, за здоровье Ленина, за рабоче-крестьянскую власть, за непобедимую Красную Армию.

В разгар нашего «пиршества» произошло событие, чуть было не кончившееся известной поговоркой: «И кончился пир их бедою».

Неожиданно над городом появился самолет противника. Совершив несколько кругов над окраинами города, самолет начал сужать спирали своего полета и заметно снижаться над центром города.

По всему городу послышалась беспорядочная ружейная стрельба. В нашем дворе стоял колодец с качалкой. Приладив к стойке колодца кольт, следователь Синюк начал обстреливать самолет. Вслед за ним по команде Рыбака все стали обстреливать самолет залпами.

После двух-трех витков над центром города самолет увеличил скорость и, набирая высоту, улетел в южном направлении, сбросив две-три небольшие бомбы над кладбищем, вблизи штаба дивизии.

Это был первый случай появления самолета противника в тылу дивизии.

Праздничное настроение упало, и было обидно, что самолет улетел безнаказанно.

В штабе дивизии появление самолета над Речицей расценили как признак начала активных действий противника, которые не заставили себя долго ждать.

НА ДНЕПРОВСКОМ РУБЕЖЕ

Активные боевые действия белополяков на Украине, предпринятые ими в конце апреля, вскоре начали распространяться и на нашу 16-ю армию. Завязались упорные бои в районе Мозырь — Калинковичи, на стыке нашей и 58-й дивизий 12-й армии. Под давлением превосходящих сил противника дивизия с первых чисел мая начала отход на восток. Вскоре были оставлены Мозырь, Калинковичи, Домановичи, Хойники.

Командование дивизии, отдав приказ об эвакуации Речицы, убыло в местечко Василевичи, в расположение боевых частей дивизии.

Части дивизии еще продолжали держаться в районе Василевичи — Шацилки — Паричи, и ничто не предвещало того, что произошло 8 мая.

С раннего утра 8 мая в город начала доноситься частая артиллерийская стрельба, час от часу все ближе и ближе. Началась поспешная эвакуация штабных учреждений: повозочные рысью и галопом гнали повозки на вокзал, спешили одиночные всадники.

Туда же отправились Фомин с работниками отдела и небольшой группой бойцов.

Я направился в штаб дивизии получить последние сведения о положении на фронте.

На дворе штаба догорали костры сожженных бумаг, телефонисты снимали свои аппараты и поспешно сматывали провода. Никакими новыми сведениями дежурный по штабу младший помощник начальника штаба Калосин не располагал. Вместе мы пошли на вокзал.

В стороне вокзала слышалась ружейно-пулеметная стрельба. Волосы встали у меня дыбом при мысли о плене: со мной была печать отдела. Мы все же побежали к вокзалу. В конце перрона суетилась группа солдат.

В этот момент со станции уходил воинский эшелон,

с каждой секундой ускоряя ход. Мы с Калошиным бросились к поезду. Уцепившись за борт платформы, напрягая последние силы, я перевалился через борт и в изнеможении распластался на полу. Рядом забрался Калошин.

Впереди, справа по ходу поезда, послышалась сильная ружейно-пулеметная стрельба. С каждой секундой стрельба все ближе и ближе. Послышались удары пулю по эшелону, мы распластались на платформе, уткнувшись лицом в доски.

Эшелон почему-то двигался все медленнее, а стрельба по нему становилась все сильнее и сильнее.

Наконец впереди послышался сильный шум: это паровоз и передние вагоны начали входить на мост. Через несколько секунд я уже вижу стальные фермы моста. Стрельба стихла, и, миновав мост, эшелон медленно потянулся к станции Якимовка.

За мостом, версты за две до станции, эшелон внезапно остановился. Из будки машиниста доносились стоны. Взойдя в будку, увидели человека с окровавленной правой рукой, завернутой в тряпку. Он оказался кочегаром паровоза. Возле него лежали мертвый машинист и раненный в грудь помощник машиниста.

Кочегар рассказал, что машинист был убит сразу же, как началась стрельба, за управление встал помощник, которого вскоре ранили в грудь, тогда его место занял он, кочегар, но перед самым мостом его тоже ранили в руку.

— Я бы и дальше вел паровоз, но прекратилась подача пара, вода вся вытекла, — объяснил кочегар.

Всего в эшелоне оказалось шесть человек убитых и около двадцати раненых. Пока им оказывали помощь, Калошин произвел учет людей. По его данным, в эшелоне осталось около двухсот человек.

Мы решили выставить к мосту хотя бы сотню бойцов

со всеми пулеметами, какие найдутся в эшелоне. Калошин занялся формированием отряда. В это время раздался гудок паровоза. То был маневровый маломощный паровоз, высланный начальником станции Якимовка, которому начальник станции Речица успел сообщить о происшедшей катастрофе.

Калошин остался с отрядом оборонять мост, а мы с дивизионным инженером Лаврентьевым направились с эшелоном на станцию Якимовка.

По прибытии на станцию я связался с Гомелем. Доложил начальнику Особого отдела 16-й армии Дукельскому о случившемся, о принятых мерах по оказанию помощи раненым и обороне моста.

Дукельский обещал связаться со штабом армии в Могилеве и результаты сообщить к вечеру.

Вскоре на станцию начали прибывать группами и в одиночку бойцы, переправившиеся вплавь через Днепр из района Речицы. От них стало известно, что все захваченные противником в плен военнослужащие дивизии помещаются в здании спичечной фабрики.

Во второй половине дня на дрезине прибыл Дукельский. Он одобрил наши действия, и мы отправились на дрезине к мосту.

Калошин доложил, что противник небольшими группами несколько раз пытался подойти к мосту, но всякий раз пулеметным огнем рассеивался.

— В случае серьезных попыток противника овладеть мостом, — заявил Калошин, — пулеметчики могут продержаться максимум час, на большее патронов не хватит!

— Да, положение исключительно тяжелое! Придет-ся что-то предпринимать немедленно! — заключил Дукельский.

Остановившись на минуту на станции, дрезина с Дукельским на предельной скорости помчалась в Гомель...

В числе прибывших с правого берега оказался командир взвода роты связи, ему я поручил организовать телефонную связь с мостом. Расторопный комвзвода в течение часа справился с заданием, и полевая связь мост — Якимовка заработала. Этот же комвзвода принял командование всеми оставшимися на станции «вооруженными силами». Начальник станции сообщил, что с соседней станции вышел воинский эшелон. Это начали осуществляться обещания Дукельского. Минут через пятнадцать — двадцать в комнату начальника станции вошли три командира. Один из них назвал мою фамилию, взяв под козырек, отрапортовал:

— Батальон курсов красных командиров прибыл на оборону Речицкого моста!

Оказалось, что триста курсантов направлялись на Южный фронт против Врангеля, но из Гомеля, по распоряжению штаба 16-й армии, их срочно направили на оборону моста.

На рассвете 9 мая на станцию Якимовка прибыли с правого берега уполномоченные Особого отдела Владивский и Белкин, одетые в гражданскую одежду. Как только началась стрельба по эшелону, они выпрыгнули из вагона и по берегу Днепра добрались до не занятой еще противником северной окраины Речицы. Там укрылись у знакомых местных жителей, а как только стемнело, вышли по берегу в расположение наших передовых частей и ночью переправились на левый берег Днепра.

От Владивевского и Белкина мы узнали радостные вести: в трех-четыре верстах севернее Речицы 171-я бригада дивизии задержала продвижение противника и ведет оборонительные бои. 169-я и 170-я бригады дивизии отошли в район местечек Холмич — Лоев.

Таким образом, кроме Речицы, правый берег Днепра от Горваля до Лоева, на фронте в семьдесят верст, удерживается.

живался частями дивизии. О полученных сведениях я тотчас доложил Дукельскому.

С утра командир курсантов каждые десять — пятнадцать минут сообщал о возрастающей активности противника в районе моста. Не имея связи ни слева, ни справа, он опасался за возможность переправы противника на левый берег.

Через некоторое время на дрезине прибыл Дукельский. Он сообщил, что части дивизии ночью начали переправляться на левый берег Днепра, и, учитывая это, командарм принял решение взорвать Речицкий мост.

Было решено подрыв моста произвести ночью. Подрывникам не удалось проникнуть вплотную к правой стороне моста, и подрыв был произведен в десяти — пятнадцати саженях от правого берега на протяжении шести — восьми сажен.

10 мая. Третий день мы ведем оборону Речицкого моста в отрыве от командования дивизии. Третьи сутки ни Калошин, ни Лаврентьев, ни я не спим.

Мост подорван, возможность переправы противника на левый берег Днепра исключена. Остается одна забота: как спасти наших, попавших в плен в районе Речицы и собранных на спичечной фабрике? Помочь нечем!

Утром прибыл из Жлобина бронепоезд «Василий Чуркин», оборудованный железнодорожниками депо Гомель. Пять платформ его, защищенных «броней» из котельного железа, были вооружены тремя орудиями и несколькими пулеметами. Задание бронепоезду — проверить состояние железнодорожных путей.

— Кто же дал твоему бронепоезду такое имя? — спрашиваю командира бронепоезда. — Ведь Василий Чуркин — легендарный разбойник!

— А бронепоезд и должен быть разбойником, да еще

дерзким разбойником, иначе он не бронепоезд, а едущая черепаха! — с заметной гордостью ответил командир.

Поехали к мосту. На появление бронепоезда противник никак не реагировал, точно не замечая его.

— Ну что ж, товарищи! Мост подорван, вижу, и делать мне здесь нечего! Подамся в Гомель, может, там дадут какую работенку,— заключил командир бронепоезда.

Не помню, кто подал мысль: обстрелять картечью район спичечной фабрики, навести панику на противника, а тем временем наши, может быть, сумеют выбежать с фабрики и лесом выйдут к передовым частям 171-й бригады.

— Дело рискованное, товарищи! — заметил командир бронепоезда.

— А без риска нельзя воевать,— подзадориваем мы его.— Сам же говорил, что бронепоезд должен быть дерзким разбойником! Вот и оправдывай имя своего бронепоезда!

— Снарядов десять могу пожертвовать на эту затею, а больше ни-ни! — отрубил командир.

О задуманном надо было поставить в известность командира 171-й бригады, чтобы он во время обстрела как можно ближе подтянулся к Речице.

Уполномоченный отдела Владиевский, знавший место переправы, вызвался выполнить это задание. Обстрел фабрики назначили на двенадцать часов.

Подъехав к мосту, командир бронепоезда в бинокль рассмотрел город, для проверки своих наблюдений влез на громадную сосну и только после этого приступил к обстрелу фабрики.

Только четыре снаряда выпустил бронепоезд, как вдруг — то ли от разрывов снарядов, то ли по другой

какой причине — над фабрикой взвился густой дым, а вслед за ним вырвалось огромное пламя огня. Горели верхние помещения фабрики.

— Все! Хватит! Своих можно побить! — сказал командир бронепоезда и перенес огонь на другой район города.

Как потом выяснилось, наши пленные после двух-трех выстрелов и начавшегося пожара смяли охрану, завладели ее винтовками и бросились в лес севернее Речицы.

Занимавшая здесь позицию часть противника, услышав стрельбу в своем тылу, а впереди увидев цепи наступающей пехоты, бросилась врассыпную. Паника, охватившая противника, помогла беспрепятственному выходу нескольких сот наших пленных из Речицы.

Командир бронепоезда, сделав свое дело, распрощался с нами и увез своих орлов в Гомель за новой дерзкой «работенкой».

После полудня в район моста начали подходить переправившиеся через Днепр части дивизии и занимать оборону по его левому берегу.

Вскоре на Якимовку прибыли начдив Кузнецов и военкомдив Темкин с полевым штабом.

Ознакомившись с ходом операции по обороне моста, командование дивизии выразило Калошину, Лаврентьеву и мне благодарность.

Ночью наш небольшой эшелон с работниками и бойцами штабных учреждений во главе с командованием дивизии отошел в Гомель.

Так случилось, что работник особого отдела дивизии в течение трех дней являлся одним из организаторов обороны стратегического моста через Днепр в районе Речицы.

ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Только две недели потребовалось на приведение в порядок дивизии.

Получив пополнение людьми, вооружением, боеприпасами, продовольствием и обмундированием, дивизия к концу мая была готова к начавшемуся вскоре весеннему наступлению Западного фронта.

Форсировав Днепр в районе Холмич — Лоев — Горваль, дивизия с ходу вновь заняла Речицу и через неделю непрерывных боев вышла на линию Хойники — Василевичи — Шацилки.

Против нашей дивизии действовала 9-я Познанская дивизия, сформированная в основном из бывших солдат и офицеров кайзеровской Германии.

Среди взятых в плен были и русские офицеры бывшей царской армии. На вопрос: «Как же вы, русские офицеры, воюете в польской армии против русской Красной Армии?» — они обычно отвечали, что воевали против большевиков, а не против России.

Перелом в настроении русского офицерства произошел после широко распространенного в частях противника воззвания известного генерала Брусилова, адресованного к русским офицерам за границей и в составе белых армий.

Текст этого воззвания гласил:

«В этот критический исторический момент народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к Родине и взываем к вам с настоятельной просьбой добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской рабоче-крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честною службою, не жалея жизни, отстоять во что бы то

ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расширения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию!»

После этого воззвания был издан декрет Советского правительства об освобождении от ответственности всех офицеров белых армий, которые помогут Советской России в войне с белой Польшей и Врангелем. Декрет был подписан В. И. Лениным.

Переход на нашу сторону бывших офицеров русской армии вскоре стал обычным явлением.

В ходе начавшегося успешного наступления дивизия была выведена из подчинения 16-й армии и передана в состав вновь созданной группы войск Мозырского направления.

В командование дивизией вступил Тимофеев-Наумов, бывший капитан царской армии, очень спокойный, вдумчивый, уже немолодой, безусловно преданный Советской власти человек и хороший штабной работник, но слабый характером военачальник. С первых же дней появления в дивизии штабники прозвали его «либеральный начдив».

Военкомдивом был назначен Крюков, твердокаменный большевик, волевой и энергичный человек, с большим опытом военкомовской работы, требовательный к себе и подчиненным, умеющий разбираться в людях. Эти качества Крюкова вскоре заслонили начдива, и руководство дивизией практически перешло к Крюкову.

Крупнейшим пунктом на пути продвижения дивизии на запад являлся город Мозырь.

Было известно, что при внезапном занятии белополюками весной города Мозыря они повесили группу членов партии и комсомольцев. В числе повешенных комсомольцев оказалась невеста уполномоченного Владиевского.

Кому же, как не Владиевскому — жителю города Мозыря, можно было поручить операцию захватить во что бы то ни стало живыми участников этого гнусного злодеяния!

Владиевский со своей группой и уполномоченный 169-й бригады Захаров ворвались в Мозырь, когда в нем еще шли бои с отступающими подразделениями противника.

Начальника полиции города и одного из приставов они застали в кабинете, где те сжигали следы своих злодеяний. Нашли они и непосредственных исполнителей казни партийцев и комсомольцев.

Арестовали также местного миллионера Зильберштейна, арендатора огромных лесных массивов Полесья, принадлежавших князю Сангушко. Следствием было установлено прямое участие Зильберштейна в организации казни коммунистов и террора против рабочих Мозыря и железнодорожников станции Калинковичи.

Следующим крупным пунктом на пути движения дивизии на запад являлся город Слуцк, занятый нашими частями несколько позднее Мозыря.

К тому времени полевой и основной штабы переместились на правый фланг дивизии, где в скором времени должны были начаться бои за овладение крупнейшим железнодорожным узлом Белоруссии — городом Барановичи.

Большинство арестованных в Слуцке контрреволюционеров состояло из руководителей уездной и городской полиции, двух-трех крупных помещиков, не успевших уйти из города с белополяками. Особенно запомни-

лась мне начальница местной женской гимназии — высокая полная молодая женщина с надменным лицом. Ее преступление было ужасным. Когда осенью 1919 года, отступая из Слуцка, наши части вынуждены были оставить больных и раненых красноармейцев в местных больницах и госпиталях, эта воспитательница молодых девиц острием зонтика выкалывала глаза беззащитным военнопленным красноармейцам. Свидетелями по делу выступали ослепленные ею красноармейцы, медицинские работники и прислуга больниц.

Двадцать отъявленных мозырских и слущких контрреволюционеров по постановлению особого отдела были расстреляны.

Район Барановичей — сплошное песчаное море. Песок, редкие сосновые леса да длинные мосты на сваях через болота.

Не восстановленный еще Речицкий мост задержал основные склады дивизии, включая и артиллерийские, в Гомеле.

Обозы, состоящие главным образом из повозок местных крестьян, растягивались на многие версты. На такую повозку грузилось только два-три снарядных ящика или два-три мешка муки или овса. Колеса повозок вязли в песке по самые оси. Грустно было смотреть на движение этих обозов. И это при стремительном наступлении армии на запад!..

Белополяки не смогли надолго задержаться в укрепленном районе Барановичей. И дивизия, что называется, на их плечах продолжала движение на запад.

От Барановичей пошли села и деревни со смешанным белорусским и польским населением. Внешне они выглядели такими же, как и у нас в России: вокруг плетней густо росла крапива, лопухи; на кольях плетней просушивались глиняные горшки и чугуны; на плетнях сушилось самотканое льняное белье. Только и

разница, что на крышах изб здесь находились огромные гнезда, свитые на колесе, в которых стояли на одной ноге белые аисты — священная птица белорусского крестьянина, да возвышались на дорогах деревянные кресты с распятием Христа.

Внутри деревянных изб все было деревянное: стол, лавки, кровати, люльки, миски, ложки, высокие разукрашенные солонки, чисто вымытые полы. Под деревянными иконами с изображением распятого Христа или девы Марии с младенцем висели деревянные лампы.

...По дороге встретили начальника дивизии Тимофеева-Наумова. Он ехал верхом в Барановичи в сопровождении ординарца, сдав дивизию новому начдиву Ольшанскому.

Разговорились.

— Не могу же я командовать дивизией, растянутой по фронту чуть ли не на двести верст. Не привык я к такой войне. Наверное, получу работу в штабе армии, — закончил свое повествование старый вояка, горячий патриот, один из первых офицеров старой армии, связавший свою судьбу с Красной Армией.

...В двадцатых числах июля части дивизии вышли на линию реки Муховец и водной системы Огинского канала с целью овладения городом Кобрином, последним опорным пунктом противника на подступах к Брест-Литовску.

Надо было успеть прибыть к передовым частям дивизии, с тем чтобы вместе с ними вступить в Кобрин.

Штаб бригады, куда мы с Глинкиным и Захаровым подъехали, расположился в будке обходчика путей, около железнодорожного моста через Муховец, верстах в семи-восьми от Кобрина.

Вокруг будки сутились телефонисты, перематывая на катушки телефонные провода. В небольшом фрукто-

вом садике, развалившись на траве, отдыхали ординарцы. У небольшого стожка сена сгрудились шесть-семь расседланных строевых лошадей. Было видно, что в будке расположился командный пункт бригады.

Со стороны Кобрина, справа и слева от него, доносились пулеметно-ружейная стрельба и изредка слышались артиллерийские выстрелы и разрывы снарядов.

Комбриг знал меня еще с Южного фронта и встретил нас приветливо. Кроме него в будке находились новый комиссар бригады и уполномоченный особого отдела Александров. На столе лежали походные карты с нанесенными на них синими и красными стрелками, кружками и прочими условными обозначениями. На стене висели два-три бинокля, поясные ремни с кобурами, плетки и шашки. На одном из подоконников стоял полевой телефон.

В это время по шоссе проходила форсированным маршем какая-то часть, и вскоре послышалось несколько близких орудийных взрывов. Комбриг в открытое окно будки позвал начальника штаба.

— Пошли немедленно ординарца к командиру, чтобы двигался лесом по обе стороны шоссе. Неужели не догадывается, что по нему бьет поляк.

И, обратившись к нам, объяснил:

— Это выходит на позицию из бригадного резерва батальон (он назвал номер полка), а комбат, шляпа, прется в открытую.

Рядом раздался оглушительный взрыв разорвавшегося снаряда.

Было ясно, что будка попала в зону обстрела противника. Когда от неожиданности все вскочили со своих мест, раздался второй взрыв снаряда, выбивший раму закрытого окна, и в ту же секунду послышался дикий крик: «О-о-й!» Когда пыль рассеялась, мы увидели лежащего на полу Александрова и поднимающего его

военкомбрига. Большой осколок снаряда пробил стену будки, задел по пути голову Александра и врезался в печку.

Вбежавшие в будку начальник штаба, Захаров и Глинкин помогли нам вынести Александра в садик, но он уже был мертв.

Так погиб замечательный рабочий-большевик, чекист, москвич из Хамовников Сергей Александров. Похоронили мы его тут же на берегу канала.

Потрясенные нелепой смертью Александра, все тронулись в направлении Кобрина, где один из полков бригады уже завязывал уличный бой с противником.

Через полчаса мы были на окраине Кобрина. Присоединившись к пулеметной команде полка, вместе с уполномоченным этого полка Алютиным направились в город.

По мере продвижения к центру города бойцы ускоряли шаг, не боясь быть обстрелянными с крыш и из окон домов.

Помню волнение, охватившее меня при виде восторженной многолюдной толпы пожилых и молодых горожан, вышедших с детьми на улицу, приветствовавших нас криками: «Ура!», «Нех жие Армия Червона!», «Нех жие Россия Радецка!» — и осыпавших нас полевыми цветами. Успевший много повидать за свою фронтową жизнь, я не мог удержаться от слез.

Вместе с сознанием огромной силы духа красноармейской массы, частицу которой составлял и я, мне в эту торжественную минуту ясно представлялось, что для нас нет ничего невозможного, нет преград в достижении цели и наш революционный порыв сметет все в своем стремлении вперед, на Варшаву!

Бойцы уже расклеивали обращение к польскому народу Временного революционного комитета Польши и заготовленные заранее приказы коменданта города,

регламентирующие взаимоотношения городского населения с военным командованием.

Захаров, Глинкин и Алютин с комендантским взводом полка, по обыкновению, направились разыскивать и занимать полицейские учреждения, уездную и городскую управу, типографию, почту и телеграф, а я в ожидании встречи с начдивом и военкомдивом поспешил в штаб бригады, где, знаю, уже шла лихорадочная работа политотдела бригады по организации ревкома.

До комендантского часа, объявленного с восьми часов вечера до пяти часов утра, на улицах города толпился народ. Группами и в одиночку горожане расспрашивали бойцов и командиров о Ленине и России; какие будут ходить деньги в обращении; какие цены будут на продукты, на одежду и обувь; на каком языке будут вестись преподавание в школах, работать учреждения и печататься газеты; будет ли работа для безработных; будет ли 8-часовой рабочий день; будут ли приниматься добровольцы в Красную Армию; когда закончится война с панской Польшей; долго ли простоят в Кобрине Красная Армия; не вернуться ли в Кобрин белополяки и т. д. и т. п. На все эти жизненно важные вопросы горожан надо было дать определенные и точные ответы. Обычно за получением исчерпывающих ответов на вопросы рекомендовалось обращаться в ревком города: там все знают и все расскажут.

В ожидании прибытия штабных учреждений я остался в Кобрине. Это было 27 или 28 июля.

Для польской армии создалось угрожающее положение. К тому времени части нашей дивизии стремительным ударом заняли город Жабинку и с соседними дивизиями 16-й армии вплотную подошли к Брест-Литовску.

На следующий день в Кобрин прибыл начальник Особого отдела 16-й армии Николай Михайлович Быст-

рых, сменивший на этом посту Дукельского, геройски погибшего в бою в городе Лида.

Быстрых развезжал по дивизиям с инструктажем по работе особых отделов на территории Польши.

Информация его о положении на Западном фронте была самая радостная и оптимистическая: противник повсеместно быстро отступает, и к половине августа должна быть занята Варшава, на чем и последует конец войны с панской Польшей.

Неотложные дела задержали отъезд оперативной группы отдела в Жабинку на два дня. После отъезда Н. М. Быстрых нужно было собрать весь оперативный состав отдела, бригад и полков, ознакомить их с новыми задачами работы отдела на территории Польши, произвести некоторые перестановки работников, рассмотреть законченные следственные дела арестованных: одних — для передачи в Ревтрибунал, других — на прекращение из-за незначительного состава преступления.

Стояло раннее свежее утро 3 августа. От Кобрина до Брест-Литовска сорок две версты, ровно на полпути — городок Жабинка. По хорошо сохранившемуся шоссе, устланному мелким камнем на цементе, в утренней прохладе лошади бежали легко. По сторонам шоссе то тут, то там были видны указатели с названием сел, деревень, фольварков и расстоянием к ним от шоссе.

Вскоре впереди, справа от нас, показалась на марше воинская часть, вступающая на шоссе с проселочной дороги в сопровождении огромного столба пыли. Как выяснилось потом, это был один из полков нашей дивизии, только что вышедший из дивизионного резерва, где получил небольшое пополнение, и теперь, укомплектованный до половины штатного состава, форсированным маршем двигался к Жабинке.

Пройдя за два дня более ста верст по грунтовым до-

рогам, полк двигался теперь со скоростью не более четырех верст в час.

Потные, запыленные до черноты, бойцы выглядели трубочистами. Многие казались совершенно выбившимися из сил, некоторые опирались на стволы винтовок или сидели на повозках с вещевыми мешками. Такие части обычно восстанавливали боеспособность через три-четыре дня отдыха. Но время не ждало, бойцы понимали это и шли вперед, преодолевая усталость. Впереди и с боков усталым шагом шли невзрачные на вид молодые командиры рот и взводов, которых от бойцов можно было отличить по револьверным кобурам или брезентовым сапогам, покрытым слоем пыли. Они вели своих бойцов на запад — последний фронт республики — отстаивать свою свободу, землю, фабрики и заводы, свои права на новую жизнь!

Полк шел по шоссе, по обеим сторонам которого росли огромные дубы и липы, выдавшие на своем веку армии Наполеона и Кутузова, кайзера Вильгельма и многих русских генералов...

Два года фронтовой жизни убедили меня, что русский человек, в каких бы трудных положениях ни находился, никогда не падает духом и не расстается с песней.

Вот и теперь: только на полчаса объявлен привал, а уже раздается звонкий голос запевалы, приятным высоким тенорком затянувший «Ермака». Сколько бодрости вселяла в бойцов эта песня!

Кто в жизни не щадил себя...—

тянет звонко запевала, и сотни молодых голосов дружно подхватывают.

Пусть в словах старой песни поход Ермака в Сибирь называется разбоем, а родина его зовется «святой

Русью», но в ней, в этой песне, раскрывается могучая душа русского человека, его мысли и чувства о Родине...

Жабинка. В полевом штабе дивизии идут последние приготовления к Брест-Литовской операции. На оперативном совещании присутствовали командиры и комиссары бригад, командиры и комиссары кавполка, артдивизиона, батальонов связи и саперного. Начальник штаба Забалуев информирует о задачах дивизии в предстоящей операции.

Нашей дивизии отведен участок на развилке железных дорог от Бреста на Владову и Ковель. Часть войск уже форсировала Буг и ведет бои в направлении города Седлеца. Выходит, что Брест-Литовск окружен нашими войсками и падение его предрешено: на рассвете он должен быть взят.

Уточняются разграничительные линии между бригадами, места сосредоточения частей и командных пунктов, маршруты и графики движения и т. п.

Сказаны последние напутственные слова, и все разъезжаются по своим местам, чтобы встретиться вновь на командном пункте начдива, в непосредственной близости от частей и самого Брест-Литовска.

Начдив Ольшанский, всегда подвижный, быстрый в движениях и принятии решений, сегодня молчалив и невпопад отвечает на вопросы Забалуева и Крюкова.

— Ну куда мы премся! — с досадой говорит он. — Хорошо, возьмем Брест, а дальше что? На Вислу, на Иван-город, а с чем? Ты вот говоришь: по пять снарядов останется на орудие. Хороший начдив ни в какой бой не ввяжется, имея столько снарядов! Безобразие! О чем думают они там! Есть ли у них башка на плечах!

Ни военкомдив Крюков, ни начальник штаба Забалуев ничего не могут возразить Ольшанскому.

Командование дивизии после боев за Кобрин настойчиво требовало от командующего Мозырской группой

ускоренной доставки снарядов, но все просьбы дивизии оставались невыполненными.

Дивизия по-прежнему пополнялась снарядами гужевым транспортом по барановическим пескам и Пинским болотам.

Чем ближе Брест-Литовск, тем явственнее слышатся глухие взрывы. Заключаем, что поляки взрывают уцелевшие крепостные сооружения, а может быть, мосты, готовясь к отступлению.

В направлении Брест-Литовска, вправо и влево от него, по всему горизонту ночного неба видны далекие зарева пожаров — горят села и деревни Белоруссии. Противник вымещает свою злобу за поражение на беззащитных белорусских крестьянах.

Было уже за полночь, когда мы подъехали к окраине Брест-Литовска...

Стремительное продвижение вперед, небывалые переходы по пятьдесят — шестьдесят верст, изнуряющая дневная жара, смертельная усталость и стертые до крови ноги бойцов творили на фронте свое губительное дело. Сон косил бойцов там, где останавливались: в поле, на дороге, в лесу. Да, такое напряжение мог выдержать только человек, знающий, за что он воюет, — воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Измученные, полуголодные бойцы идут навстречу смерти, жертвуют собою, отрекаются от всего личного, ничего не требуют в награду за свою жизнь, погибают незаметными героями во имя новой, свободной жизни без помещиков и капиталистов...

Но вот на востоке как-то незаметно небо начинает светлеть, звезды с каждой минутой теряют свой блеск; все небо из темного становится серым, потом все бледнее, бледнее, и наконец начинается рассвет, для некоторых, возможно, последний.

Послышались голоса: к пункту подходит группа

командиров. На их лицах отпечаталась суровость последних минут перед штурмом крепости.

Артиллерийская подготовка штурма началась точно в установленный срок на всех участках пяти дивизий. От грома выстрелов и разрывов снарядов ничего не было слышно вокруг. Удивленные работой своей артиллерии, командиры и красноармейцы стояли молча и только переглядывались друг с другом.

Где-то за Бугом еще раздавался треск взрывов — это справа от нас была чья-то артиллерия по отходящим из фортвов войскам противника.

Артиллерия отступивших за Буг частей противника пыталась шрапнельным огнем создать огневое заграждение против подходящих наших частей, но не достигала своей цели.

Слева от нас разомкнутыми рядами уже начали движение роты головной бригады в направлении одного из фортвов. Это была незабываемая торжественная минута победоносного вступления Красной Армии в Брест-Литовск... Впереди была Висла — последний рубеж на подступах к Варшаве...

Река Буг осталась позади, и вот мы в самой Польше. Первые же версты польской земли заметно отличаются от Белоруссии. Ровная местность, сплошной чернозем. Ни одной копны сжатого хлеба, ни одного скирда обмолоченной соломы! Все вывезено и упрятано заблаговременно. Вдалеке от шоссе виднеются фольварки польской шляхты.

На фоне сплошного желтого моря жнивья они выделяются темной зеленью своих фруктовых садов. Вправо и влево от шоссе к фольваркам тянутся хорошо разделанные грунтовые дороги, обсаженные вековыми деревьями.

Села и местечки выглядят благоустроенными, густо обсажены деревьями и фруктовыми садами. Деревян-

ные, на фундаментах дома крыты черепицей или железом, хозяйственные постройки — аккуратно подстриженной соломой. Просторные дворы и огромные лохматые собаки говорили о зажиточной жизни поселян.

Возле костелов густо толпится народ. Установленные по дорогам и у околиц сел высокие деревянные кресты напоминали о безраздельном господстве и влиянии католической церкви на темное и запуганное население, которое о революции в России или ничего не знало, или слыхало о ней небылицы на проповедях ксендзов.

Такой показалась нам Седлецкая губерния вельможной Польши.

При нашем приближении крупные помещики обычно покидали свои поместья и заблаговременно уходили в глубь Польши. В качестве их доверенных в имениях оставались управляющие или кто-либо из зажиточных крестьян. Они злоупотребляли доверием господ, расхищали вверенное им имущество, возлагая ответственность за это на Красную Армию.

На дивизионном политсовете был установлен порядок, при котором реквизиция у помещиков мясного скота, муки, крупы и других продуктов питания и фуража для лошадей может производиться только в случаях неполучения продовольствия от интендантских складов и исключительно по распоряжению командира и военного комиссара части, с обязательной выдачей владельцам чековых требований с печатью и за их подписями. Изъятие лошадей допускалось только в обмен на вышедших из строя.

Нарушение установленного порядка влекло за собою предание суду Ревтрибунала, признавалось мародерством и каралось по всем строгостям военного времени.

На всем пути нашего продвижения на запад местное население безотказно выполняло военные повинности,

считая их неизбежным злом в боевой обстановке, но требовало выдачи документов, по которым надеялось впоследствии получить соответствующую компенсацию.

Миновали город Бяла-Подляска, небольшой чистенький городок с белыми каменными домиками и просторной базарной площадью в центре.

Впереди город Радзин — последний крупный город на пути к Висле и крепости Иван-город.

По обе стороны шоссе на полях виднеются черные воронки, разбитые ящики от снарядов, повозки противника.

Общее наступление войск Западного фронта, начатое в начале июля, не ослабевало в своей стремительности.

Позади взорванные противником мосты и сожженные села Белоруссии. Никакого поступления боеприпасов. Обозы движутся к линии фронта где-то в глубоком тылу, за многие десятки верст.

Пешая и конная разведки не успевают определить ни времени отхода частей противника, ни направления отхода. Создается впечатление, что дивизия движется на Запад по инерции, на авось, вслепую! Хватит ли этой инерции до Вислы, до Иван-города?

Уверенность в скорой победе у всех была настолько велика, что вслед за полевым штабом в Радзин прибыли и основные дивизионные учреждения.

Да как же иначе: войска 16-й и 15-й армий овладели городом Ново-Минском и ведут бои в предместье Варшавы.

Вот уже месяц, как рухнул белопольский фронт, и небывалый военный успех вскружил головы командирам всех степеней, притупил у них чувство реальности.

К полному расстройству железнодорожного транспорта прибавилась еще одна беда: отсутствие повседневной надежной связи войск со своими штабами.

Полтора месяца непрерывного движения дивизии на запад сделали свое пагубное дело: убыль людей в частях достигла предела.

Желудочные заболевания на почве изнуряющей жары и потребления сырой недоброкачественной воды, фруктов и овощей, а также массовая потертость ног ежедневно выводили из строя сотни бойцов. Эти потери значительно превышали боевые.

Не получая пополнений, дивизии по своей численности превратились в бригады, бригады — в полки, полки — в батальоны, а последние — в роты и взводы. Вся дивизия к тому времени едва ли насчитывала 1,5—2 тысячи бойцов при 6,5—7 тысячах едоков! А участок дивизии по фронту равнялся пятидесяти — шестидесяти верстам.

Прекращение поступлений снарядов повлекло за собой сокращение числа артиллерийских батарей на фронте. Они или двигались за своими частями, или останавливались где-либо, образуя собою «мертвые» артиллерийские парки...

НЕОЖИДАННЫЙ УДАР

14 августа полевой штаб дивизии прибыл в местечко Коцк для непосредственного руководства намечавшимся на 15 августа форсированием реки Вислы.

Вечер 15 августа. Начдив Ольшанский, военкомдив Крюков и их ближайшие помощники в приподнятом настроении отдают по телефонам последние указания, обсуждают поступающие от бригад и полков донесения, сверяют по часам время.

Всеобщее благодушие нарушается сообщением комбрига левофланговой 169-й бригады о прекращении телефонной связи с соседним полком 58-й дивизии. Пол-

часа проходит, час — связи нет! Тот же комбриг сообщает, что в расположении частей 58-й дивизии слышна беспорядочная ружейно-пулеметная стрельба. Через несколько минут комбриг сообщает, что посланная им в соседний полк 58-й дивизии конная разведка была обстреляна противником и понесла потери. Еще сообщение: крупный кавалерийский отряд противника с артиллерией проследовал в тыл его бригады и быстро движется на восток, не ввязываясь в бой с частями бригады.

Учитывая возможность глубокого рейда кавалерии противника в тылы дивизии, начдив Ольшанский принимает решение отвести дивизию в район Радзина, а дивизионные учреждения эвакуировать в Брест-Литовск.

Еще вызов, на этот раз иного порядка: противник включился в полевой провод, и мы стали свидетелями такого разговора Ольшанского с неизвестным.

— Ольшанский, это ты? — спрашивал неизвестный голос.

— Я Ольшанский! — ответил начдив.

— Слушай, Ольшанский! — кричит незнакомый голос. — Если через десять минут не уберешься из Коцка, пеняй на себя!

— Кто говорит? — спрашивает Ольшанский.

— Говорит поручик (он назвал свою фамилию).

— Сволочь! — кричит в трубку Ольшанский и кончает разговор.

Ольшанский объяснил, что говоривший с ним по телефону польский поручик учился с ним в школе прапорщиков и вот теперь революция поставила их по разные стороны баррикад.

Между тем прекратилась связь и с двумя остальными бригадами — они, выполняя приказ начдива, поспешно отходили на восток.

В Радзине стало известно, что конница Булак-Була-

ховича, при поддержке артиллерии и пехоты на повозках, быстрым маршем движется на восток с целью овладения Брест-Литовском, стремясь тем самым отрезать пути отхода на восток войскам Мозырской группы и 16-й армии.

Отряд особого отдела — единственное в городе боевое подразделение — по указанию начдива уходит в заставу на южную окраину города. Все работники дивизионных учреждений собраны в штабе дивизии для отражения возможного ночного налета противника.

На рассвете на южной окраине города слышались сильная ружейно-пулеметная стрельба и разрывы бомб. Вскоре на базарной площади показались разъезды польских кавалеристов, но, встреченные дружным огнем штабников, они ускакали обратно. На месте расположения ночной заставы обнаружили тела убитых бойцов, груды патронных гильз и исковерканные взрывами гранат два пулемета без замков. Все восемнадцать бойцов из отряда особого отдела погибли геройской смертью...

Все первоочередное и важное погружено, и Гладков уводит на рысях нашу колонну из города на Брест-Литовское шоссе. Небольшая группа работников остается в Радзине в ожидании прибытия подвод и погрузки оставшегося имущества.

В Брест-Литовск на автомобиле проследовало и командование дивизии.

Было уже за полдень, когда небольшая группа работников отдела покинула город Радзин, направляясь в Брест-Литовск...

Потерпев поражение на Висле, Красная Армия вынуждена была отступить далеко на восток от той линии, которую она занимала в начале августа.

...Дивизия Пинскими болотами отходила на линию реки Птич, западнее линии Мозырь — Бобруйск.

Потянулись тягостные дни изнурительного отступ-

ления непроницаемыми лесами и бесконечными болотами, вдоль железной дороги и болотной реки Припять. Второй раз проходил я лесами и болотами Белоруссии, и мне казалось, что ее земля еще не просыхала со времен ледникового периода.

Вскоре начались мирные переговоры между Советской Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой, закончившиеся подписанием мирного договора.

НА БОРЬБУ С ПЕТЛЮРОВЩИНОЙ

После ясного бабьего лета наступили мрачные дни осени. Стоял конец сентября, и по ночам небольшие заморозки покрывали траву и повозки белым инеем. Утром иней быстро исчезал, оставляя после себя на предметах темные мокрые пятна. Низкие, темные облака, голые сады и леса. Толстый слой опавшей листвы смочен дождями и не шуршит под ногами. Ни цветка, ни голоса птицы! Все замерло в Полесье, и надолго! Только зеленые могучие сосны и ели утверждают вечную жизнь леса.

Чем дальше на восток, тем сильнее ощущаешь приближение русской зимы. На душе тяжело: три месяца нет писем ни от родных, ни от друзей. Доходят ли до них мои письма? Трудно на фронте солдату без писем. Одно радует — скоро конец войне и наступит желанная и заслуженная пора отдыха!

Вот в такую-то печальную пору осени мне пришлось распрощаться с 57-й дивизией. Дивизия переводилась на положение «трудовой армии» — рубить лес для железнодорожного транспорта. А что будет с нами, никто не знает.

...Ночевали в повозках, на мешках с овсом, около деревушки, укрывшись шинелями и брезентом.

Было раннее свежее утро. Проснулся от громкого разговора.

— Вставай, хватит нежиться! — слышу незнакомый голос. — Суваровский, назначен начальником особого отдела дивизии! — отрекомендовался пожилой военный.

Встаю, читаю предписание о его назначении и об откомандировании Алютина, Владиевского, Гладкова, Добрынина, Захарова, Крылова, Мовшовского и Рыбкина в распоряжение начальника особого отдела 17-й кавалерийской дивизии, направлявшейся на борьбу с петлюровцами. Срок исполнения — пять дней.

Никто из нас не ожидал такого «сюрприза». Выходит, что для нас война еще не кончена!

Быстро подписан приемо-сдаточный акт, получены аттестаты на все виды довольствия и командировочные предписания.

У каждого на ремне наган, за плечами вещевой мешок, в нем буханка хлеба, кусок сала, пара банок консервов, куска три колотого сахара, махорка и полотенце с мылом. Вот и весь багаж фронтовика! Все — на нем!

Тяжело было расставаться с друзьями и сослуживцами, с которыми за семь месяцев войны так много пережил: и радость побед, и горечь поражений.

На двух подводах спешим догонять дивизию, направившуюся три дня назад своим ходом на Украину, в район города Винницы.

Нам предстояло преодолеть на подводах четыреста верст по маршруту: Мозырь — Овруч — Коростень — Житомир — Бердичев — Винница.

За Коростенем кончились девственные леса Полесья и великих Пинских болот, и наконец мы увидели привольные поля Украины.

Грамота коллегии ОГПУ о награждении
И. В. Крылова почетным боевым оружием.

Затяжные осенние дожди превратили дороги в сплошное месиво. На пути постоянно попадались следы недавно прошедшей здесь войны с белополяками.

К нашему прибытию в Винницу 20 октября петлюровский фронт проходил по линии Проскуров — Летицев — Бар — Могилев на Днестре.

Армия Петлюры насчитывала тридцать пять тысяч штыков и пять тысяч клинков, а вместе с нестроевыми и штабами — около трехсот тысяч человек.

Ликвидация петлюровского фронта была поручена 14-й армии под командованием Уборевича. В нее входили 24, 41, 45 и 60-я стрелковые дивизии, 8-я Червоноказацья дивизия Примакова, отдельная кавалерийская бригада Котовского и наша, 17-я кавалерийская дивизия под командованием Боровича.

Длительный переход из Белоруссии тяжело отразился на боеспособности дивизии: примерно четверть конского состава была выведена из строя, и дивизия выступила на фронт в составе двух бригад.

В первых числах ноября штаб дивизии перешел поближе к частям дивизии в город Литин. Военный трибунал провел несколько показательных судов по делам мародеров, переданных ему особым отделом. В дивизии заговорили об особом отделе как органе, способствующем укреплению боеспособности дивизии.

В каком-то селе отпраздновали третью годовщину Советской власти и взятие нашими войсками Перекопа.

Все это вселяло уверенность в скорой победе над последними вооруженными силами внутренней контрреволюции.

Только двенадцать дней потребовалось, чтобы полностью разгромить петлюровскую армию.

Начатое 10 ноября наступление войск 14-й армии

было победоносно завершено 22 ноября. Остатки армии головного атамана Петлюры нашли свое убежище в панской Польше.

В РЯДАХ ЧЕРВОННОГО КАЗАЧЕСТВА

Приказом командующего Юго-Западным фронтом от 26 октября 1920 года 8-я кавалерийская дивизия червонного казачества и наша 17-я кавалерийская дивизия были сведены в 1-й конный корпус червонного казачества под командованием Примакова.

После разгрома петлюровской армии корпус червонного казачества был отведен в Киевскую губернию на отдых и частичную демобилизацию старших возрастов рядового и младшего начсостава.

Про легендарное червонное казачество, его организатора и командира героя гражданской войны Виталия Марковича Примакова и славных соратников его уже немало написано. Я имею в виду в первую очередь многолетние труды одного из видных военачальников червонного казачества, военного писателя И. В. Дубинского. Его произведения «Контрудар», «Золотая липа», «Трубачи трубят тревогу», «Очерки по истории червонного казачества», «Летопись памятных дней» дают полное представление о героической борьбе воинов червонного казачества за победу и укрепление Советской власти на Украине.

Независимо от этого каждый из нас, прошедший в рядах червонного казачества по несколько лет, обязан дополнить своими воспоминаниями еще не дописанную историю этого славного соединения советской конницы.

В конце ноября части дивизии сосредоточились в районе Белой Церкви Киевской губернии. Штаб и уч-

реждения дивизии разместились в городе, а части — в соседних селах и деревнях.

К тому времени на Правобережной Украине начали оживать многочисленные вооруженные банды, оставленные петлюровским командованием на территориях Киевской, Каменец-Подольской и Житомирской губерний.

Банды нападали на советские учреждения, расстреливали и вешали партийных и советских работников, громили и грабили сахарные и винокуренные заводы, ссыпные пункты зерна и продовольственные склады, устраивали еврейские погромы, убивали и терроризировали сельских активистов.

Действуя небольшими отрядами, эти банды, пользуясь поддержкой кулацкой и зажиточной части сельского населения, были неуловимы.

Права особых отделов были расширены. Население предупреждалось, что все пойманные с оружием в руках бандиты, а равно укрывающие и способствующие им будут беспощадно караться. Началась новая, более острая и ожесточенная борьба с петлюровской контрреволюцией.

Публикация в газете объявлений о репрессиях против бандитов преследовала цель: показать всему населению района расположения дивизии, что Красная Армия берет под свою защиту от кулацкого бандитизма все трудовое население города и деревни; отколоть от политического и уголовного бандитизма и привлечь на свою сторону колеблющиеся слои крестьянства, городской и сельской интеллигенции.

Политотдел дивизии и политработники полков широко разъясняли населению «текущий момент», меры, направленные на подъем народного хозяйства и укрепление революционной законности.

В результате всего этого намечалось резкое разме-

жевание населения на два лагеря. В одном — деревенская беднота, организованная в комитеты незаможных селян (комнезамы), сельские активисты и передовая часть городской и сельской интеллигенции. В другом — кулацкая и зажиточная часть сельского населения и верхушка контрреволюционной петлюровской интеллигенции.

В лице комнезамов, сельских активистов и передовой интеллигенции особый отдел дивизии и его уполномоченные в бригадах и полках получили сотни добровольных энергичных помощников.

Лютая зима 1921 года выгнала банды из лесных землянок, и они растворились в общей массе сельского населения. С зимой прекратилась активная деятельность банд. Сахарные и винокуренные заводы, ссыпные пункты зерна, продовольственные склады и крупные железнодорожные станции были поставлены под охрану частей дивизии.

В половине декабря в дивизии распространился слух об уходе из дивизии начдива Микулина. Большинство штабников и работников политотдела склонялось к предположению, что начдивом будет назначен Котовский.

О Котовском говорили как о лихом рубаке-партизанине, не признающем никакого авторитета. Штабные работники из числа бывших офицеров царской армии своих мнений о Котовском не высказывали и держались выжидательно. Их смущало то, что Котовский, не имея в своей бригаде большого штаба, может игнорировать штабную службу и внесет беспорядок в работу штаба по управлению частями дивизии.

— Одно дело бригада двухполкового состава,— говорили они,— и совсем другое — три бригады и шесть полков с арtdивизионом, техническими частями и разнообразными дивизионными учреждениями!

28—29 декабря 1920 года в Белую Церковь прибыл Котовский. Полки его бригады расположились в окрестностях города.

Дня через три после прибытия Котовского в деревне Гребле, что в пяти-шести верстах от Белой Церкви, появились части повстанческой армии Махно численностью до тысячи сабель, с артиллерией и пулеметами. Узнав, что в Белоцерковском уезде стоит Котовский, Махно, не принимая боя, повернул на восток. «С Котовским не воюю», «Где Котовский, там нет Махно» — такими краткими листовками объяснил Махно населению Киевщины свое бегство.

Выполняя приказ командования, Котовский пополнил свою бригаду бойцами других частей дивизии и стремительно бросился преследовать Махно...

Под Новый год внезапно подул холодный северный ветер. Ударил крепкий мороз, и за одну ночь выпал такой обильный снег, что весь город стал белым, полностью оправдывая свое название.

Наступили тягостные дни суровой зимы. Голодно и холодно было той зимой в Белой Церкви. Поизносилось обмундирование. Не было ни мыла, ни второй смены белья. С осени редко кто был в бане. Дров хватало только на отопление канцелярий, на ночь превращавшихся в ночлежки. Спали на столах и вповалку на полу.

А борьба с бандитизмом, несмотря ни на что, не ослабевала.

В начале февраля Котовский возвратился в Белую Церковь. Пройдя по следам Махно около пятисот верст по зимней гололедице, Котовский не смог догнать его. На стороне Махно было преимущество в скорости движения: на своем пути он беспрепятственно менял у крестьян выбывший из строя конский состав и первым получал нужное продовольствие и фураж, чем и осложнял погоню.

В скором времени состоялось первое при Котовском дивизионное совещание, на котором присутствовали командиры и комиссары бригад и полков, начальники и комиссары специальных служб и дивизионных учреждений. Котовский выступал с докладом о боевой и политической подготовке дивизии.

После дивизионного совещания все наше предвзятое отношение к Котовскому развеялось и представление о нем оказалось опрокинутым. В основу боеспособности дивизии он положил три принципа: железная дисциплина для всех; взаимное уважение и доверие между командиром и бойцом; боевая выучка политически сознательного бойца и командира.

Касаясь вопроса борьбы с бандитизмом, Котовский говорил:

— Мы выделяем эскадроны и дивизионы на ликвидацию мелких банд. Гоняемся за ними неделями. Мучаем людей и лошадей, а должных результатов нет. Вот я гнался за Махно целый месяц, а толку никакого. Почему это все происходит? Потому, что большие и малые банды не имеют своих обозов, быстро передвигаются с места на место и отлично знают местность и среду, где они оперируют.

Пусть мелкими бандами зимой занимается особый отдел,— сказал Котовский в заключение.— Выделим ему для этого один эскадрон, и хватит. А полки должны заниматься боевой подготовкой и готовиться к весне, к уничтожению крупных банд.

Вскоре дивизия перешла в Таращанский уезд, в районы действия крупных банд Соколовского, Цветковского, Лихо и других. Гладков был отозван в столицу Украины — Харьков на работу в милицию, и мне, в ожидании нового начальника, пришлось принять на себя руководство работой отдела.

Три месяца работы с Г. И. Котовским дали мне

возможность узнать его не только как замечательного военачальника, но и как подлинного наставника в моей работе.

В каком бы городе, местечке, большом или малом селе мы ни появлялись, Котовский при встрече со мной вынимал из кармана свою записную книжку и начинал искать в ней фамилии петлюровских офицеров, уроженцев данной местности, попадавших к нему в прошлом в плен и отпущенных им на свободу под честное слово не принимать участия в вооруженной борьбе с Советской властью.

— Проверь, пожалуйста, этих офицеров, сдержали ли они свое слово! — обычно требовал Котовский.

При проверке оказалось, что многие бывшие офицеры сдержали слово, честно работали в советских учреждениях или занимались сельским хозяйством. Некоторых из таких он желал видеть, говорил с ними о прошлой и настоящей их жизни. Но были и такие, которые не сдержали данного Котовскому обещания. О таких он обычно говорил:

— Попадется — застрелю собственноручно!

Город Тараща. 18 марта — 50-летие Парижской коммуны. В честь праздника назначен парад дивизии. У нас в гостях трое французов — участников восстания парижского пролетариата. На поле, за городом занимают свои места полки дивизии. Возле трибуны небольшая кавалькада работников штаба и дивизионных учреждений. Все взоры обращены на трибуну. Седые коммунары пристально всматриваются в колонны готовящихся к параду частей, о чем-то весело переговариваются.

Мы смотрели на этих седых, опрятно одетых ветеранов и думали: «Доживем ли мы до 50-летия Советской власти?»

Заняли свои места полки 2-й и 3-й бригад, а 1-й

бригады Криворучко еще не видно. Котовский нервничает, то и дело посматривает на часы. Комиссар дивизии Гребнюк и начальник политотдела Крохмаль подшучивают над Котовским:

— Не к лицу, Григорий Иванович, бригаде Котовского опаздывать к параду! И это делает не кто иной, как комбриг Криворучко, первый заместитель начдива! Каково?!

Котовский мечется в седле, лицо его с каждой минутой багровеет, но он молчит.

— Быть беде! — раздается шепот в штабной кавалькаде.

Подходит время начинать парад, а 1-й бригады нет! Наконец на рысях подошла и она. Комбриг Криворучко галопом подскакал к Котовскому доложить о прибытии бригады на парад, но не успел он открыть рта, как мы услышали резкий, приглушенный волнением голос Котовского:

— Зарублю! — И Криворучко, быстро повернувшись, поскакал строить свою бригаду к параду.

Парад прошел успешно. Французские гости и все присутствующие остались довольны, лишь с лица Котовского долгое время не сходили следы гнева...

Позже Криворучко признавался, что даже в бою он не видел Котовского в таком гневе, в каком он объяснялся с ним на параде.

В зимние месяцы 1921 года дивизии удалось основательно очистить от бандитских элементов Белоцерковский и Таращанский уезды Киевской губернии. С весной дивизия перешла в Подольскую губернию, расположившись в районе Липовец — Ильинцы — Дашев.

Но не пришлось Г. И. Котовскому принять участие в подавлении бандитизма на Подолии: в половине апреля бывшая бригада Котовского была выделена из состава 17-й кавдивизии и начала поспешно готовиться

к отъезду в Тамбовскую губернию на подавление кулацко-эсеровского восстания, руководимого эсером Антоновым.

Тщательно готовился Котовский к выполнению этого ответственного задания правительства. Вместе с бригадным уполномоченным особого отдела Гажаловым просмотрел списки личного состава бригады.

— Мне нужны для этого дела только такие бойцы и командиры, — говорил Котовский, — на которых я могу положиться так же, как на себя! Ты, Гажалов, — обращался Григорий Иванович к уполномоченному, — смотри: в ком у тебя есть хотя бы малейшее сомнение — исключай из списков!

Николай Гажалов прибыл в дивизию вместе с Котовским и его бригадой. На редкость скромный, даже, как мне казалось, несколько стеснительный для своего положения, Гажалов жил бригадой, знал наперечет не только командиров, но и рядовых бойцов, прошедших вместе с ним боевую выучку Котовского.

Котовский ценил в Гажалове его личную храбрость, находчивость, умение разбираться в людях и ладить с ними, высокую принципиальность в решении больших и малых вопросов, любовь к порученному партией делу.

— Мне без Гажалова было бы трудно, — говорил Григорий Иванович.

Гажалов знал отношение к нему Котовского, но никогда и ни в чем он не злоупотребил его именем. Можно было с уверенностью утверждать, что в случае смертельной опасности Гажалов не колеблясь отдал бы свою жизнь за Котовского.

Перед 1 Мая последний эшелон бригады Котовского погрузился в Немирове и через Винницу убыл в Россию...

В командование дивизией вступил Дмитрий Аркадьевич Шмидт.

Объявленная Советским правительством новая экономическая политика с заменой продразверстки натуральным налогом нанесла сокрушительный удар по политическому бандитизму.

Основная масса крестьянства бесповоротно встала на сторону Советской власти; объявленная вслед за тем амнистия бывшим участникам банд, добровольно сдавшимся властям, лишила бандитское движение источников пополнения.

Окончательная ликвидация бандитизма в Литинском, Летическом и Хмельницком уездах Подолии была возложена на нашу дивизию, принявшую наименование 2-й Червоноказачьей дивизии. Оперировавшие здесь крупные банды Шепеля и Гальчевского были подавлены частями нашей и 24-й стрелковой дивизии в тесном взаимодействии с Винницким губернским отделом ГПУ.

Этот период борьбы с бандитизмом широко освещен И. В. Дубинским в его трудах о червонном казачестве.

...С лета 1922 года начался мирный период в жизни 2-й Червоноказачьей дивизии, в рядах которой я пробыл незабываемые шесть лет. А дальше — еще пять лет напряженной работы в частях 15-й Сивашской и 7-й Фрунзенской дивизий.

Выдающийся советский полководец, герой гражданской войны Михаил Васильевич Фрунзе 6 мая 1924 года в грамоте о награждении Особого отдела ОГПУ орденом Красного Знамени за отличие в боях против врагов социалистического отечества указывал:

«Наряду с вооруженной борьбой белогвардейских армий, контрреволюция постоянно пыталась нанести Красной Армии предательский удар в спину. В тылу Красной Армии организовывались белогвардейские заговоры и восстания, тонкой паутиной измены, предательства и шпионажа пыталась контрреволюция опу-

тать Красную Армию, внести в нее яд разложения, обессилить и погубить ее.

Все эти предательские попытки разрушить Красную Армию изнутри разбивались самоотверженной революционной работой Особого отдела в центре и на местах.

Зам. Председателя РВС СССР М. Фрунзе».

Я счастлив, что мне была предоставлена возможность принимать участие в этой работе на благо нашей Родины.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Считаю своим долгом познакомить читателя с дальнейшей судьбой некоторых моих боевых товарищей, принимавших участие в борьбе за победу Советской власти в Москве и защите завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Погибли на фронтах гражданской войны: Сергей Глаголев, Василий Белокопытов, Борис Нилов, Александр Книга, Василий Арефьев, Петр Митин, Матвей Рыков, Семен Демкин, Петр Потапов, Казимир Маковский, Николай Битхер, чекисты Карл Шульц, Вильгельм Краузе и другие бывшие красногвардейцы завода.

Многие красногвардейцы после гражданской войны продолжали работать на заводе, в партийных и советских органах Москвы и в рядах Красной Армии.

Назову некоторых из них.

Ивановский Александр Иванович оставался председателем партийной ячейки и первого рабочего правления завода до дня смерти в марте 1919 года в возрасте 34 лет.

Шеногин Федор Михайлович после революции ру-

ководил всеобщим военным обучением и продовольственным снабжением населения района, восстанавливал деятельность лечебных учреждений, организовывал медпункты и школы ФЗО на предприятиях, заведовал отделом серебра в государственном хранилище (Гохран). В годы гражданской войны — военный комиссар частей на колчаковском фронте. Затем был на ответственной партийной, советской и хозяйственной работе. К началу Великой Отечественной войны Ф. М. Шенюгину было 53 года. С первых дней войны он в рядах народного ополчения. Погиб в 1942 году в боях под Москвой. Его именем названа одна из улиц Москвы.

Киборт Иосиф Станиславович с 1918 по 1929 год был на руководящих должностях в армейских органах ВЧК — ОГПУ (в дивизиях, корпусах, армиях, погранвойсках). В 1922 г. ему было присвоено звание «Почетный чекист». С 1929 г. — на пенсии по болезни, затем работал в Управлении курортами Крыма. Умер в 1937 г. Одной из пограничных застав в Литве присвоено имя Киборта.

Пржевоцкий Антон Ромуальдович в годы гражданской войны занимал командные должности в войсках Северного и Западного фронтов. За личный героизм в боях награжден орденом Красного Знамени. В 1919—1920 годах выполнял особое задание командования Красной Армии в тылах немецкой и белопольской армий и по ликвидации белогвардейских банд в Минской и Смоленской губерниях. С 1921 года находился на подпольной работе в Литве и Польше. Польским военным судом был осужден на 12 лет каторжных работ. При перевозке заключенных бежал в Каунас, где снова продолжал свою полную опасностей и риска работу.

С августа 1941 года выполнял особые задания коман-

дования Красной Армии в тылу фашистских войск. 27 января 1943 года Антон Ромуальдович Пржевоцкий расстрелян гестапо в 9-м форте Каунасской крепости.

Кузнецов Александр Семенович — с 1918 по 1921 год воевал на Западном фронте, был председателем партийной ячейки 41-го Пресненского полка. С 1921 по 1930 год — на руководящей партийной, профсоюзной и советской работе в Куровском, Егорьевском и Орехово-Зуевском уездах. Затем заместитель председателя ВСНХ и наркома легкой промышленности РСФСР, начальник политотделов на Сибирской и Забайкальской железных дорогах. Прошел всю Великую Отечественную войну, затем был на руководящей хозяйственной работе. Умер в 1959 году.

Цветаев Вячеслав Дмитриевич в 1918—1920 годах воевал на Северном фронте, занимал командные должности от командира роты до командира 54-й дивизии, освободившей Архангельск от интервентов. После гражданской войны командовал дивизиями Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны генерал-полковник Цветаев командовал 5-й ударной и 33-й армиями. Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени (двумя за гражданскую войну), тремя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени, Богдана Хмельницкого I степени и медалями.

В послевоенный период возглавлял Военную академию имени Фрунзе. Умер в 1950 году.

Сибирцев Федор Давыдович — в гражданскую войну военком полка, после демобилизации работал директором завода «Пролетарский труд» и предприятий промкооперации. С 1956 года — персональный пенсионер союзного значения. Умер в 1973 году.

Любимов Василий Николаевич. По выздоровлении от тяжелого ранения в октябрьских боях участвовал в

гражданской войне на Южном фронте, работал на заводе, окончил рабфак и промакадемию. Работал на руководящих должностях в Наркомвнешторге и Министерствах тяжелого машиностроения и цветных металлов. С 1961 года — персональный пенсионер союзного значения. Проживает на Красной Пресне и активно работает по воспитанию молодежи на революционных и боевых традициях Красной Пресни.

СОДЕРЖАНИЕ

Пресненский котельный завод меняет вывеску	5
На заводе братьев Тильманс и К ^о	10
Всеобщая забастовка	12
Долой царя!	19
Новая власть на Пресне	24
Весна 1917-го	31
Первая проба сил	34
Тильманцы — на «Прохоровке»	37
Пора митингов	39
Накануне восстания	46
Первый успех восстания	51
Перед решающими боями	55
Бой на Кудринской	64
Неоправданное перемирие	74
На Поварскую!	77
Последний бой	84
На помощь украинским и белорусским братьям	89
Первая встреча с Лениным	92
Конец анархистствующему бандитизму	94
Заводские будни	102
Первый советский Первомай	107
Враг — голод	108
Митинговые «пятницы»	115

Иван Вонифатьевич Крылов
ЗАПИСКИ КРАСНОГВАРДЕЙЦА

Заведующий редакцией **К. Кувшинов**

Редактор **Н. Блисковская**

Художник **Н. Еремченко**

Художественный редактор **Н. Игнатьев**

Технический редактор **Г. Бессонова**

Корректор **З. Кулемина**.

Л 118949. Сдано в набор 29/VI 1976 г. Подписано к печати 24/XI 1976 г.
Бумага № 2. Формат 70×108^{1/32}. Усл. печ. л. 10,15. Уч.-изд. л. 9,81.
Тираж 30 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 980.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Московский рабочий», Москва, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.